

САРАТОВСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского

САРАТОВСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК

Научные труды и публикации

Выпуск 6

Под редакцией проф. *В.Н. Данилова*

Саратов, 2016

УДК 908(470ю44)(082)
ББК 26.89(235.54)я43

Рецензент:

Доктор исторических наук, профессор Е.И. Демидова

Редакционная коллегия

*М.В. Булычев, А.А. Гуменюк,
В.Н. Данилов (отв. редактор), Н.М. Малов*

Саратовский краеведческий сборник: Научные труды и публикации / Под ред. проф. В.Н. Данилова. – Саратов: изд-во «ТехноДекор», 2016. Вып. 6. – 236 с. Илл.

ISBN 978-5-9909041-3-2

В данном выпуске сборника помещены материалы научной конференции «425 лет Саратова: эволюция городских структур и практик», прошедшей в Саратовском университете 15 сентября 2015 г. Публикации касаются как общих вопросов многовековой истории Саратова, так и отдельных проблем развития городского пространства, экономики и культуры города, деятельности органов самоуправления. Ряд статей посвящен страницам жизни в Саратове видных личностей.

Для научных работников, студентов, учителей общеобразовательных школ, всех интересующихся историей родного края.

УДК 908(470ю44)(082)
ББК 26.89(235.54)я43

ISBN 978-5-9909041-3-2

© Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет, 2016

О МЕСТЕ САРАТОВА СРЕДИ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

Каждый город обладает неповторимой индивидуальностью и своей судьбой. Древние римляне считали, что судьба места зависит от его покровителя, которого они называли *genius loci* (гений или дух места). Историки нового времени писали о городской индивидуальности, о «душе» города. Познать «душу» города или, как теперь говорят, его идентичность, то есть его духовную неповторимость, «самостояние», можно через историю, исследуя эволюцию его экономических, социальных и культурных структур и практик. Понять «душу» города помогают художественные и мемуарные тексты. Этот путь изучения города как «сборительной личности» заложен в работах Ивана Михайловича Гревса и Николая Павловича Анцифорова, посвященных Петербургу¹. Один из интересных опытов современного городского «душеведения» – книга Петра Вайля «Гений места»². Главный элемент его анализа – это сравнение и сопоставление городов, воспринятых через гениальную личность.

Интересный, хотя и небесспорный, опыт постижения метафизики Саратова был предложен философом Тamarой Петровной Фокиной³. Не претендуя на постижение «души» Саратова, я в своем сообщении хотел бы поразмыслить о том, какое место принадлежало Саратова среди российских городов, как исторически менялись его статус и восприятие. «Особость» города выявляется лишь в сравнении с другими городами.

В широком смысле место города среди других поселений может определяться множеством факторов: географическим положением, административным статусом, национальным обликом, уровнем развития экономики, культурными достижениями, наличием знаменитых уроженцев...

Едва ли не первостепенное значение имеет величина города, количество его населения. «Чем крупнее город, тем для большего округа становится он жизненным центром <...> чем крупнее город, тем он культурнее, тем на более рациональных основаниях поставлено в нем хозяйство и тем более удовлетворяются разнообразные потребности жителей <...>, и на-

¹ См.: Анциферов И.П. «Непостижимый город...» Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина / сост. М.В. Вербловская. СПб., 1991.

² Вайль П.Л. Гений места. М., 2000.

³ Фокина Т.П. Саратов повторение и различие. Обнинск, 2005.

родное образование, и общественное призвание, и медицинская, и санитарная части, и наружное благоустройство обставлены в крупных городах несравненно лучше»⁴. Это суждение российского статистика конца XIX века с некоторыми уточнениями применимо и к другим историческим периодам.

Саратов возник в конце XVI века и изначально был ничтожно мал. Своим рождением город во многом обязан Волге. Звание одного из волжских городов – это константа его существования, хотя роль реки менялась в разные периоды существования города. Основание и строительство Саратова было результатом правительственной политики Бориса Годунова по обеспечению безопасности Волжского пути и закреплению Поволжья за Российским государством. Русский город-крепость на этом месте возник в 1590 году, о чем сообщают достоверные источники, и все разговоры о его большей древности антинаучны и являются свидетельством политического манипулирования историей.

Продвижение России на земли бывшего Дикого поля и Золотой Орды было причиной основания многих городов, близких ровесников Саратова. В 1580-е годы на южных границах России были построены крепости Воронеж, Ливны, Елец, Белгород, Оскол. На средней и нижней Волге были заложены Самара (1586), Царицын (1589), Саратов (1590), на реке Белой – Уфа (1586). Три волжских крепости были основаны князем Г. О. Засекиным (в Волгограде и Самаре ему стоят памятники). По своему внешнему облику и устройству первоначальные города-крепости были близнецами. Их деревянные укрепления, церкви, избы строились из леса, спущенного по Волге из-под Казани. А население составляли стрельцы-«годовальщики», количество которых едва ли превышало 500 человек.

В последовательности основания трех волжских городов видна определенная логика. Самара находилась ближе к «русской» Казани и в то же время выдавалась далеко в ногайскую степь; Царицын был основан на Переволоке, имевшей важнейшее стратегическое значение, и находился ближе ко второму важнейшему центру русской власти в Поволжье – Астрахани. Однако между Самарой и Царицыным оставался слишком большой участок Волги, который пытались контролировать и кочевники-ногаи и «воровские» казаки. На середине этого участка и был заложен Саратов. Удаленный от центров русской власти, не имевший на первых порах ни посада, ни земледельческой округи, он оказался слабым звеном среди новых городов. Об этом свидетельствует его запустение в тяжелое Смутное время и сам факт двукратного переноса города.

⁴ Цит. по: Очерки русской культуры XIX века. Т. 1: Общественно-культурная среда. М., 1998. С. 20.

После переноса Саратова на его современное место в 1674 году, происходит заметный рост его населения и экономического значения. Если в 1634 году его население составляли свыше 400 служилых людей м.п., 30 посадских и 51 человек соседей и подсоседников⁵, то к 1678 году число посадских дворов в городе возросло более чем в пять раз⁶. Самара в этот период стала отставать от своего южного соседа по росту посадского населения, а Царицын вовсе не имел тогда посада. Важнейшим показателем уровня городской культуры было каменное строительство. В первое столетие своего существования Саратов не имел каменных построек, как и другие города между Казанью и Астраханью, которые в свою очередь сильно отличались наличием каменных кремлей. Но уже в 1697 году в Саратове началось строительство сразу двух каменных церквей – Троицкого собора и церкви Рождества Богородицы⁷.

В петровское время Саратов совершил заметный скачек в своем развитии, оставив далеко позади своих ближайших соседей – Самару, Царицын, Камышин. По численности населения (ок. 4 тыс. душ м.п.) Саратов обогнал центр губернии Астрахань и приблизился к «серединным» поволжским городам – Симбирску, Казани и Нижнему Новгороду⁸. В списке 1723 года Саратов оказался в третьей категории городов с числом посадских дворов от 500 до 1000 наряду с такими городами, как Псков, Тверь, Рязань, Кострома, Тула, Калуга⁹.

Быстрому росту города способствовали его положение ближайшего к Москве города Среднего и Нижнего Поволжья, близость эльтонской соли, положение калмыцкой «столицы», наделение Саратова огромным земельным массивом и т.д. Английский путешественник Д. Белл, побывавший в нашем городе в 1716 году, назвал его «большим городом», а его коменданта – «губернатором»¹⁰, хотя в то время город не имел даже собственного уезда.

⁵ Рабинович Я. Н. Воеводы левобережного Саратова (1616–1641). Саратов, 2014. С. 183.

⁶ Водарский Я. Е. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVIII века. Сб. статей памяти Н. В. Устюгова. М., 1966. С. 289.

⁷ Беликов М. П. Старый собор и Старый город: История Свято-Троицкого кафедрального собора и города Саратова в свете новых данных. Саратов, 2015. С. 190, 192.

⁸ Максимов Е. К., Мезин С. А. Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб., 2010. С. 27–28.

⁹ Водарский Я. Е. Список городов России с указанием примерного количества посадских дворов (1723) // Исторический архив. 1961. №6. С. 236.

¹⁰ См.: Дмитриев Е. Е., Мезин С. А. Поволжье петровского времени глазами британского путешественника // Россия – Великобритания: Пять веков культурных связей. Материалы VI Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 6–8 июня 2014 года. СПб., 2015. С. 157.

О значении и амбициях саратовских воевод свидетельствует назначение им в 1752 году жалования «прочим не в образец» в 1200 рублей в год, что почти в три раза превышало обычное воеводское жалование. А в 1749 году саратовский воевода попросил у столичных властей на строительство своего трехэтажного дома 2639 рублей. Этот гигантский запрос вызвал к жизни специальный указ Сената, согласно которому дом воеводы в «приписных» (то есть не губернских) городах мог состоять лишь из четырех комнат, ограничивалось и количество подсобных строений на усадьбе¹¹.

Спокойное развитие города в середине XVIII века, рост населения и постоянное освоение земледельческой округи привели к первому изменению административного статуса Саратова – в 1769 году он становится центром провинции. По соседству провинциальными «столицами» были Симбирск, Пенза, Тамбов, Воронеж и другие города, позже ставшие губернскими центрами. К 1760-м годам относятся первые положительные отзывы о внешнем облике Саратова. Граф В. Г. Орлов в 1767 году отмечал, что улицы в Саратове «проведены очень хорошо, и строение получше обыкновенных российских городов, как, например, Симбирска»¹². Отмечались и «прекрасные дома», напоминавшие дворянские усадьбы. Однако по части церковного строительства (7 каменных церквей) окраинный город сильно уступал старинным русским центрам – Новгороду, Пскову, Владимиру, Ярославлю, Суздалью.

Немного раньше, в 1763–1767 годах, Саратов стал центром немецких колоний на Волге. А в его национальном облике появилась немецкая метка.

О том, что саратовцы во второй половине XVIII века стали заявлять о своей неординарности, свидетельствует тот факт, что вместо положенного одного депутата от города в екатерининскую Уложенную комиссию они избрали пять. Этот казус стал предметом специального рассмотрения в Сенате, который, впрочем, утвердил выбор горожан¹³.

В 1774 году на город посыпались несчастья: он почти полностью сгорел, а затем был взят повстанцами Е. Пугачева. По замечанию Г. Р. Державина, Саратов, насчитывавший тогда 15 тысяч жителей, имел «единственное наименование города»¹⁴.

¹¹ Мезин С. А. Саратовские воеводы и коменданты первой половины – середины XVIII века // *Дворянство, власть и общество в России XVIII века*. М., 2012. С. 120, 142–143.

¹² Цит. по: Кушева Е. Н. Саратов в третьей четверти XVIII века. Саратов, 1928. С. 36.

¹³ Артамонова Л. М. Депутаты и наказания саратовских крестьян в Уложенную комиссию // *Краеведческие чтения. Доклады и сообщения IV–VI чтений*. Саратов, 1994. С. 158.

¹⁴ Записки Гавриила Романовича Державина. 1743–1812. М., 1860. С. 81.

Тем не менее, в 1781 году статус города был повышен до центра губернии, что привело к изменениям в его социальном и культурном облике, к строительству нового административного центра на бывшей окраине. Современник, путешествовавший по России, отмечал, что губернские постройки в Саратове выглядели лучше, чем в других городах, но сам город уступал по застройке Тамбову и Курску¹⁵. Действительно, Саратов тогда не выделялся среди губернских городов ни экономическими показателями, ни архитектурными достоинствами («город строением весьма обижен»). Такие города, как Тверь, Калуга, Ярославль, Кострома уже во второй половине XVIII века застраивались по регулярным планам. Таковой план Саратова был утвержден лишь в 1812 году. Можно представить, насколько губернский Саратов отличался, например, от губернского Ярославля, где уже в XVII веке было построено 60 каменных храмов, а XVIII век добавил к этому регулярную планировку, сотни каменных зданий, более десятка фабрик, где пробивались ростки новой культуры: театр, типография, журнал, а в начале XIX века открылся первый вуз – Демидовский лицей. Ничего подобного в Саратове не было заметно. Особенно туго продвигалось здесь дело просвещения. В 1786 году открылось 4-х классное народное училище, но саратовские жители отказывались отдавать туда своих детей. Пришлось его заполнять солдатскими детьми¹⁶. По количеству училищ (одно!) Саратовская губерния в начале XIX века безнадежно отставала не только от губерний центральной России, но и от соседних регионов. В 1820 году Саратов наконец обрел гимназию – один из последних среди губернских городов России. Так что у А. С. Грибоедова были все основания назвать Саратов «глушью».

Регулярная застройка придала городу в первой половине XIX века характерные черты русского провинциального города эпохи классицизма. Городской собор и ряд церквей, присутственные места, гостинный двор, городские усадьбы и дома, выстроенные по образцовым проектам, украсили город. Однако последовавшее уже в начале XX века разрушение ансамбля Старособорной площади, снос в советское время классицистических церквей и колоколен, бывших вертикальными доминантами, привели к тому, что архитектура классицизма утратила в Саратове ведущую градообразующую роль.

Уже с конца XVIII века Саратов, насчитывавший 35 тысяч жителей, выдвинулся в число крупнейших городов Российской империи. Тогда лишь 5 городов, включая столицы, превосходили его по численности насе-

¹⁵ Майорова А. С. Открытие Саратовской губернии в 1781 году и последствия этого события для губернского города // Известия Саратовского университета. 2007. Т. 7. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1. С. 12.

¹⁶ Рабинович М. Д. К истории просвещения в России в конце XVIII в. (Саратовская солдатская гарнизонная школа в 1793 г.) // Исторический архив. 1958. №1

ления¹⁷. Значительный рост города отмечен во второй четверти XIX века, когда в Поволжье по этому показателю с ним могла конкурировать только Казань. В 1838 году, путешествуя по Волге, художники Г. и Н. Чернецовы заметили, что «Саратов по красоте своей, важной торговле и числу жителей, которых считают до 45 тысяч, есть первый после Казани город на Волге»¹⁸. На деле Саратов, почти сравнявшийся с Казанью по населению, значительно уступал ей по административному ресурсу, культурному потенциалу и по наличию влиятельного дворянского общества. Красивым наш город мог показаться лишь издали благодаря своему живописному расположению «меж гор и оврагов». Архитектурой и благоустройством он не блистал. Он рос за счет прироста крестьянского населения, его экономика все больше привязывалась к аграрному производству. Его повседневность отличалась размеренностью и редкостью значимых событий. С середины XIX века и до начала XX современники дружно отмечали относительную дешевизну основных жизненных благ в Саратове, особенно продуктов питания (конечно, случались голодные годы, когда цены росли).

В разряженной культурной среде Саратова лишь к середине XIX века сложилась ситуация «культурного гнезда», когда выдающиеся саратовские выходцы смогли заявить о себе на всероссийском уровне. Целая плеяда «демократов» и радикалов саратовского происхождения (среди них Николай Чернышевский и Дмитрий Каракозов), прославившись на всю Россию, закрепила за Саратовом звание «кромольного города».

Город быстро рос в пореформенное время. В 1870 году Саратов вплотную приблизился по численности населения к Казани, оставив далеко позади все окрестные губернские центры¹⁹. Заметный толчок развитию города дало проведение в 1871 году железной дороги. Саратов раньше многих волжских собратьев получил железнодорожное сообщение с центром страны, стал местом базирования управления Рязано-Уральской железной дороги. Современники заметили, что с приходом железной дороги «город изменился до неузнаваемости. Явились интеллигенты»²⁰. Вскоре важным железнодорожным узлом стала Самара. А вот Казань заметно отстала в этом отношении, что отрицательно сказалось на развитии города.

¹⁷ Булычев М. В., Зайцев М. В. Численность и социальный состав населения Саратова в конце XVIII– середине XIX века (по данным административно-полицейского учета) // История и историческая память. Саратов, 2013. Вып. 7–8. С. 109; Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII века. М., 1956. С. 151.

¹⁸ Чернецовы Г. Г. и Н. Г. Путешествие по Волге. М., 1970. С. 124.

¹⁹ Булычев М. В., Зайцев М. В. Численность и социальный состав населения Саратова в конце XVIII– середине XIX века. С. 115.

²⁰ Шуберт А. И. Моя жизнь. Л., 1929. С. 285.

По переписи 1897 года Саратов насчитывал 137 тысяч человек, а в 1910 году его население составило 235 тысяч²¹. Таким образом, в конце XIX – начале XX века Саратов был третьим городом России в её нынешних границах. Следует оговориться, что больше Саратова были города Российской империи, находившиеся за пределами великорусского центра – Варшава, Одесса, Рига, Киев, Харьков. Среди городов Поволжья лишь Самара к 1917 году настигла Саратов по числу жителей, а наиболее динамично развивающимся городом был уездный Царицын, население которого за полвека выросло в 10-12 раз²².

Как следствие такого положения – Саратов сегодня обладает самым большим массивом исторической застройки среди городов Российской Федерации за исключением столиц. Особенностью этой застройки является её преимущественная принадлежность к эпохе эклектики, а также некая усредненность облика, отсутствие выраженных архитектурных шедевров, крайняя редкость больших доходных домов. Историк архитектуры, С. О. Терехин предпринял интересную, но спорную попытку выделить в застройке Саратова этого периода особое направление – «переселенческую архитектуру», постройки поволжских немцев²³. О процветании торгово-промышленной верхушки Саратова до сих пор свидетельствуют особняки, банки, гостиницы, а также уникальное здание Крытого рынка, построенные в начале XX века в стиле модерн. Впрочем, считается, что более яркие образцы провинциального модерна породила предреволюционная Самара.

Как один из крупнейших городов России Саратов одним из первых получил электрическое освещение, телефон, трамвайное движение. Сложнее обстояло дело с благоустройством и мощением улиц, однако и в этой области в начале XX века были достигнуты видимые успехи. Современники писали о «красивом», «асфальтированном», «чистом», «по-немецки аккуратном», «европейском» Саратове (речь, конечно, шла лишь о центре города). Философу В. В. Розанову Саратов напомнил Ригу. Авторы мемуаров, особенно гастролировавшие по стране актеры, отмечали превосходство Саратова перед многими городами России – Казанью, Самарой, Воронежем, Пензой, Тамбовом, Пермью, Екатеринбургом, Астраханью. Притом

²¹ *Иванова Е. В.* Изменения численности и состава населения города Саратова в конце XIX – начале XX в. // Саратовский краеведческий сборник. Вып. 4. Саратов, 2009. С. 61.

²² Поволжье. Природа, быт, хозяйство. Путеводитель по Волге, Оке, Каме, Вятке и Белой. Л., 1926. С. 122.

²³ *Терехин С. О.* Века и камни: Памятники архитектуры Саратовской области. Саратов, 1990. С. 113–138.

грязь и особенно пыль оставались неизменными чертами городской жизненной среды Саратова²⁴.

Современники отмечали необыкновенный культурный рост Саратова в конце XIX– начале XX века. Вехи этого роста легко обозначить. В 1885 году в городе открылся Радищевский музей – первый и богатейший художественный музей в провинции, а затем Боголюбовское рисовальное училище (1897). В 1909 году Саратов становится десятым университетским городом России; в 1912 году открывается первая в провинции Саратовская консерватория. К этому следует добавить давние и крепкие театральные традиции Саратова, обладавшего несколькими сценами для драматических и оперных постановок. Очевидные культурные успехи имели далеко идущие последствия в виде саратовской школы живописи, заложенной В. Э. Борисовым-Мусатовым, П. В. Кузнецовым, П. С. Уткиным. Из Саратова вышла целая плеяда известных писателей, композиторов и, особенно, актёров. От Саратовского университета отделилось несколько самостоятельных вузов, что создало городу реноме одного из значительных вузовских центров страны.

В начале XX века Саратов как крупнейший город провинции и Поволжья вполне заслуженно называли «столицей Поволжья», «волжским королём». При этом заметим, что в городе не было промышленных гигантов и многочисленного пролетариата.

События революции и гражданской войны не принесли Саратову разрушений. Его не обстреливали из артиллерийских орудий и с аэропланов, как восставший Ярославль в июле 1918 года. Однако Саратову, как всем российским городам, пришлось пережить разруху, голод и убыль населения, которое уменьшилось к 1923 году на 40 тысяч человек. В соседней Самаре эта убыль составила более 70 тысяч человек²⁵.

Мещанский, интеллигентский и даже крестьянский Саратов был явно не в фаворе у новой власти. Население города достигло уровня 1913 года в 1928 году, тогда же он становится центром огромного Нижне-Волжского края²⁶. Однако в 1932 году центр края был перенесен в Сталинград и до 1934 года Саратов утратил статус областного центра. Вместе со всей страной Саратов пережил страшный голод 1933 года. Продовольственные трудности в Саратове, славившегося прежде дешевизной продуктов, начались во время революции и, строго говоря, не прекращались до конца советского периода. Катастрофический голод 1921, 1933 и 1947 го-

²⁴ См.: Мезин С. А., Ступина А. С. Старый Саратов в воспоминаниях деятелей культуры. Саратов, 2005.

²⁵ Поволжье. Природа, быт, хозяйство. С. 122.

²⁶ Местное самоуправление Саратова: история и современность. Саратов, 2005. С. 132.

дов ощущался во всей стране, но почему-то именно Саратов заслужил сомнительную всероссийскую славу «голодного города».

Вместе со всей страной Саратов переживал индустриализацию, разрушение церквей, попытки благоустройства и периоды упадка городского хозяйства.

Перед Великой Отечественной войной в Саратове ширилось военное производство, что впоследствии привело к статусу «закрытого города». В годы войны Саратов был прифронтовым городом, принял 100 тысяч эвакуированных и беженцев, еще шире развернул военное производство. Как отметил В. Н. Данилов, нахождение в Саратове в конце 1941– начале 1942 года правительственных учреждений Российской Федерации повысило политическое значение города, который как бы становился второй столицей России²⁷. Впрочем, о столичном облике прифронтового Саратова едва ли можно было говорить. Например, эвакуированному из Ленинграда юноше из профессорской семьи наш город показался «рахитичным Саратовом», полной противоположностью Ленинграда, «городишкой», где все школы и учителя «плохие». Но повзрослевший и поумневший будущий президент Русского географического общества, возвращаясь в Ленинград, писал о Саратове, как о городе, где было «много хорошего и интересного»²⁸.

На протяжении всего советского периода Саратов оставался в числе больших городов страны: в 1930-е годы он перешагнул 300-тысячный рубеж, в 1950-е 500-тысячный, к началу 1990-х годов Саратов подошел с максимальным населением в 910 тысяч человек²⁹. Однако относительно других городов значение Саратова падало. В нем не было уникальных заводов-гигантов. Саратов выпал из числа самых больших городов страны, не достиг миллионного рубежа, который приносил в советское время дополнительную заботу государства. В Поволжье Саратов обогнали по населению и промышленному значению Горький, Куйбышев, Уфа, Казань, наконец, Волгоград. В середине 1980-х годов Саратов занимал 14 место среди городов Российской Федерации.

Что выделяло Саратов в советское время? Среди больших волжских городов он относится к числу тех немногих, которые никогда не меняли своё имя. Что ещё более важно, в истории города XX века не было событий, которые бы кардинальным образом изменили его исторический, постепенно складывающийся облик. Центр Саратова почти не затронули стройки первых пятилеток. Бомбардировки военных лет коснулись лишь промышленных предприятий на окраинах. «Сталинский ампир» занимает

²⁷ Местное самоуправление Саратова: история и современность. Саратов, 2005. С. 156–157.

²⁸ Лавров С. Б. «В Ленинграде осталось всё и вся». Дневник 1942–1944 гг. Эвакуация Ленинградского университета в Саратов. СПб., 2010. С. 20, 42, 153, 188, 207.

²⁹ Материал о населении Саратова в советский период взят из Википедии.

довольно скромное место на центральных улицах города, что отличает Саратов от «образцовых» советских городов – Свердловска, Новосибирска, Волгограда, Минска. Лишь с конца 1950-х годов массовое жилищное строительство сильно потеснило «ветхий фонд» в центре города и значительно нивелировало его общий облик, изменился и волжский фасад города. Но в целом его судьба сложилась так, что он сохранил не общее выражение лица.

Задумываясь над метафизикой Саратова, Т. П. Фокина задавалась вопросом: Что прячет в себе Саратов? И отвечала: «простоту, провинциальность, сирость, убогость, замусоренность, теплоту, взаимность, близость, кротость». У Саратова нет соперника, — пишет Фокина, — у него нет «травмы сравнения», «его статус не упал, а вырос»³⁰. Не могу согласиться. Мы познаем и оцениваем свой город в сравнении с другими и с тем, чем он был раньше. Думаю, что это стремление к сравнению и к выискиванию «особости» своего города присуще мыслящим жителям городов, особенно больших. Может быть, для историков это особенно характерно. Например, наш коллега П. С. Кабытов в своих воспоминаниях без обиняков заявляет: «Я отбыл в третью столицу СССР – город Куйбышев»³¹.

Как я уже показал, в последний век его истории статус Саратова пал. К сожалению, в постсоветские годы город переживает депрессивный период: его население уменьшается (842 тысячи на 2015 год), сокращается промышленный потенциал. Неблагоустроенность города приобретает вопиющие черты. Между тем Самара претендует на роль динамично развивающегося мегаполиса. Нижний Новгород стал административным центром Поволжья. Казань процветает и официально заявляет о себе как о «третьей» столице России. Ярославль с его охраняемым ЮНЕСКО историческим центром являет собой красивейший и ухоженный волжский город. Волгоград обошел нас по численности населения и экономическому потенциалу. Воронеж отметил свое 425-летие активным благоустройством уже в качестве города-миллионера. Тамбов вырвался в число экологически самых благоприятных городов России. И остается нам, по выражению Т. П. Фокиной, «копаться в полегоньку» где-то между Ульяновском, Астраханью и Оренбургом. Лет пятнадцать назад, побывав в Оренбурге, один долго живший в Саратове американец сказал: «Хуже Оренбурга только смерть». Мне приходится часто бывать в Оренбурге: сегодня этот пыльный степной город всерьез взялся за свое благоустройство, увы, не в пример Саратову. В нашем городе, кажется, не осталось ни одного исправного тротуара. Глава Саратова публично признал, что ездить по городу «практически невозможно». Учитывая современное состояние города, можно

³⁰ Фокина Т. П. Саратов повторение и различие. С. 81–82.

³¹ Кабытов П. С. Судьба–Эпоха: автобиография историка. М., 2011. С. 260.

говорить о том, что грязь приобретает в Саратове метафизический характер: грязь на улицах, грязь во дворах, грязь в подъездах, грязь в разговорах, грязь в политике, грязь в головах...

При этом в саратовцах живет неистребимое желание выделиться, не хотят они быть жителями «простого», «среднего» города. Губернатор Д. Ф. Аяцков в свое время провозгласил Саратов «столицей Поволжья», но это выглядело почти издевательски. Ведь мы, саратовцы, бываем в других городах, а иногда и за границей, имеем возможность сравнивать.

Оставаясь на протяжении более двух веков в ряду крупных городов России, Саратов, как мы видим, совершает в своем развитии колебания от «глуши» к «столичности» и обратно.

В итоге могу констатировать лишь один положительный факт: Саратов сегодня отличается от окружающих его на тысячи верст городов и весей своей концентрацией культуры. В Саратове есть то, чего нет во многих провинциальных городах России, чего нельзя создать за один день даже с помощью больших денег. Имеется у нас большой старинный российский город, органично росший веками, не затронутый войнами и великими стройками века, с неповторимым архитектурно-ландшафтным лицом. К сожалению, он еще не осознан как культурный ресурс, и городские власти и архитекторы, кажется, не знают, что с ним делать. Есть у нас Университет и настоящие вузы (а сколько «ненастоящих» возникло повсюду в последние десятилетия!). Консерватория, оперный театр, разнообразие театров драматических, симфонические оркестры, музей со статусом национального достояния, уникальная библиотека — мы к этому привыкли, и не дай Бог, потеряем. Саратов теряет некоторые свои культурные ценности. Теряет из-за собственной недалёковидности и скупости, да и Москва сегодня «открыта» для талантливых и амбициозных провинциалов. Но пока в Саратове есть еще свои школы — научные, художественные, театральные, музыкальные — культурная смерть ему не грозит.

В. Н. Данилов

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОРОДА САРАТОВА

В Нижнем Поволжье, районе поздней колонизации, где сеть русских городских поселений существует с конца XVI - XVIII вв., роль городов была особой. Городская жизнь края складывалась на основе городских и частично сельских традиций, перенесенных русскими переселенцами. Возникая как русские поселения, города, в том числе и Саратов, сыграли необычайно важную роль в развитии экономики и инфраструктуры, в формировании культурной среды всего Поволжского региона, который занял пространство по обоим берегам великой русской реки Волги, ставшей для него стержнем развития.

Изучая многовековое прошлое Саратова, важно выявить индивидуальную судьбу этого города, поскольку, вне всякого сомнения, его история вписывается в общий российский урбанизационный процесс, определяющую роль в котором играло государство. Государственное начало накладывало отпечаток на всю городскую жизнь – на функции городов в обществе, городские сословия, культурные традиции, менталитет горожан. Потребности Московской Руси в обеспечении защиты своих юго-восточных рубежей и освоение пространства бывших Казанского и Астраханского ханств способствовали формированию во второй половине XVI в. сети городов-крепостей на Волге, в числе которых был и Саратов. При этом государство в течение длительного времени формировало население русских поволжских городов и по своему усмотрению этим населением распоряжалось.

Основная трудность реконструкции истории изначального Саратова, существовавшего с 1590 по 1613 гг., заключается в недостаточности массива письменных и археологических источников. Более того, данные археологии нового времени не позволяют однозначно идентифицировать Гусельское городище как место, где согласно господствующей в краеведческой литературе версии была основана крепость Саратов. По тем же данным на изначальный Саратов могут претендовать несколько поселений,

находящихся как на правом, так и на левом берегах Волги¹. Все они концентрировались в пределах старой городской округи разрушенного золотоординского города Увека. В этой связи Увек по природно-ландшафтным и коммуникационным характеристикам опосредованно, но отнюдь не в прямом смысле, можно рассматривать в качестве предшественника Саратова.

Разнообразные источники, в том числе описания иностранных путешественников, дают возможность с большей определенностью воссоздать облик левого бережного Саратова, построенного вновь в 1617 г. Он также, как и изначальный, являлся сторожевым городом-крепостью, основную часть которого составляли стрельцы и другие служилые люди. Вместе с тем, неуклонно росло и посадское население, а сам город втягивался в торговые отношения с кочевавшими по соседству ногайцами и калмыками и в обеспечение волжского рыбного промысла. Катализатором упадка левого бережного Саратова послужило его разорение в 1671 г. при подавлении восстания С. Разина.

Правительственное решение об очередном, теперь уже окончательном, переносе в 1674 г. Саратова на новое место в Правобережье Волги и оптимизация его в природно-географическом пространстве указывает не только на военно-политические причины данной акции, но и появление зачатков хозяйственно-экономических мотивов в урбанистической практике Московского государства того времени, поскольку выбранная территория была уже ранее освоена московским Новоспасским монастырем и рыбным городком. Однако еще в течение нескольких десятилетий правобережный Саратов имел статус города-крепости, а в его жизнедеятельности доминировали оборонно-сторожевые функции (последний раз Саратов подвергся крупной агрессии степняков – крымских и кубанских татар – в 1717 г.)². Экономические обстоятельства, наряду с импульсами политического характера, стали превалировать в развитии города главным образом с середины XVIII в. Это в первую очередь относится к промысловой деятельности и торговым транзакциям. Хотя здесь не следует отрицать того факта, что к оживлению хозяйственной жизни в XVIII в. привело выделение Саратову в 1701 г. государством 300 тыс. десятин земли сельскохозяйственного назначения³. Аграрный сектор экономики Саратова, присущий многим

¹ См.: Рабинович Я. Н. Изначальный Саратов (1590-1609): историография вопроса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2015. Т. 15. Вып. 4. С.91.

² Максимов Е. К., Мезин С. А. Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб., 2010. С. 61.

³ Там же. С. 44-45.

городам внутренней России того времени, в условиях «дикого поля» должен был компенсировать незначительность крестьянского производства.

Важнейшим фактором, способствовавшим выдвиганию Саратова из ряда подобных ему городов, являлось превращение города в опорный пункт промыслового предпринимательства. В Саратове сходились пути доставки в 16 губерний европейской России эльтонской соли. В 1747 г. в городе была даже учреждено государственное Соляное комиссариатство (Низовая соляная контора)⁴. Не меньшее значение имела масштабная рыбная торговля. Можно назвать два главных направления отпуска рыбы из Саратова: центральный район и Санкт-Петербург⁵. Эти предпосылки придавали городу известность и вес, укрепляли его экономику, привлекали население, постепенно утверждали его как центр «округи». 3 февраля 1781 г. Саратов стал центром обширного наместничества (губернии).

Становление Саратова в качестве административного центра обширной территории происходило в условиях интенсивной правительственной, дворянской и вольной колонизации края, как за счет русского населения европейской России, представителей тюркских и финно-угорских народов, так и иностранных, в первую очередь немецких, поселенцев. Освоение новых земель позволило краю занять ведущее положение в производстве зерновых культур, а Саратову – стать важнейшим пунктом в торговле хлебом. Обеспечение торговых операций продуктами питания являлось до начала XX в. одной из основных функций населения города (в конце 1870-х гг. Саратов отправлял, получал, транспортировал до 20 млн. пудов хлеба, до 3 млн. пудов рыбы, до 4 млн. пудов соли)⁶. Это стимулировало развитие транспортной инфраструктуры: судоходства на Волге и железнодорожного строительства. Обладателем железнодорожного сообщения Саратов стал уже в 1871 г.

Аграрная специализация края нашла свое отражение и в развитии капиталистической промышленности Саратова. Внедрение фабрично-заводского производства на основе парового двигателя наблюдается с конца 1870-1880-х гг. Наибольшего размаха достигает мукомольное производство. К концу XIX в. Саратов становится крупнейшим центром мукомолья всего Поволжья: его мельницы ежесуточно производили 59 тыс. пудов муки⁷, что являлось самым высоким показателем среди городов России. С 1890-х гг. получает развитие металлургическая и машиностроительная

⁴ Осипов В. А. Саратовский край в XVIII в. Саратов, 1985. С. 16-17.

⁵ Там же. С. 26-29.

⁶ Энциклопедия Саратовского края (в очерках, событиях, лицах). Саратов, 2002. С. 264.

⁷ Очерки истории Саратовского Поволжья (1894-1917) / Под ред. И. В. Пороха. Саратов, 1999. Т. 2, ч. 2. С. 47.

промышленность, лесопильное и химическое производство. Тем не менее, до Великой российской революции 1917 г. 80 % промышленного производства Саратова приходилось на пищевую промышленность. Саратов в то время играл, скорее, роль посредника, чем самостоятельного промышленного центра, в большей степени являясь перевалочным пунктом для донецкого угля, бакинской нефти, волжской древесины и зерна, уральских руд и металлов, астраханской рыбы, а также машин и станков, производимых за границей, в Москве и Петербурге.

Положение изменилось в годы сталинской индустриализации. К концу 1930-х гг., в результате строительства крупных заводов тяжелой промышленности, доля пищевкусовой промышленности сокращается до 20 %. Но если индустриализация 1930-х гг. носила, условно говоря, корректировочный характер, то в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. она приобретает линейный характер, в сторону быстрого наращивания производств военно-технического назначения. В 1944 г. уже 73 % валового объема промышленной продукции давали машиностроение и металлообработка⁸. В послевоенные советские десятилетия в Саратове получают развитие химическое производство, появление которого в значительной части было обусловлено разработкой источников нефти и газа в регионе (вновь, как и ранее зерно, местное сырье дает толчок к развитию целой отрасли индустрии), а также предприятия электроники и приборостроения, являвшиеся частью военно-промышленного комплекса страны. Это привело к тому, что Саратов вплоть до начала 1990-х гг. оказывается в числе советских городов, закрытых для посещения иностранцами. Перестроечные процессы и внедрение рыночных отношений в 1990-2000-е гг. привели к частичной деиндустриализации города, потери ряда значительных производств. Ярким примером этого является полная ликвидация авиационного завода, некогда широко известного своими боевыми и гражданскими самолетами серии «ЯКов».

Экономические факторы оказали решающее влияние на изменение численности населения Саратова и его социальную структуру. На протяжении XIX-XX вв. динамика народонаселения города выглядит следующим образом: 1825 г. – 38 тыс., 1859 г. – 70 тыс., 1870 г. – 85 тыс., 1897 г. – 137 тыс., 1913 г. – 242 тыс., 1939 г. – 372 тыс., 1959 г. – 579 тыс., 1979 г. – 856 тыс., 1989 г. – 909 тыс., 2000 г. – 874 тыс., 2014 г. – 843,1 тыс. человек⁹.

⁸ Ванчиков Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. Саратов, 1976. С. 80.

⁹ Булычев М. В., Зайцев М. В. Численность и социальный состав населения Саратова в конце XVIII – середине XIX в. (по данным административно-полицейского учёта) // История и историческая память. Вып. 7-8. Саратов, 2013. С. 110; Энциклопедия

Накануне революции 1917 г. более половины трудоспособного населения Саратова относились к лицам, занятым в производственной деятельности. Примерно четвертую часть составляли те, кого можно назвать средним классом – торговцы, владельцы фабрично-заводских заведений и лица умственного труда. В советский период уже более двух третей жителей города было связано с промышленным производством.

Этапы исторического развития Саратова не оставляли в статическом положении повседневную жизнь горожан, которую можно характеризовать по следующим параметрам: занятость и уровень жизни (заработки, цены, условия труда, питание, продовольственное снабжение, одежда, жилище), здоровье, семья и семейный быт, праздники, досуг, развлечения, участие в общественной жизни, девиантное поведение. Проблемы повседневности обострялись в периоды войн, революций, стихийных бедствий. Серьезной помехой росту городу были пожары. Так, летом 1757 г. пожаром был уничтожен весь Саратов: сгорело 1675 домов. Посетивший его после пожара 1774 г. Г. Р. Державин отметил, что в то время Саратов был имеющий единственно наименование города¹⁰. Пожары бушевали в 1800, 1801, 1806, 1811, 1820, 1821, 1822, 1830, 1855 годах. Каждый раз приходилось полностью или частично отстраивать вновь город, что, естественно, отвлекало значительные ресурсы, необходимые для дальнейшего развития. Саратов долгое время был преимущественно деревянным. Каменная застройка заметной становится лишь в конце XIX в. Но и на 1904 г. число деревянных домов почти в 5 раз превышало число каменных зданий (16156 и 3316 соответственно)¹¹. По сути, массивы каменной застройки стали доминировать в Саратове только после Великой Отечественной войны. Сдерживающим фактором развития города на протяжении практически всей его истории являлась внутренняя инфраструктура: дороги, водосток, санитарная очистка, средства коммуникации. Хотя по некоторым позициям он имел неплохие стартовые позиции: одним из первых в стране получил водопровод, электрическое освещение, телефон, трамвайное движение.

На социально-бытовую повседневность в дореволюционный период непосредственное влияние оказывала сословная организация городского сообщества. Долгое время численно в составе населения преобладали лица относившиеся к мещанской общине города, которая находила свое выражение в многообразных корпоративных функциях, где сочетались черты

Саратовского края. С. 11; URL: http://www/рф/sity_id.php?id=16 (дата обращения 20.09.2015)

¹⁰ Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 47.

¹¹ Города России в 1904 году. Центр. стат. ком. МВД. В 2 т. СПб, 1906-1914. Т. 1. С. 198.

«крепостной» сословной организации и «неформального» объединения части коренных горожан для обеспечения своих нужд. Мещанская община обладала развитой системой органов управления, в центре которой находился мирской сход, имевший распорядительную власть. Даже в 1897 г., когда уже 60 % населения Саратова составляли переселенцы из уездов и других губерний, около 39 % саратовцев относились к мещанам, чуть менее 50 % принадлежало к крестьянам, дворяне, купцы и духовенство составляли соответственно – менее 6, 3 и 1,3 %¹².

Уже тогда сословная организация городского сообщества являлась социальным рудиментом и вскоре окончательно была заменена профессионально-классовой стратификацией. Рост же городского населения происходил главным образом за счет выходцев из сельской местности, сделав в течение века долю потомственных саратовцев – горожан в четвертом-третьем поколении – ничтожной.

Геополитическое положение и особенности хозяйственного освоения характеризуют такую важную составляющую повседневности Саратова как адаптация к существованию в локальной пространстве мировых религий – христианской, исламской, иудейской, а также культур славянских, финно-угорских, тюркских и других народов. Межнациональные отношения, складывавшиеся в ходе взаимодействия этнических групп многоаспектны, включая в себя экономические, социально-политические, духовно-нравственные направления. По данным на 1910 г., в Саратове проживало 92,3 % русских (великороссов и украинцев), 2,1 % татар, 2,7 поляков, 2,2 % немцев, 0,6 % евреев, 0,1 % армян и пр. В городе имелось 44 православных церквей, 1 католический костел, 1 протестантская кирха, 1 мечеть, 1 синагога, 10 старообрядческих молельных домов¹³. Этническое и конфессиональное разнообразие Саратова сохраняется по сей день, при значительном преобладании русского и православного населения.

Значительным фактором развития города являлись организация и уровень его управления. Статус самоуправления фактически приобретает город лишь в конце XVIII в., когда императрица Екатерина II узаконивает всесословное городское сообщество. Первые выборы в Саратовскую городскую думу произошли в 1787 г. В январе 1871 г. в Саратове было введено в действие новое Городовое положение. Основную роль в думе играли купцы, т.е. представители той категории населения, которая была в то время нацелена на развитие во всех сферах предпринимательства, при неизменном соблюдении своих интересов, но и не чуждая в ряде случаев филантропии. Так, в числе гласных первого созыва избранной по новому

¹² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. 38. Саратовская губерния. СПб., 1904. С. 10.

¹³ Города России в 1910 году. Центр. стат. ком. МВД. СПб, 1914. С. 238, 796.

Положению городской думы значилось 39 купцов, 11 мещан и 3 ремесленника¹⁴. Предпринятые думой меры по благоустройству, образованию, здравоохранению и благотворительности позволяют позитивно оценить ее деятельность в конце XIX – начале XX вв. С известной долей условности можно говорить о городском самоуправлении с 1917 по 1993 гг. в форме Советов, что, впрочем, не умаляет заслуг органов власти того времени в развитии города, особенно в сферах образования и здравоохранения, которые стали разветвленными, всеобщими и бесплатными.

Особая проблема истории Саратова – развитие городского пространства, ядро которого формировалось в XVII – XIX вв. от начальной точки Троицкого собора полукругом с примыканием к Волге и представляет ныне историческую часть города. Но уже пространство начала XX в. включало в себя: во-первых, центральную часть города, куда входили центральный деловой, основной торговый район и престижная зона проживания; во-вторых, периферийную территорию, включающую промышленную зону и непрестижные жилые районы; в-третьих, пригородное кольцо, состоящее из дачных поселков, рабочих поселений и слобод. В итоге, структура городского пространства Саратова тогда представляла собой своего рода оппозицию «центр – периферия», город стал как в функциональном, так и в социальном планах, городом контрастов. В 1930-1960-е гг., вслед за возведением промышленных объектов, стала стремительно расти жилая застройка на окраинах, сначала, прежде всего, в южном направлении вдоль Волги (Сталинский, ныне Заводской район) и на севере, где возник самый крупный район города – Ленинский. В последующем, для формирования городского пространства характерным являлась строительство так называемых «спальных» районов (Солнечный, Юбилейный и др.), лишенных промышленных объектов и деловых кварталов.

Одновременно происходила эволюция взаимодействия городской территории и природной полихромии. До начала XIX в. шло стихийное освоение природного ландшафта, когда природная полихромия мягко входила вглубь города в виде естественных фрагментов (озер, прудов, низкой и высокой растительности), разрастаясь город наступал на природное окружение. Затем наблюдается осознанное использование природной полихромии. Разрабатываются генеральные планы Саратова (1812 г., 1836 г., 1881 г.), предусматривавшие не только схему застройки, но и благоустройство в виде мощения улиц гравием, брусчаткой, деревом. Поскольку с увеличением плотности застройки кварталов пропадают большие зеленые пространства, то потребовалось создание общественных зеленых зон города: бульвары, скверы, сады, парки. Проектируется также использование око-

¹⁴ Энциклопедия Саратовского края (в очерках, событиях, фактах, именах). Саратов, 2011. С. 277.

ловодного пространства не только как транспортно-разгрузочной зоны, но и как удобного места отдыха. Благодаря выразительному рельефу и грамотной планировочной схеме расположения улиц, площадей, важных градостроительных узлов в восприятии города присутствовал природный фактор (визуальное завершение улиц рекой Волгой или склонами гор). В этот период искусственная полихромия (цветовая гамма построек) органично перекликалась с природной, они дополняли и обогащали друг друга¹⁵.

На этапе с начала XX в. происходит разрыв природного и искусственного окружения города. Природная полихромия подавляется искусственной полихромией, которая проявляется в новых строительных материалах (бетон, металл, стекло и др.). На территории Саратова происходит сглаживание холмов, застройка склонов, засыпка оврагов, что приводит к нивелированию рельефа, исчезновению малых водоемов, изменению акватории Волги (пропадают бухточки, заводи). Вместе с этим исчезает флора и фауна, когда-то принадлежавшие городу. На территории самого Саратова происходит вытеснение зеленых насаждений за счет уплотнения застройки или частичного разрушения садов и скверов, относившихся к культовым сооружениям, особнякам и другим зданиям. Берег Волги становится на значительном протяжении промышленной зоной, ставшей уменьшаться только в последние годы, что дало возможность начать работы по продолжению благоустроенной набережной. С развитием промышленности на территории города невооруженным глазом фиксируется загрязнение атмосферы, появление смога, других дымчатых скоплений. Кроме того, сначала крупноблочное, а затем крупнопанельное строительство серьезно обеднило архитектурный облик города, где ранее сочетались постройки различных стилей¹⁶. Для осуществления индустриального строительства были уничтожены ценные объекты исторической среды и памятники истории и культуры. Тем не менее, мы можем констатировать, что в силу ряда обстоятельств, Саратов все еще сохраняет значительный массив исторической застройки в своей центральной части.

Обращение к совокупности фактов истории народного просвещения, литературного процесса, театральной жизни, различного рода искусств, народной культуры позволяет говорить о формировании в Саратове специфического регионального культурного поля. Исходным контрапунктом его стала интеграция нескольких этно- и социокультурных сегментов (коренное население, православные и инославные переселенцы, старообрядцы, поволжские немцы) населения, составлявшая значительную автономию групп в экономическом и культурном отношениях. Эта интеграция

¹⁵ Терехова В.Ф. Влияние природной полихромии на колористую среду города Саратова в процессе эволюционного развития // Саратовское Поволжье в панораме веков: история, традиции, проблемы. Саратов, 2000. С. 298-299.

¹⁶ Там же. С. 300.

была достигнута во второй половине XIX в. благодаря складывавшимся длительное время неформальным отношениям между губернской властью и лидерами общин, обладавшими значительными экономическими ресурсами, при том, что формальные права инославных подданных были ограничены. Культурная автономия сегментов предполагала включение их в надрегиональные общности – реальное (старообрядцы, мусульмане, православные) и по «традиции» (поволжские немцы). Культурные предпочтения в различных группах формировались автономно друг от друга. Этноконфессиональные барьеры препятствовали культурному обмену или утверждению в качестве привилегированного того или иного вида культурной деятельности в городе. В этих условиях попадающие извне формы профессиональной культурной деятельности получали возможность развиваться в неконкурентной среде под эгидой губернского начальства (прежде всего, театр), либо по инициативе влиятельных персон (живопись). Также извне приходили стандарты профессиональной культуры и науки: частью саратовского общества становились ссыльные ученые (например, историк Н. Костомаров); влияние оказывали ставшими деятелями столичной науки и литературы саратовцы Н. Чернышевский, А. Пыпин, писатель и публицист Д. Мордовцев, писательница М. Жукова; существовала как выражение интереса к истории Саратовская ученая архивная комиссия, ведшая большую краеведческую работу. Логичным было учреждение в 1885 г. внуком А. Радищева А. Боголюбовым в Саратове первого в России общедоступного художественного музея и при нем рисовального училища. По мере роста промышленности и торговли процесс культурного обмена основных групп населения становился все более интенсивным, сосредотачиваясь вдоль линий формирования и институционализации профессиональной культуры.

Оформление культурного поля в Саратове можно считать состоявшимся в начале XX в., когда известность получают местные театры, а деятельность живописцев становится предметом общественных столкновений (обструкция П. Кузнецова, К. Петрова-Водкина, П. Уткина, выставка «Алая роза»). В 1909 г. Саратов стал университетским городом, а в 1912 г. была открыта третья в стране консерватория. Наконец, в 1914 г. молодые литераторы объединяются в группу «Многоугольник», провозгласившую принципы психофутуризма и проведшую серию скандальных акций.

Наличие культурного поля в Саратове, наряду с политическими обстоятельствами, способствовало привлечению в город в период Гражданской войны и в последующие годы многих известных деятелей науки и культуры – как выходцев из губернии, так и «иногородних». Деятельность этих агентов привела к укоренению культурного поля в городе, что при радикальном изменении политического устройства страны способствовало сохранению в потенциальном или трансформированном виде многих его

параметров. В Саратове в этот период издаются литературные альманахи и журналы, сочетающие литературные и информационные разделы.

Таким образом, в Саратове «золотой век» пришелся на 1900-1922 гг. Культурное поле, оставшееся в наследство от этого периода и, несомненно, приобретавшее черты не только автономного от политического поля, но и являвшееся автономной частью культурного поля страны, по инерции продолжалось еще несколько лет. Но в связи с крутыми политическими и социальными изменениями в стране наследство «золотого века» саратовской культуры не могло быть востребовано в полной мере ни в регионе, ни в стране. Хотя деятельность отдельных творческих личностей – выходцев из Саратова – сыграло роль в различных секторах литературы и искусства (К. Федин, Б. Пильняк, Л. Кассиль, Л. Гумилевский, Б. Андреев, О. Табаков и др.).

В целом социокультурное лицо города в XX в. определялось наличием в нем разветвленной структуры функционирующих социальных институтов, используемых для научной, учебной, информационной, рекреационной деятельности (вузы, крупные научно-исследовательские институты, книжные и научные издательства, консерватория, филармония, театры, научные библиотеки, музеи и т.д.). В этом смысле и архитектурный облик исторической части города во многом определялся культурными запросами как носителей культурных традиций, так и их реципиентами. Возникновение картинной галереи или консерватории соотносится с появлением в городском пространстве не только учреждений культуры, но и архитектурно закреплённых символов города, способствовавших потенциальному усвоению культурной памяти последующими поколениями.

Анализ исторических условий развития Саратова позволяет выявить ряд базовых факторов, которые влияют на динамику и направленность социально-экономических процессов в городе. К ним относятся:

- включенность в общегосударственные проекты и стратегии политического, военного, социально-экономического развития России;
- особая транзитная роль города, одновременно связывающая и защищающая Россию от сопредельных территорий;
- гибкость и адаптивность экономической системы города, позволяющая приспособиваться как к изменениям во внешней конъюнктуре, так и быть вписанной в общегосударственные программы хозяйственного развития;
- этническое и конфессиональное разнообразие городского населения, выработавшего эффективные практики добрососедского сосуществования на одной территории;
- особое значение для формирования городской идентичности культурной и научно-образовательной среды Саратова, включающей в себя выдающиеся традиции в сфере науки и искусства.

РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА, ЭКОНОМИКИ И СОЦИУМА В XVII-НАЧАЛЕ XX ВВ.

И.И. Дрёмов

ЭТИМОЛОГИЯ САРЫТАУ В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В данный момент имеется более двадцати версий происхождения названия г. Саратов. Постоянно их количество увеличивается, что лишь больше вносит неразбериху в данный вопрос. Подробный анализ всех потребует специального монографического исследования, но вряд ли добавит ясности.

В лингвистическом отношении происхождение топонима «Саратов» связывается с тюркской, иранской, финно-угорской и русской основой. Версии с русской основой от корня «рать» (соратники) или «ратаи-пахари» (соратаи) и т.д. не имеют научного обоснования и аналогов в топонимике, не соответствуют правилам образования названий в русском языке и могут рассматриваться лишь как образцы народной этимологии.

Среди иранских и финно-угорских вариантов имеются правдоподобные версии. Иранская основа для гидронима р. Саратовка от индоиранского Sarat (a), Sarat (i), Sarat (u) «двигаться, течь», выдвинутая А. С. Мадуевым в 1928 г.¹ и развитая Н. Н. Студенцовым в 1988 г.², согласуется с многочисленными археологическими находками памятников бронзового века в окрестностях Саратова и Покровска (Покровские курганные могильники и селище, грунтовые могильники у с. Шумейка и Генеральское, Танавское и Алексеевское городища и др.), оставленных ираноязычными племенами. Однако нет данных, что р. Саратовка так называлась до постройки там левого бережного Саратова, и даже в первых упоминаниях о левобережном Саратове говорится лишь о наличии рядом с ним двух речек без названия. Не противоречат археологическим данным и попытки вывести название Саратова из финно-угорских языков по аналогии с г. Саранск, Сарапул и т.д. от корня «осока», т.к. предки финно-угров обитали здесь на упомянутых городищах Алексеевском, Танавском и др. в раннем железном веке, а на средневековых памятниках встречается мордовская керамика. Возможно, подтверждением

¹ Мадуев А. С. Из области топографической ономастики Поволжья // Сборник статей в честь академика А.И.Соболевского. Л., 1928. С. 402; Студенцов Н. Н. Две загадки Саратова. Саратов, 1988. С. 64-70.

² Студенцов Н. Н. Две загадки Саратова. Саратов, 1988. С. 58-70.

наличия финно-угорской топонимической основы в районе первого Саратова является название р. Гусёлка. В финском языке «kuus» - ель, в мордовском (эрзя) - «куз» - «ёлка», а в древних финно-угорских языках и в топонимике могло означать колючие заросли³. В тюркских языках не нашлось достаточно близкого эквивалента. К русскому языку название «Гусёлка» хорошо адаптировано по звучанию, но от русского «гусь» река должна называться «Гусиная», «Гусёвая» и т.п.

К моменту основания Саратова в 1590 г. в Нижнем Поволжье в качестве постоянных обитателей письменные источники отмечают только тюркоязычных кочевников ногаев. Осёдлое земледельческое население отсутствовало. Археологическое наследие других народов в это время здесь не фиксируется, а отдельные представители в составе казачьих и разбойничьих ватаг, совершавших эпизодические набеги, не могли оставить устоявшихся топонимов. Иранские и финно-угорские названия, созвучные тюркским, могли быть переосмыслены или переименованы татарами и ногаями.

Основными вариантами тюркской основы названия Саратова являются производные от Сары-атёль (Хорошая низменная местность)⁴ или Сары-атав (Низкий остров)⁵ и Сары-тау с многочисленными вариациями семантики тюркского слова «Сары» с основными значениями «Жёлтая» или «Красивая гора»⁶. Эти версии остаются наиболее возможными. Таким образом, этимология названия Саратов зависит главным образом от определения расположения местности, в которой он был основан и от которой получил название: на низком левом берегу Волги или на высокой нагорной стороне Правобережья. Правда, «Сарытау» – «Жёлтая гора» более распространено в массовом сознании как наиболее очевидное, но многими исследователями отвергается как не соответствующее реальной географической ситуации (А.И. Шахматов, Н.Н. Студенцов и др.).

К настоящему времени имеется много различных версий места основания Саратова в 1590 г. Первый Саратов размещали на Увекке; напротив Увека в Анисовке; на месте нынешнего города в устье Глебучева оврага; на левобережном Саратове в устье р. Саратовка; на правом берегу Волги к югу от с. Пристанное в устье р. Гусёлка и напротив этого места близ с. Шумейка. Есть версии его островного расположения и двух одновременно существовавших городов с названием Саратов. В последнее время появилась работа, в которой, кроме Саратова, основанного Туровым и Засекиным в 1590 г. на острове близ с. Пристанное, постулируется его предшественник Сарытау напротив Увека в Квасниковке, доживший до Саратова в районе Пристанного и переживший его⁷.

³ Малкин В. Из истории слов. Почему реку назвали Гусем? // Наука и жизнь, 1989. № 9. С. 112.

⁴ Леопольдов А. Ф. Исторический очерк Саратовского края. М., 1848. С. 32.

⁵ Студенцов Н. Н. Указ. соч. С. 58-70.

⁶ Шахматов А. И. Исторические очерки города Саратова. Саратов, 1891. Вып. 1. С. 17-18.

⁷ Браташова С. А. Ранний Саратов: на перекрёстке путей и эпох. Саратов, 2015.

Версии с размещением первого Саратова ниже Соколовой горы не согласуются пусть и с немногочисленными, но достоверными и достаточно информативными источниками. Предположение о предшественнике Саратова – городе Сарытау в Квасниковке основано на современной фальшивке, приписываемой средневековому поэту Мухаммедьяру. На основании этого произведения предлагалось удревить историю основания г. Ульяновска в 2010 г., но подделка была отвергнута учёными экспертами⁸. Вся остальная аргументация построена на вольной интерпретации более поздних источников и противоречит свидетельствам путешественников, карт и многочисленных русско-ногайских дипломатических документов XVI в., отмечающих, что между Казанью и Астраханью до основания Самары, Царицына и Саратова не было стационарных долговременных поселений и всё население состояло из кочевников ногаев. В частности, Томас Дженкинсон в 1552 г. и Христофор Бэрроу в 1569 г. отмечали, что между Казанью и Астраханью обитают только кочевники ногаи, населенные пункты отсутствовали. Они зафиксировали только руины Увека⁹. О том же свидетельствуют сотни архивных документов XV-XVI вв., позволившие подобнейшим образом восстановить историю Ногайской Орды и территории обитания ногаев, включающие Нижнее Поволжье¹⁰. Опубликована лишь часть документов о русско-ногайских связях в XVI в., но и они составляют несколько томов. При этом ни в одном документе не упоминается Сарытау или иной населённый пункт в окрестностях Увека, хотя хорошо известны места кочевий ногаев, их полевых станов и единственный город (Сарайчик на Яике). Нет Сарытау ни на одной европейской карте XV-XVI вв. На карте фра Мауро (середины XV в.) еще перенесены с карты братьев Пицигани (середины XIV в.) ниже Самары *Ialachì* и безымянные строения (ни на той, ни на другой нет даже названия Увека, не только Сарытау), а на картах Б. Агнезе 1525 г., А. Вида 1537 г., С. Мюнстера 1544 г., С. Герберштейна 1546 г., Я. Гальстади 1548, 1560 гг., А. Дженкинсона 1562 г., И. Магины 1596 г. между Казанью и Астраханью нет никаких населённых пунктов. Лишь на картах Г. Герритса 1613 г. и И. Массы в 1633 г. (по материалам конца XVI – начала XVII вв.) на Волге появляются города Самара, Саратов и Царицын, причём Саратов показан на правом берегу.

Версии об основании Саратова на левом берегу Волги или ниже Соколовой горы основаны на более поздних источниках и на домыслах, которые сводятся к двум основным допущениям, что «Книга Большому Чертежу» (далее КБЧ), составленная в 1627 г., отражает ситуацию конца XVI в., и верста, используемая до середины XVII в., была близка не 1 км, а около 2 км.¹¹ Лишь в этом случае расчёты расстояний, имеющихся в источниках, позволяли авторам размещать первый Саратов на много

⁸ Джавгар Тарихы. Википедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Джавгар_Тарихы.

⁹ Известия англичан о России XVI в. Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. № 4. М., 1884. С. 39-41.

¹⁰ Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2002.

¹¹ Студенцов Н. Н. Указ. соч., 1988.

километров ниже с. Пристанное. При этом неизбежно возникали противоречия с другими данными и, чтобы снять их, авторы вынужденно постулировали одновременное существование двух городов с одинаковым названием Саратов в разных местах¹².

Останавливаться на критике этих концепций сейчас нет возможности. Их анализ проведён и опубликован¹³. Отмечу лишь, что расчёты расстояний, указанных в КБЧ, показывают, что её автор использовал версту, близкую 1 км. Заметные несоответствия на отрезке между Самарой и Саратовом связаны с плохой сохранностью Большого Чертежа, по которому делалось описание КБЧ: «В старом чертеже испорчено и ветхо»¹⁴.

Одним из доводов для размещения Саратова ниже современного города являются слова в КБЧ, что выше Саратова в Волгу впадает р. Таибалык, а за Таибалык принимается Глебучев овраг. В то же время, автор КБЧ в одном месте отметил, что близ истоков р. Медведица начинается р. Таибалык, которая впадает в Волгу. Фактически же в 5 км от истоков Медведицы начинается р. Карабулак - приток р. Терешка в её нижнем течении. В другом месте автор КБЧ указал, что у истоков рек Елань-Кадада, Каслей-Кадада, Ардовать находятся истоки р. Табалык, текущей прямо в Волгу. В действительности в нескольких км от них начинается р. Избалык, приток р. Терешка в верхнем течении. Сама Терешка на большом протяжении протекает параллельно Волге, но известные к тому времени и фигурирующие в более ранних документах реки Чардым, Терешка и Курдюм на Большом Чертеже не прослеживались, поэтому в КБЧ появилась одна несуществующая река Таибалык. Далее в КБЧ говорится про неё, что она впадает в Волгу выше Саратова на противоположном берегу. Таким образом, вместо рек Терешка, Чардым и Курдюм в КБЧ появилась одна не существовавшая река Таибалык, которая позже появлялась и на европейских картах у Н. Витсена (1687 г.) и у Питера ванн дер Аа (1696 г.)¹⁵. Из этого видно, что участок побережья Волги близ Саратова на Большом Чертеже не читался, автор описал современный ему левобережный Саратов по другим источникам, указал ошибочные расстояния на этом участке. Однако это недоразумение позволило саратовским краеведам утверждать, что автор КБЧ пользовался двухкилометровой верстой при описании Нижней Волги, и помещать первый Саратов одновременно в разных местах¹⁶.

В целом же все измерения в КБЧ близки 1 км действительных расстояний по прямой с погрешностью в пределах 20%. Такая же верста использовалась и другими авторами того времени. У Ф. Котова (1623 г.) и А. Оллария (1636 г.)

¹² Донецкий Б. Н. Кочующая крепость // Памятники Отечества / Вольная губерния. № 39 (1/2). М., 1998. С. 42-48.

¹³ Дрёмов И. И. Две разгадки Саратова // Волга XI век. № 9/10, Саратов, 2015 (в печати). <http://magazines.russ.ru/volga/2015/10/23d-pr.html> (дата обращения 9.10.2015).

¹⁴ Книга Большому Чертежу. К.Н.Сербина (редактор). М.-Л.: АН СССР, 1950. С. 113.

¹⁵ Карты Питера ванн дер Аа <http://atner.livejournal.com/354788.html> (дата обращения 9.10.2015)

¹⁶ Донецкий Б. Н. Указ. соч. С. 42-48.

расстояние между Самарой и Саратовом 350–360 вёрст, фактически 350 км по современной карте. У А. Олеария указывается соотношение длины мили с длиной версты. Расстояние от Москвы до Клина 90 вёрст и 18 немецких миль¹⁷. Немецкая миля = 7,4 км. Соответственно, верста = 1,3 км. Фактическое расстояние между Москвой и Клином 88 км по трассе. То есть, верста для измерения дорожных расстояний в первой половине XVI в. была близка 1,3 км, а не 2 км, но фактические измерения по карте, как это делал автор КБЧ, оказываются близки 1 км. Поэтому все версии, основанные на увеличении длины древней версты и размещении на этом основании Саратова южнее р. Гусёлка, а тем более современного Саратова, заведомо ошибочны.

Характерно, что обоснования с размещением первого Саратова к югу от современного города принадлежат перу краеведов и географов, в то время как исследователи, имеющие историческое образование, единодушно связывают первый Саратов с правобережьем Волги, югом Курдюмского займища, местностью близ с. Пристанное и устья р. Гусёлка. Думаю, что эту концепцию следует считать не только наиболее обоснованной, но и единственно возможной, так как она согласуется со всеми имеющимися источниками. Даже в книге географа С.В. Браташовой, представляющей собой современное мифотворчество в части, относящейся к предыстории Саратова, в главе, посвящённой Саратову 1590-1613 гг., город правильно размещён несколько южнее с. Пристанное. Не противоречит источникам и его островное местоположение¹⁸. Сомнительно лишь, что город находился на острове посередине реки, тогда как, исходя из известных документов, более вероятно его привязка к правобережью Волги или близлежащим островам, образованным ериками и протоками в пойме.

При определении места основания Саратова в 1590-м году историки исходят из наиболее обоснованного вывода проф. А.А. Гераклитова, сделанного в статье 1914 г. «Где был построен Саратов?» и последующих трудах, что крепость была изначально поставлена в правобережье Волги южнее с. Пристанное¹⁹. Кратко напомним, что данная концепция подтверждается тремя основными письменными источниками:

- сведениями о персидском посольстве, которое в 1600 г., возвращаясь из Москвы по Волге, потерпело кораблекрушение «напротив острова Курдюм, недошед до Саратова 7 вёрст». Примерно на этом расстоянии в 7-9 км от устья р. Курдюм «напротив острова Курдюм» находится устье р. Гусёлка;

- документом, называемом «Памяти стрелецким головам» 1614 г., в котором говорится, что стрельцы, посланные к Астрахани для поимки И. М. Заруцкого, останавливались на Саратовском городище, сгоревшем незадолго до этого, выкапывали спрятанное при пожаре имущество и завезли

¹⁷ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2013. С. 68.

¹⁸ *Браташова С. А.* Указ. соч. С. 63-74.

¹⁹ *Гераклитов А. А.* Где был построен Саратов // Труды СУАК. Саратов, 1914. Вып. 31.

колокола на новое место Саратова «недалеко – десять вёрст». Это примерно соответствует расстоянию между устьем Гусёлки и устьем Саратовки, куда был перенесён Саратов после пожара в 1610-х гг., особенно, если считать не по прямой, а по извилистым протокам;

- документом 1680 г. о сенокосном участке в Курдюмском займище, расположенном выше старого города Саратова у брода. Далее в документе говорится о том же сенокосном участке, что он находится «на старом городе Саратове». Здесь также старый Саратов, следы которого и память о нём ещё должны были сохраняться, привязан к Курдюмскому займищу.

В целом эти документы не оставляют сомнений, что город Саратов был основан в правобережье Волги в районе Курдюмского займища примерно в 7 верстах от устья р. Курдюм, в 10 верстах от левобережного Саратова в устье р. Саратовка, что соответствует на местности территории в устье р. Гусёлка.

Кроме того, правобережное расположение первого Саратова подтверждается картами Г. Герритса и И. Массы начала XVII в., основанными на русских картах конца XVI в.

Вопрос только в том, был ли первый Саратов размещён на коренной террасе правого берега, или он изначально располагался в курдюмско-гусельской пойме волжского правобережья, где многочисленные ерики и протоки образовывали острова. Действительно, в ранних источниках присутствует словосочетание Саратов-остров. Эта полузабытая ныне версия, что Саратов был построен на острове, стоит особняком. Самый ранний документ 1590 г., содержащий название города, гласит: «В новом городе на Саратове острове голова Фёдор Туров». Второе сочетание Саратов-остров в документе 1595 г.: «На Саратове острове воевода Иван Григорьев сын Вальинской». В 1596 и 1597 гг. также в документах упоминается Саратов-остров. В то же время используются выражения «в Саратове», «на Саратове», «на Саратове-городе»²⁰. Высказывались предположения, что островом могли называть обособленную местность, в том числе и сам город, отделённый от внешнего мира стеной. Возможно, сочетание «на острове» использовалось в более широком значении, чем «на городе». Интересны вариации в документе 1591/92 г.: «А на Перволоку на Саратов город государь послал Бориса Володимирова сына Лодыгина. А на Царицыне острове в городке Ефим Вахромеевич Бутурлин»²¹. Почему Саратов, в отличие от Царицына, не назван островом, а Царицын назван уменьшительно городком?

Возможно, когда Ф. М. Турова назначили в 1590 г. в Саратов, здесь или поблизости на острове уже была застава, в которую они с князем Г. О. Засекиным приехали на заклад города, но крепость заложили на близлежащем берегу. Заставы на островах предшествовали, например, основанию Царицына и Самары. Словосочетание «Саратов-остров» могло употребляться по

²⁰ Рабинович Я. Н. Воеводы Саратова братья Иван и Михаил Волынские. Известия Саратовского государственного университета. Нов. Сер. Сер. История. Международные отношения, 2013. Т. 13, вып. 4. С. 68-73.

²¹ Там же. С. 69.

инерции, т.к. изначально применялось по отношению к заставам, расположенным на островах в качестве форпостов «плавных» ратей.

Но в любом случае, был ли Саратов основан на коренной террасе или под ней на острове, его месторасположение и название связано с правобережьем Волги. Это вытекает из документа 1680 года, опубликованном в 1914 г. А. А. Гераклитовым, о сенокосных угодьях в Курдюмском займище «на старом городе Саратове». В документе имеются сведения о пограничных с этим участком пожнях: с одной стороны за сухим ериком – Спасские старцы, с другой стороны «по низам» – Фуфай, а с горной стороны по степи за ериком с водой находилась пожня иноземца Ивана Корсака. То есть земельный участок, о котором в одном месте говорится, что он находится выше старого города Саратова у брода, в другом – на старом городе Саратове, расположен под коренной террасой правого берега Волги и в непосредственной близости от первого Саратова, но сенокосные луга находились и на коренном берегу и, вероятно, тоже относились к Курдюмскому займищу.

Для побережья, расположенного над поймой и ниже устья р. Курдюм по течению Волги, определяющей для географической ситуации и топонимики являлась нагорная сторона. Название города, даже если он находился в Курдюмском займище на Саратове-острове, могло происходить от названия местности на правом берегу Волги, как, например, остров Чардымский от р. Чардым, остров Курдюмский – от р. Курдюм, остров Ахматский от Ахматской горы, как отмечено ещё А. Олеарием в 1636 г.²² и т.д. Единственной неувязкой остаётся этимология названия Саратов, если исходить из буквального перевода тюркского топонима Сары-тау в значении Жёлтая или Красивая гора. Так как до настоящего времени была путаница с определением местоположения первого Саратова, неизбежна была и неразбериха с этимологией этого названия.

А. А. Гераклитов отмечал, что название Саратов связано с названием местности, на которой он был расположен. Эта местность не может быть Увеком, так как Саратов имел бы соответствующее название «Увеков», «Увешин» и т.д. Границы местности Сарытау могут быть определены между Увеком и Курдюмом, поскольку данные историко-культурные области имеют древние названия, встречающиеся в источниках ещё до основания Саратова.

При определении семантики топонимов в первую очередь напрашиваются варианты буквального, дословного перевода или производные от этнической основы. Для тюркских названий этот метод часто оказывается тупиковым. Особенно это относится к названиям, содержащим основу «сары», так как «жёлтый» обычно не соответствует местности. Иногда предлагается значение «красивый»: «Сары-тау» – «Красивая гора». Вероятно, изначальная семантика названия Саратова должна быть иной, так как понятие красоты слишком субъективно. В связи с распространённой версией о левобережном размещении первого Саратова семантика названия города от «Желтой/Красивой горы» считается устаревшей. Но, так как Саратов был изначально основан в правобережье Волги, можно вернуться и к этимологии названия Сарытау.

²² *Олеарий А.* Указ. соч. С. 333-335.

В 2013 г. опубликован исключительно интересный труд известного культуролога и топонимиста М.К. Семби, посвящённый географическим названиям Казахстана, буквальный перевод которых недопустим как искажающий семантику топонима²³. Одним из ярких примеров такого несоответствия является основа «сарь». По мнению автора, одной из главных составляющих смысловых нагрузок топонимических названий является указание на место расположения объекта. В связи с этим Марат Семби предлагает переосмыслить название одного из важнейших географических объектов Казахстана Сарыарка (Казахский Мелкосопочник) от, казалось бы, очевидного «жёлтый хребет» (или, буквально, «спина») на «задняя/обратная сторона» по отношению к югу Дешт-и-Кыпчака, то есть, «северная местность». Действительно, определение «жёлтый» не подходит для столь огромной территории, раскинувшейся почти от Северного Приаралья до Иртыша. Сомнителен также для топонимики эпитет «красивый», которым можно заменить значение «жёлтый», т.к. это субъективное понятие можно применить к любой местности: оно не несёт смысловой нагрузки.

Для географических представлений кочевников, которые населяли степные территории в течение тысячелетий, важнейшими являлись определения сторон света. Для тюркянцев монголов определяющей точкой отсчёта являлась южная сторона. Соответственно, противоположная сторона называлась «арка» – (обратная, противоположная), а боковые направления – левая и правая стороны. Для топонимики именно эти значения, указывающие на стороны света, были главными. Таким образом, определение «хребет/спина» в тюркских топонимах, которое во многих случаях не соответствует географическим реалиям, может означать «северный». Слово «сары» часто означает в тюркских языках и, как правило, в топонимах не «жёлтый/красивый», а «сторона». Это проверено М.К. Семби в азербайджанском, алтайском, хакасском, узбекском и казахском языках, а также на примере многочисленных географических названий, для которых буквальный перевод неприемлем. Сары-арка – северная сторона/местность по отношению к южным степям Казахстана²⁴. Автор приводит такое большое количество примеров, где «сары» может означать только направление, что его цветное значение воспринимается скорее как исключение. В итоге, «цветовая геосимволика у тюрков, выйдя из активного употребления, была заменена линейно-пространственной ориентацией»²⁵.

В связи с этим и семантика названия «Саратов» должна быть интерпретирована иначе. Если исходить не из привычной версии этимологии Саратова от исходного «Сары/Сара-тау» – «Жёлтая/Красивая гора», а от значения «Нагорная сторона» (Сары – сторона, Тау – гора), всё встаёт на свои места. Это тюркское название является «говорящим» и указывает на расположение местности на правом берегу Волги. И в дальнейшем берега Волги ещё долго различали как горный (правый) и луговой (левый). Не противоречит

²³ Семби М. Память земли тюрко-монгольской: истоки и символика топонимов. Алматы, 2013.

²⁴ Там же. С. 42-44.

²⁵ Там же. С. 44.

это и названию левобережной р. Саратовка, которое могло происходить от иранского «Сара» или тюркизированного «Сар-атав» – низменный топкий остров²⁶. Для территории на противоположном высоком берегу вполне уместно название «Сара-тау» – Нагорная Сара или Нагорная сторона. Это название применимо ко всему правобережью Волги и его этимология могла бы вызывать сомнения, но в данном случае оно относится к конкретному участку правого берега. Участок этот расположен между р. Курдюм и Соколовой горой, которая является доминирующей возвышенностью на указанной территории.

Находится объяснение и этимологии названия Курдюм, которая, как выясняется, тоже связана с Сарытау. М. Семби привёл ряд аналогичных гидронимов Центральной Азии: Курдым, Куртым, Куртум, Курдум. Присутствует этот гидроним в тюркских эпосах: в казахском – река Курдымсу, в кыргызском – Курдум. В эпосах это название связано с понятием «нижнего – загробного» мира. В топонимах означает низовья реки²⁷.

Как отмечалось выше, Курдюмское займище (пойма в устье р. Курдюм) занимало большую территорию и определяло географическую область в правобережье Волги. С этими заливными лугами и мелями в устье связан и брод на Волге. Таким образом, Сары-тау – «нагорная сторона/местность» является противопоставлением находящейся рядом пойме (Курдюмскому займищу), местности Курдюм – «Низовья».

В итоге можно сделать несколько выводов.

Всесторонне обоснованным местом основания первого Саратова следует признать территорию, связанную с Курдюмским займищем и устьем р. Гусёлка. Основание города в устье Гусёлки согласуется со всеми письменными источниками. Версия его расположения на острове в Курдюмском займище не исключается, но не может быть проверена и подтверждена, так как острова либо смыты, либо имеют переотложенный наносной поверхностный слой.

Саратов получил название от наименования местности. С юга эта территория ограничивается Соколовой горой, с севера р. Курдюм и Курдюмским займищем.

С конца XIX века закрепилось сочетание «Саратов» и «Сарытау», и в массовом сознании традиционно они воспринимаются как синонимы. Несмотря на то, что многие исследователи отмечали, что значение «Жёлтая» или «Красивая гора» не соответствует местности основания города, отказываться от основы «Сарытау» нет оснований, так как Сарытау означает не Жёлтая/Красивая гора, а «Нагорная сторона». Это говорящее название является противопоставлением соседней местности Курдюм и лежащему под Сарытау-Саратовом Курдюмскому займищу, что означает «Низовья/Низменность».

²⁶ Мадуев А. С. Указ соч. С. 402; Студенцов Н. Н. Указ. соч. С. 64-70.

²⁷ Семби. Указ. соч. С. 51.

М. П. Беликов, И. И. Дрёмов

**НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ
НА ПРЕДПОЛАГАЕМОМ МЕСТЕ ОСНОВАНИЯ САРАТОВА
В УСТЬЕ ГУСЁЛКИ**

Письменные источники свидетельствуют, что Саратов был основан в 1590 г. Высказывались различные мнения о первоначальном месте основания Саратова, но несколько имеющихся источников позволили А. А. Гераклитову обосновать его местонахождение в правобережье Волги южнее с. Пристанное¹.

В 1960-65 гг. Археологическая экспедиция СГУ под руководством И. В. Сеницына вела раскопки Танавского городища и могильника срубной культуры бронзового века в низовьях левого берега р. Гусёлка в 2 км ниже Пристанного. Городище располагалось в месте впадения в Гусёлку глубокого Емельного оврага севернее слияния Гусёлки с Волгой. Во время этих экспедиционных работ в месте впадения р. Гусёлка в Волгу были обнаружены находки керамики, которую И. В. Сеницын определил как русскую.

И. В. Сеницын не включил эти материалы в свои научные отчёты и не публиковал их. По устным воспоминаниям археолога Е. К. Максимова (2015 г.) наибольший интерес к ним проявил телеведущий передачи «Не за тридевять земель» Д. С. Худяков, который часто приезжал на раскопки, организовывал сбор этих находок, фотографировал и делал визуальные планы. По устным воспоминаниям Д. С. Худякова (2015 г.), незадолго до приезда на раскопки он прочитал публикации А. А. Гераклитова с обоснованием места основания Саратова и решил, что находки русской керамики подтверждают мнение проф. Гераклитова. Поэтому Д. С. Худяков занимался обследованием этой территории, снял 4 фильма с названием «Ищем Саратов» и провёл на эту тему цикл передач на телевидении. Кроме русской керамики с чёрной поверхностью встречались и отдельные фрагменты с красным обжигом, похожие на золотоордынские. Некоторые материалы Д. С. Худяков опубликовал в книге «Земля Саратовская. Несколько «портретов» на фоне губернии», где указал на

¹ *Гераклитов А. А.* Где был построен Саратов //Труды Саратовской учёной архивной комиссии. Вып. 31. Саратов, 1914.

плане ещё и место находки каменного ядра, которое было утеряно сразу после его находки². Было собрано 2 ящика керамики с пашни, которые некоторое время хранились в Саратовском областном музее краеведения, но находки были депаспортизированы, не были зашифрованы, смешаны с другими находками неизвестного происхождения и к настоящему времени не сохранились. Кроме керамики, на Волго-Гусельском мысу было найдено погребение (или несколько захоронений?), фотография которого тоже имеется в книге Д. С. Худякова. По воспоминаниям участников экспедиции захоронение было найдено случайно, когда студенты копали яму для хозяйственных нужд. Других погребений, по словам Е. К. Максимова и Д. С. Худякова, они не видели.

Несмотря на отсутствие публикаций и сведений в научных отчётах и даже в рукописях И. В. Сеницына, эти находки с устья Гусёлки не остались незамеченными. В книге В. А. Осипова³ они приводятся в качестве археологического подтверждения вывода А. А. Герасимовича, сделанного на основании письменных источников о местоположении Саратова в 2 км южнее с. Пристанное. В качестве решающего подтверждения этого В. А. Осипов писал, что И. В. Сеницын получил радиоуглеродную дату медного крестика из погребения (конец XVI – начало XVII вв.). Однако эти слова вызвали недоверие, так как такие анализы делаются только по органическим материалам. Настораживает и буквальное совпадение ситуации с утёсом Степана Разина, о котором свидетели раскопок также рассказывают, что на противоположном берегу оврага студенты копали ямку для волейбольного столба и нашли русское погребение с крестиком времён Стеньки Разина. Труд В. А. Осипова был опубликован через много лет после смерти И. В. Сеницына. Е. К. Максимов вспоминал, что он спрашивал В. А. Осипова об источниках сведений о радиоуглеродной дате крестика с устья Гусёлки, на что автор ссылался на слова проф. Сеницына. Однако эта ошибка не исключает возможность радиоуглеродной даты, так как она может быть сделана и по костям. Кроме того, до XVIII в. в русских погребениях металлические крестики встречаются редко, считается, что они изготавливались из дерева, которое тоже могло послужить материалом для анализа.

К настоящему времени версия о местоположении первого Саратова в устье Гусёлки в трудах историков считается наиболее обоснованной, но проверить её не было возможности из-за отсутствия публикаций и самих

² Худяков Д. С. Земля Саратовская. Несколько портретов на фоне истории Поволжья. Саратов, 1998. С. 24.

³ Осипов В. А. Очерки по истории Саратовского края. Конец XVI – XVII вв. Саратов, 1976. С. 15.

материалов, а территория находок застроена дачами и не доступна для археологических исследований.

В 2015 г. появились новые находки с территории, которая в массовом сознании традиционно связывается местом основания Саратова в 1590 г. Устье Гусёлки на северном левом берегу представляет собой мыс высотой 10-15 м над урезом воды в Волге. На данный момент определены места находок в юго-западной части мыса, ограниченного с юга волжской протокой, с запада р. Гусёлка, с севера Емельным оврагом в ареале около 150 м. Фактически площадь памятника больше, так как Д. С. Худяков отмечал находки железных предметов, шлаков и ядра вдоль Емельного оврага, а площадь распространения находок в диаметре 250 м. С восточной стороны в 500 м от берега р. Гусёлка Емельный овраг максимально сближается с Волгой и образует проход шириной 170 м. Как овраг, так и берега рек имеют крутые склоны высотой 5-8 м, густо поросшие лесом и кустарником. Береговых обнажений и существенных осыпей нет. Западная поверхность мыса связана с Волгой двумя взвозами, которые были здесь, по свидетельству Д. С. Худякова⁴, ещё до строительства дач, и в середине 1960-х гг. уже были хорошо выражены и углублены от долгого использования. Сейчас западный взвоз имеет бетонное покрытие, восточный частично оформлен ступеньками. К северо-восточной части мыса идёт существенный подъём, образующий бугор высотой до 45 м над урезом воды и 30 м от побережья мыса. Высокая часть с бугром занята «дачами СГУ» береговая – «обкомовскими дачами». В настоящее время бугор обнесён высоким забором на большой площади с престижной коттеджной застройкой. «Обкомовские дачи» представляют собой сравнительно скромные сооружения, зачастую деревянные одноэтажные домики, но и среди них есть современные капитальные постройки и заборы.

На даче М. П. Беликова в устье Гусёлки была собрана новая коллекция керамики. Также М. П. Беликовым проведён опрос других владельцев дач и появились некоторые данные о характере и распространении находок (рис. 2). Удалось выявить участки, на которых встречались останки захоронений. Они расположены на краю террасы вдоль берега р. Гусёлка. Также есть сообщение, что несколько лет назад человеческие кости были найдены на дачном участке А. А. Дерюгина близ выкопанного в 2015 г. котлована для сливной ямы. Определено место находок погребений в 1960-х гг. близ электрической подстанции. Отмечены места находок керамики на огородах и участка, где, при

⁴ Худяков Д. С. Указ соч. С. 32.

строительстве дачи, по словам её хозяина, была замечена кладка из камней (рис. 1).

В августе 2015 г получены материалы из закрытого комплекса, так как по соседству с дачей М. П. Беликова, на даче А. А. Дерюгина, велись строительные работы, где котлован сливной ямы (котлован 1) прорезал более древнюю яму с находками керамики и костей животных (рис. 1, 1). Второй котлован выкопан рядом для фундамента дома (рис. 1, 2). Котлованы были осмотрены и собраны многочисленные находки из отвалов и из их стенок.

Координаты ямы в котловане 1: 51°35'21,0" СШ; Е 046°09'36,4" ВД. Котлован имел диаметр около 2 м. В его срезе с западной стороны прослеживался древний перекоп до глубины 2,4 м, имеющий следующую стратиграфию:

- почвенный слой тёмной гумусированной супеси до 100-110 см;
- в западной стенке котлована с глубины 50 см почвенный слой прорезан перекопом шириной около 1 м. Края перекопа не имели чётких границ и определялись по включению золы и углей;
- с глубины 50-60 см до 130-150 см в перекопе слой насыщен мелкими углями и золой. В нём найдены обломки керамики, кости животных, рыбы, и н 4 металлических неопределимых обломка;
- на глубине от 140 до 150 см выделялся более мощный и насыщенный слой золы толщиной 10-12 см, шириной до 70 см;
- ниже шёл слой переотложенного суглинка с мелкими белесыми карбонатными вкраплениями до глубины 2,4 м. На глубине 2,1-2,5 м прослежен тонкий слой золы толщиной ок. 1 см.
- ниже – с глубины 2,4 м – материковая жёлтая глина.

Судя по стратиграфии, хозяйственная яма в течение некоторого времени стояла не засыпанной, края оплыли, яма заполнялась материковым суглинком выкида с карбонатными вкраплениями. Затем яма была заполнена золой, углями и мусором, а сверху перекрыта плодородным слоем.

В стенках котлована для слива и в его отвале собрано 135 фрагментов керамики из которых 30 венчиков от разных сосудов (рис. 3-6). Все венчики – обломки русской керамики с чёрной поверхностью, с нагаром как с наружной, так и с внутренней стороны. В изломе глина плотная, хорошо отмученная. Примесь визуально не определяется, заметно незначительное содержание песка. Обжиг внутри стенок сосудов серый. Толщина стенок 5-8 мм. Венчики сильно профилированные с отогнутым краем, иногда с внутренней или внешней закраиной (рис. 4, 3,5,6,10; рис. 5, 2,4). Сосуды округлобокие, относятся к кухонным горшкам: 80 % имели диаметр 22-24 см; 10 % - 26 см; 20 % - 19 см. Один венчик орнаментирован

прочерченной наклонной волной (рис. 5, 2). Ещё на 6-ти фрагментах чёрноглиняных боковин имеется орнамент в виде горизонтально прочерченных параллельных линий (рис. 6, 4-16). Ещё 6 фрагментов стенок сосудов имеют красный или красно-коричневый обжиг (рис. 6, 1-8). Пять из них орнаментированы параллельными линиями и типологически близки золотоордынской посуде (рис. 6, 1-8). Кроме того, найдено 3 обломка железных стержней от 3-х до 5 см длиной и тонкой бронзовой пластинки 11 x 22 мм величиной (рис. 5, 10-13).

В сентябре 2015 г. при продолжении строительных работ на этом же дачном участке был выкопан котлован под фундамент дома. При его осмотре в южной стенке (со стороны котлована для слива) встречались отдельные угольки, ребро барана, обломок челюсти коровы и жаберная кость крупной рыбы. Здесь найдено 35 фрагментов керамики из которых 5 венчиков (Рис. 4, 9-15).

Керамика имеет аналогии в средневековой посуде с Алексеевского городища и Увека. Так же как на Алексеевском городище, здесь нет нумизматических находок. На Алексеевском городище, расположенном в 5 км вниз по Волге, керамика, сопоставимая с золотоордынской, составляет не более 12 %⁵. В коллекции керамики с устья Гусёлки не достаточно профилированных и орнаментированных фрагментов с красным обжигом, чтобы уверенно относить её к золотоордынской и составляют они 4 %.

В географическом отношении мыс в устье Гусёлки удобен для расположения города-крепости, т.к. защищён с трёх сторон естественными преградами. За крепостной стеной мог находиться острог, отгороженный частоколом между Волгой и оврагом. О наличие острога за пределами крепости можно судить по аналогиям с соседними городами того времени⁶ и по документу о персидском посольстве, из которого известно, что русский и персидский послы были помещены в остроге, в «лучших» дворах и что русский посол оговаривал с персидским послом, где им лучше провести встречу – «в городе ль в... государевой избе» (то есть в казённом помещении в рубленом кремле), или «у нас» (в остроге, где они были размещены)⁷. Если первый Саратов находился в устье Гусёлки или рядом на острове, находит объяснение, почему в 1614 г., после пожара, его

⁵ Юдин А. И. Алексеевское городище в г. Саратове // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998-2000 годах. Вып. 4. Саратов, 2001. С. 22-80.

⁶ Беликов М. П. Старый собор и старый город. Саратов, 2015. С. 18.

⁷ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1 // Труды восточного отделения императорского русского археологического общества. Т. 21. СПб., 1892. С. 121.

называли и Саратовским пепелищем, и Саратовским городищем. В начале мая поступили известия, что воровские казаки собираются на Саратовское пепелище, 13 мая на Саратовском городище задержались стрельцы, а 17 мая с Саратовского городища им вдогонку было послано письмо-выговор от воеводы за нерасторопность⁸. Саратовским городищем могли называть и руины Саратова и расположенное рядом древнее городище.

К неудобствам расположения города здесь следует отнести удаленность от коренной Волги (приблизительно 2 – 3 км). Если в XVI в. ситуация не была принципиально иной, в период спада воды удобное место для пристани больших судов могло находиться в нескольких километрах от устья Гусёлки.

Кости животных из котлована для слива были сданы на радиоуглеродный анализ в институт Материальной Культуры в Петербурге. В скором времени должна быть получена первая абсолютная дата для этого памятника. Поэтому сейчас делать вывод о датировке памятника на основании аналогий преждевременно. Ближайшая задача - выявить погребения на этой территории и получить радиоуглеродные даты погребений, которые могут не совпадать с возрастом ямы и найденной в ней керамики. В дальнейшем желательно получить датировку русских материалов с Алексеевского городища. Это позволит воссоздать историческую картину территории, связанной с основанием и предысторией города Саратова.

⁸ Акты исторические, собранные археографической комиссией. Т. 3. СПб, 1841. С. 427, 441, 442.

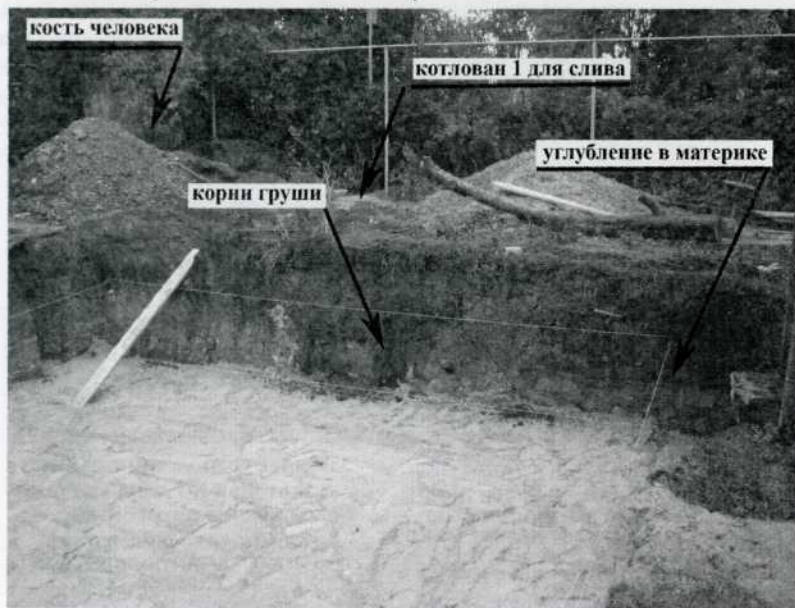
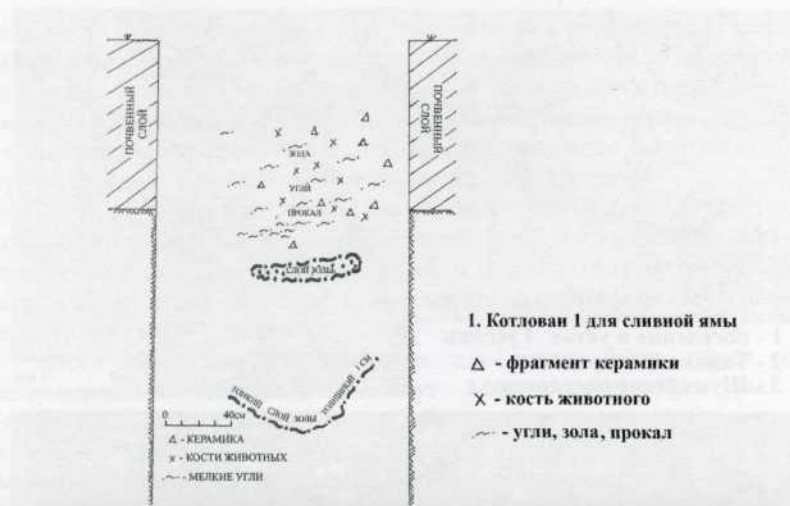

1 - поселение в устье Гусёлки
 2 - Танавское городище
 3 - Шумейское поселение

- — границы территории находок захоронений
- - находки керамики на поверхности
- - котлованы дома и сливной ямы
- x1 - сообщение о находке человеческой кости
- x2 - сообщение о рядах человеческих скелетов
- x3 - электростанция, близ которой в 1960-х гг. были найдены погребения
- 4 - сообщение о каменной кладке, замеченной при строительстве дачи

Рис. 1. Карта местности 1918 г. и космоснимок с отмеченными местами находок из котлованов, находок керамики на поверхности и сообщений о находках при земляных работах.

2. Котлован 2 для фундамента дома

Рис. 2. Фото котлована 2 и схема северного края котлована 1 с находками и следами древней ямы (схема М.П. Беликова 2015 г.)

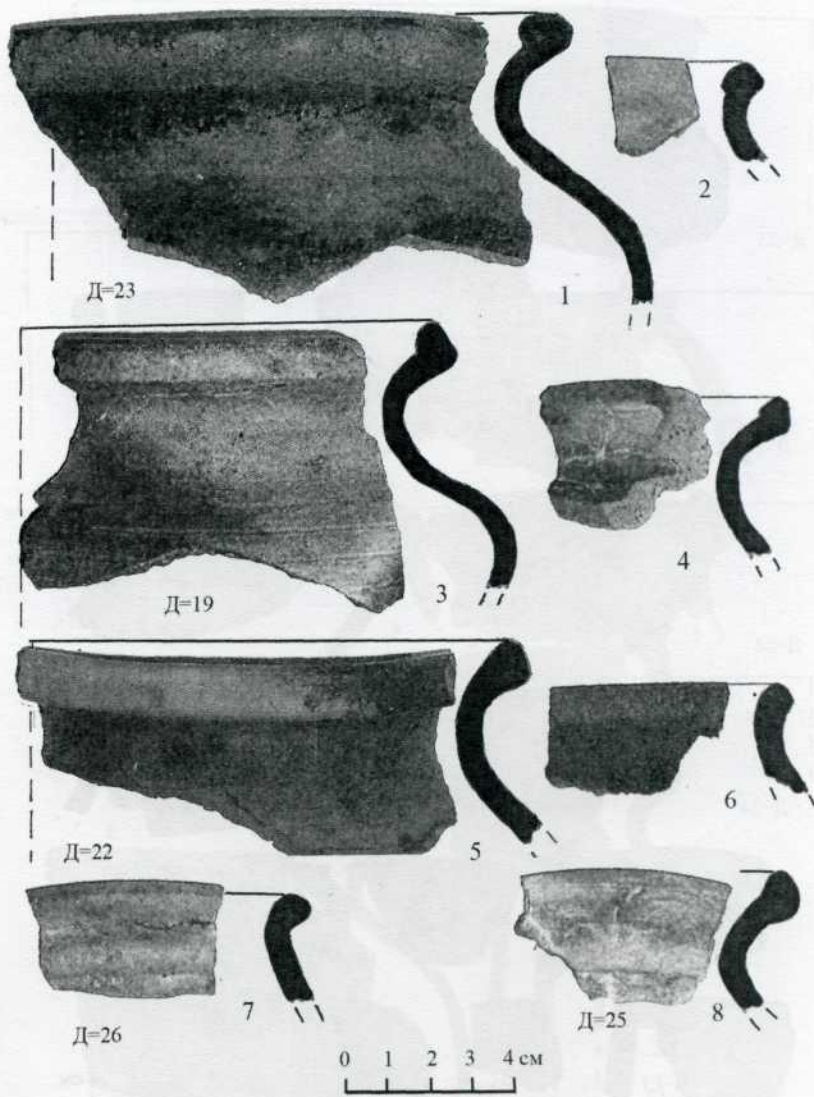

Рис. 3. Русская керамика с чёрной и бурой поверхностью из котлована 1.

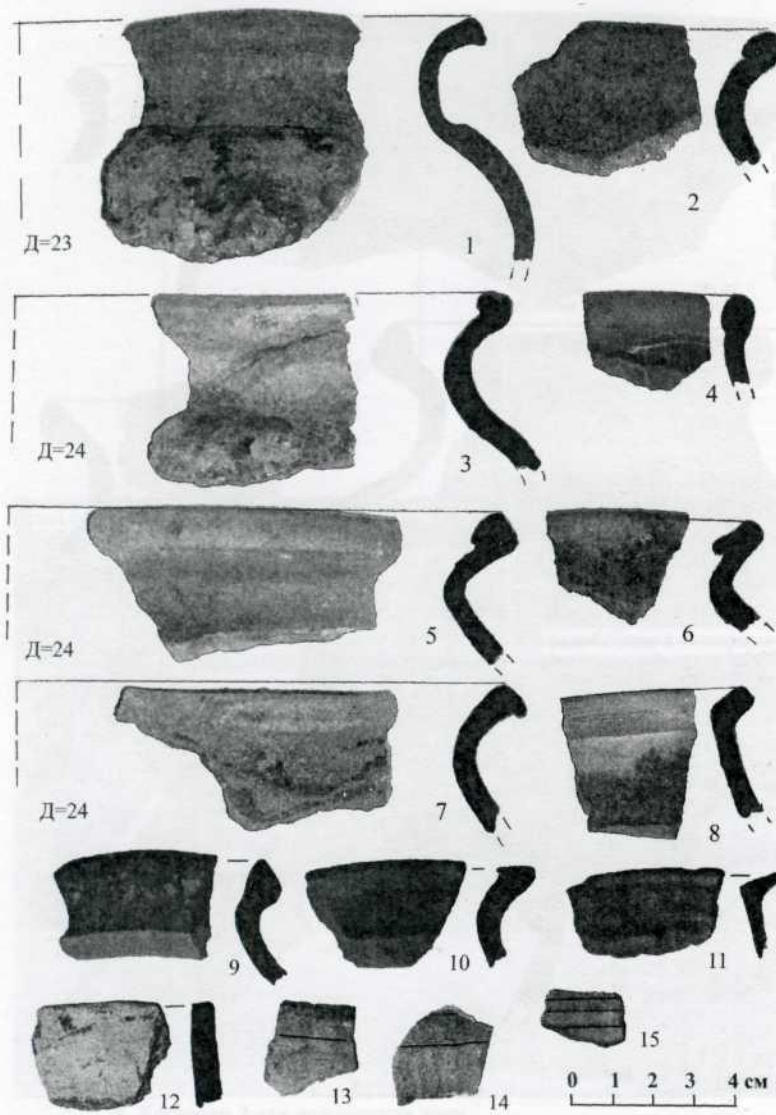

Рис. 4. Русская керамика с чёрной и бурой поверхностью: 1-8 - из котлована 1, 9-15 - из котлована 2.

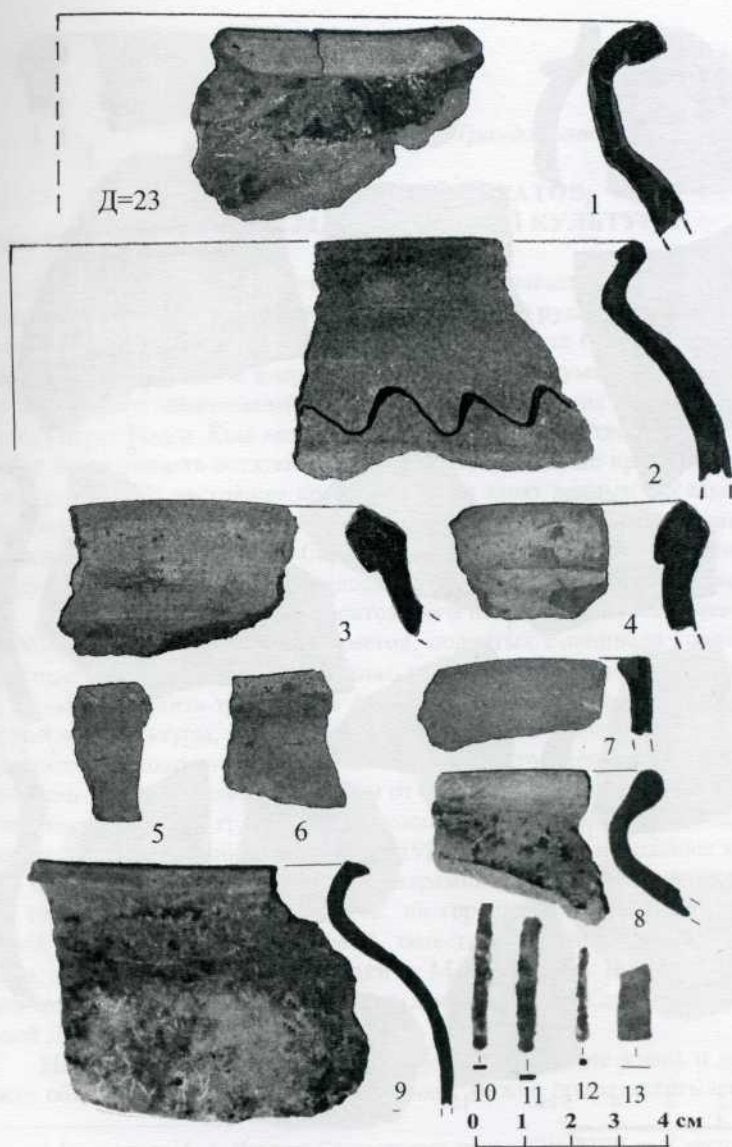

Рис. 5. 1-9 - русская керамика с чёрной и бурой поверхностью из котлована 1;
10-12 - обломки железных предметов; 13 - обломок бронзовой пластины.

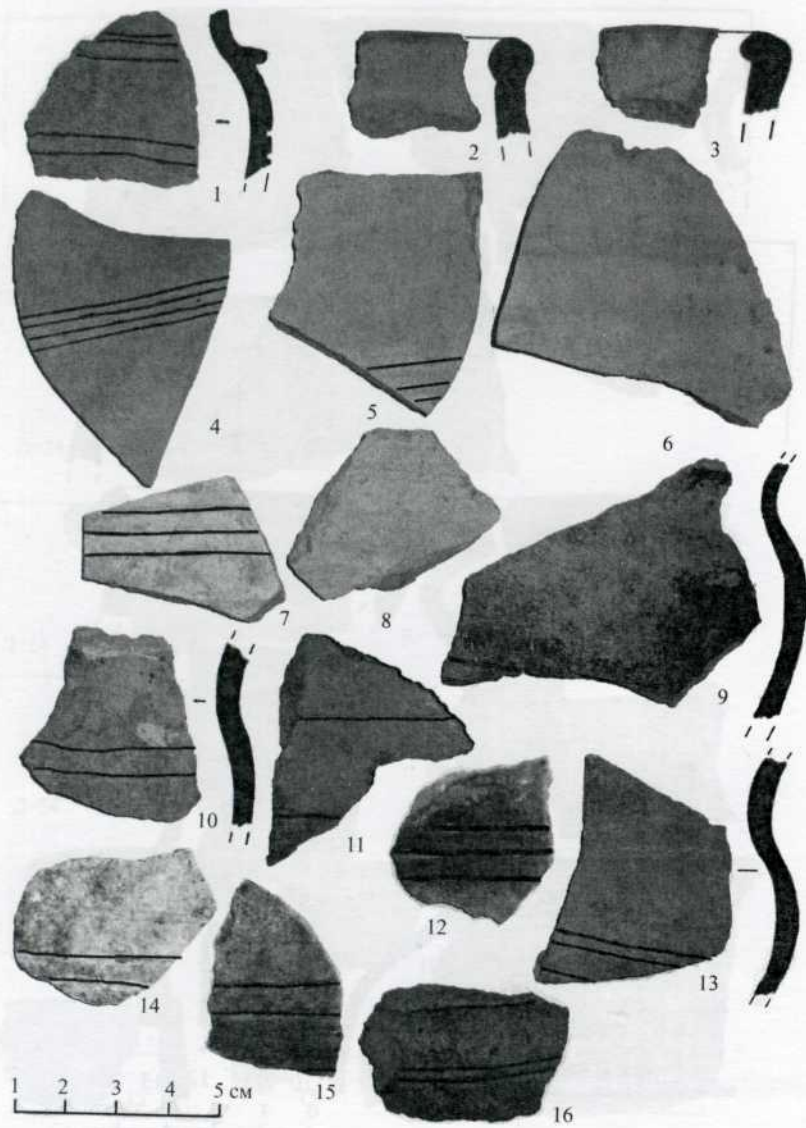

Рис. 6. 1-8 - красноглиняная керамика; 9-16 – стенки сосудов с линейным орнаментом с чёрной и бурой поверхностью из котлована 1.

Е. О. Грандафилов, К. Ю. Моржерин

ЛЕВОБЕРЕЖНЫЙ САРАТОВ: ПРЕДМЕТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Городище левобережного Саратова располагается на мысу правого берега речки Саратовки при её впадении в один из рукавов Волги, к северу от окраины современного г. Энгельса. На этом месте Саратов просуществовал с 1616 г., когда он впервые упоминается в документе после пожара, уничтожившего изначальный город¹, и до 1674 г., когда его перенесли на правый берег Волги. Ещё незадолго до Великой Отечественной войны там можно было увидеть остатки рва, вала и жилищ в виде правильно расположенных ям². В настоящее время памятник занят дачным посёлком Шалово, береговая полоса подтоплена и разрушается водами водохранилища, а участок берега со стороны Саратовки закрыт бетонными плитами. Комплексные археологические исследования на городище не проводились.

В фондах и экспозиции Саратовского областного музея краеведения (СОМК) имеется более 300 предметов, поднятых с площади городища и береговых обнажений. Однако точная локализация мест находок неизвестна. Можно выделить три этапа в формировании коллекции предметов материальной культуры, найденных в левобережном Саратове. Наибольшее количество находок поступило от членов Саратовской учёной архивной комиссии (СУАК), главным образом от Фёдора Дмитриевича Охлябинина. В течение 1911–1913 гг. им была заложена основа коллекции, а последние его находки с памятника относятся к 1921 году. Затем небольшое количество предметов (в основном обломки керамики) поступало в музей в 1950-е – 1960-е гг. Так, в 1955–1957 гг. на городище побывали сотрудники СОМК во главе с В.Я. Рассудовой, заместителем директора по научной части, а в 1966 г. поступили находки от М.С. Шпелева. В 1984 г. большое количество разнообразных находок с левобережного Саратова передал в музей Д.Г. Баринев.

Находки, относящиеся к XVII веку и отражающие жизнь и деятельность обитателей левобережного Саратова, можно подразделить на шесть

¹ *Герасимов А. А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 200; *Рабинович Я. Н.* Воеводы левобережного Саратова (1616–1641) / под ред. С. А. Мезина. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов, 2014. С. 42.

² *Акимова Т. М., Ардабацкая А. М.* Очерки истории Саратова (XVII и XVIII в.). Саратов, 1940. С. 11.

категорий: 1) орудия труда, 2) предметы вооружения и всаднического снаряжения, 3) посуда, 4) предметы одежды и украшения, 5) культовые предметы, 6) нумизматические материалы.

Орудия труда, в свою очередь, включают следующие группы: а) орудия рыболовства и земледелия, б) орудия ремесленников, в) хозяйственно-бытовые орудия и предметы.

Письменные источники свидетельствуют, что рыбная ловля являлась основным занятием неслужилого населения и важным подсобным занятием служилых людей Саратова. Согласно окладной росписи пятины 1634 г., из 83 человек посадского населения и наёмных работников Саратова 50 человек (т.е. 60 %) было занято рыбным промыслом³. А в 1658 г. рыбные ловли на Волге «под городом вверх и вниз по 5 верст ... безоброчно» получили саратовские служилые и жилецкие люди⁴. Это подтверждается находками различных орудий рыбного лова: железных рыболовных крючков крупных размеров (рис. 2, 4, 5), каменных и керамических грузил для волоковых и ставных сетей (рис. 2, 1-3), железных лодочных скреп в виде пластин ромбовидной и прямоугольной форм (рис. 2, 6-8). Кроме того, на городище найдены кости рыб разных видов.

В то же время земледелие в Саратове XVII в. не получило сколько-нибудь заметного развития. Неудивительно, что земледельческие орудия представлены здесь единичными находками слабоизогнутых железных серпов (рис. 1, 10, 11).

Письменные источники свидетельствуют о существовании в левобережном Саратове некоторых ремёсел. В Разрядной книге 1637/38 г. в числе служилых людей упоминаются кузнец и плотник, в окладной росписи пятины 1634 г. – четыре плотника и сапожник, а в 1630 г. в Саратов для строительства новой крепости взамен обветшавшей временно прислали 50 плотников из стрельцов⁵. В соответствии с этим в следующую категорию мы выделили орудия ремесленников, к которым отнесли деревообрабатывающие и строительные инструменты и орудия металлообработки.

Деревообрабатывающие инструменты представлены широколезвийным топором (рис. 1, 1) и долотами с широким жалом (рис. 1, 2-4). Железный молоток-кирочка (рис. 1, 5) каменотёса мог использоваться при строительстве каменного фундамента какого-либо здания, например, порохового

³ Рабинович Я. Н. Воеводы левобережного Саратова (1616–1641). Саратов, 2014. С. 182–187; Смирнов П. Окладная роспись пятины по городу Саратову 1634 года // Труды СУАК. Вып. 33. Саратов, 1916. С. I–XXIII.

⁴ Осипов В.А. Очерки по истории Саратовского края : конец XVI и XVII вв. Саратов, 1976. С. 48.

⁵ Рабинович Я. Н. Воевода Саратова князь Иван Большой Фёдорович Шаховской (1637–1639) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. Т. 14. Вып. 3. Саратов, 2014. С. 94; Рабинович Я. Н. Воеводы левобережного Саратова (1616–1641). С. 157–158, 183–187; Смирнов П. Указ. соч. С. I–XXIII.

погребя или церкви. Со строительным делом связаны также находки кованых гвоздей (рис. 1, 13-18) различных размеров с округлой или плоской шляпкой и дверных пробоев (рис. 1, 19, 20).

К металлообрабатывающим орудиям относятся клещи (рис. 1, 21), предназначенные для удержания мелких поковок, и пробойник.

Найденные на памятнике железные ножи (рис. 1, 7-9) являются хозяйственно-универсальными. Как и железный кочедык (рис. 1, 6) – инструмент для плетения лаптей, – их можно отнести к хозяйственно-бытовым орудиям. К этой же категории относятся также каменные оселки (рис. 2, 16).

Ткачество и шитьё, имевшие в Саратове, очевидно, домашний характер, представлены находками керамического и каменного пряслиц (рис. 2, 13) и медных напёрстков (рис. 2, 14, 15). Их также следует отнести к хозяйственно-бытовым орудиям.

Многочисленны и разнообразны и другие бытовые предметы: светцы (рис. 1, 12), фрагменты навесных замков (рис. 2, 10, 11) и ключей от внутренних замков (рис. 2, 12), обувные подковы дугообразной формы (рис. 2, 17-21), оловянный черпак ложки (рис. 2, 9). На городище найдены железные кресала и большое количество кремней, часть из которых можно отнести к ружейным (рис. 3, 3, 4), т.е. к предметам вооружения.

Из предметов вооружения следует назвать ещё каменные (меловые) двусторонние литейные формы для отливки ружейных пуль (рис. 3, 1, 2), свинцовые пули калибром 10–18 мм (рис. 3, 6-10) и, возможно, каменный шар диаметром 50–57 мм, предположительно являвшийся пушечным ядром (рис. 3, 5). Обычно отливкой пуль и изготовлением пушечных ядер занимались сами служилые люди – стрельцы. Малочисленность предметов вооружения не должна удивлять, если учитывать, что в 1674 г. Саратовская крепость была перенесена на правый берег, и всё военное имущество, надо полагать, перевезли на новое место.

Из снаряжения коня и всадника на городище найдены железное стремя арочной формы (рис. 2, 22), фрагмент железных удил, подпружные пряжки лировидной, круглой и прямоугольной формы (рис. 2, 25-29), подковы (рис. 2, 23, 24) и гвозди для подков. В пограничной крепости, какой являлся левобережный Саратов, всадническое снаряжение было принадлежностью, прежде всего, служилых людей. Разрядные книги 1630-х гг. неизменно упоминают в составе саратовского гарнизона 100–150 конных стрельцов, 18 детей боярских, трех сотников, стрелецкого голову и воеводу⁶. Изготовлением всаднического снаряжения, как и железных бытовых предметов и инструментов, занимался, скорее всего, местный кузнец.

⁶ *Герасимов А. А.* Указ. соч. С. 228; *Рабинович Я. Н.* Воеводы левобережного Саратова (1616–1641). С. 160; *Рабинович Я. Н.* Воевода Саратова князь Иван Большой Фёдорович Шаховской (1637–1639). С. 94.

В целом ремёсла в Саратове были ещё слабо развиты и ориентированы не на внешний рынок, а на обслуживание местного населения, прежде всего служилого.

Посуда на городище представлена фрагментами керамических, стеклянных и чугунных сосудов.

В гончарной керамике преобладают фрагменты сероглиняной посуды, но есть и красноглиняные, и черноглиняные, и один фрагмент белоглиняной с коричневой поливой. Обломки могут быть отнесены к кухонной, столовой и тарной посуде. Ассортимент посуды невелик: горшки, кувшины, корчаги. Имеются два реконструированных горшка. Один из них, невысокий, мог употребляться для подачи еды на стол (рис. 3, 11), а горшок средних размеров использовался для варки пищи (рис. 3, 12).

Посудное стекло представлено фрагментами полупрозрачных бутылок (рис. 3, 13), штофов (рис. 3, 14) и бокала светло-зелёного и темно-зелёного оттенков.

Металлическая посуда сохранилась в виде фрагментов венчиков (рис. 3, 15, 16) и стенок чугунных котлов. К посуде можно отнести и найденные железные ушки, вероятно, от деревянных вёдер (рис. 3, 17, 18).

Предметы одежды и украшения малочисленны, но разнообразны. Это изготовленные из меди поясные пряжки (рис. 4, 7), нашивка в виде ажурной шестилепестковой розетки с отверстиями (рис. 4, 8), пуговицы литые (рис. 4, 9, 10) и дутые шаровидной формы, булавка с короткой конусовидной иглой и шаровидной головкой с орнаментом (рис. 4, 2), серьга из проволоки (рис. 4, 1), обломок браслета с тиснёным веревочным орнаментом по краю и овальным гнездом для вставки на конце (рис. 4, 6), овальная подвеска с петелькой наверху и гнездом для вставки, обрамлённым напаянной проволокой (рис. 4, 3), три звена цепочки из белого металла и несколько бусин из цветного стекла (рис. 4, 5). Особую художественную ценность имеет перстень с округлым щитком с изображением редкого сюжета – плывущего лебедя (рис. 4, 4). Возможно, к этой же категории следует отнести найденную костяную пластину с резным изображением лошади, которая упоминается в книге поступлений музея СУАК.

Перечисленные предметы одежды, украшения, стеклянная и керамическая посуда являются, скорее всего, привозными товарами. Торговля была вторым по значимости занятием населения левобережного Саратова. По окладной росписи пятины 1634 г., из 83 человек посадского населения и наёмных работников 20 человек (т.е. почти 25 %) были заняты лавочным промыслом⁷.

⁷ Рабинович Я. Н. Воеводы левобережного Саратова (1616–1641). С. 157–158, 182–187; Смирнов П. Указ. соч. С. I–XXIII.

К культовым предметам личного благочестия относятся медные наперсные и нательные кресты и крестик (рис. 4, 11), выточенный из ростра белемнита (?), с короткими лучами, по обеим сторонам которых процарапаны слабовидимые криптограммы. Найден на городище и оловянный образец.

В нумизматическую подборку входят 34 монеты (15 серебряных и 19 медных) царей Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича. К сожалению, сведения об этих монетах содержатся только в книге поступлений музея СУАК, что затрудняет их выявление в нумизматических коллекциях музейного фонда.

Все рассмотренные категории находок с левобережного Саратова, хранящиеся в Саратовском областном музее краеведения, подтверждают и дополняют письменные источники и исследования историков о жизни и деятельности населения Саратова «на луговой стороне» в первой половине – третьей четверти XVII в. и являются уникальными памятниками материальной культуры русского населения Нижнего Поволжья. Необходимо предпринять разносторонние исследования музейной коллекции и сохранившихся участков городища.

Рис. 4. Предметы личного благочестия с левобережного Саратова. 1 – крестик из ростра белемнита, 2 – крестик из ростра белемнита, 3 – крестик из ростра белемнита, 4 – крестик из ростра белемнита, 5 – крестик из ростра белемнита, 6 – крестик из ростра белемнита, 7 – крестик из ростра белемнита, 8 – крестик из ростра белемнита, 9 – крестик из ростра белемнита, 10 – крестик из ростра белемнита, 11 – крестик из ростра белемнита, 12 – крестик из ростра белемнита, 13 – крестик из ростра белемнита, 14 – крестик из ростра белемнита, 15 – крестик из ростра белемнита, 16 – крестик из ростра белемнита, 17 – крестик из ростра белемнита, 18 – крестик из ростра белемнита, 19 – крестик из ростра белемнита, 20 – крестик из ростра белемнита, 21 – крестик из ростра белемнита, 22 – крестик из ростра белемнита, 23 – крестик из ростра белемнита, 24 – крестик из ростра белемнита, 25 – крестик из ростра белемнита, 26 – крестик из ростра белемнита, 27 – крестик из ростра белемнита, 28 – крестик из ростра белемнита, 29 – крестик из ростра белемнита, 30 – крестик из ростра белемнита, 31 – крестик из ростра белемнита, 32 – крестик из ростра белемнита, 33 – крестик из ростра белемнита, 34 – крестик из ростра белемнита.

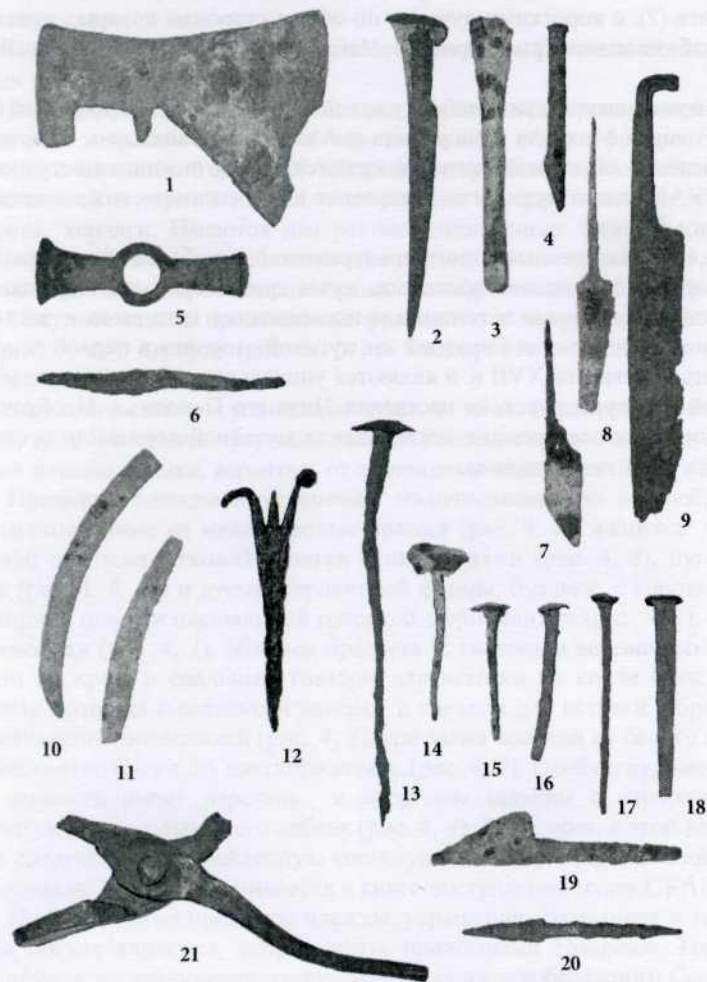

Рис. 1. Находки с левобережного Саратова. 1 – топор; 2-4 – долота;
 5 – молоток-кирочка; 6 – кочедык; 7-9 – ножи; 10, 11 – серпы; 12 – светец; 13-18 – гвозди;
 19, 20 – пробои; 21 – клещи (всё – железо).
 Масштаб разный.

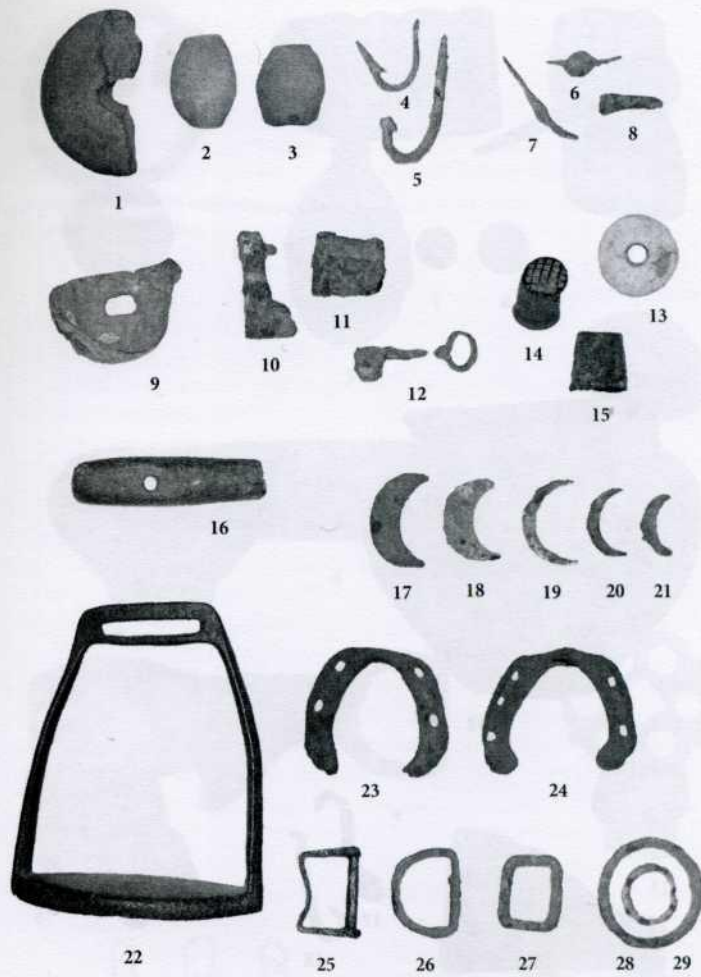

Рис. 2. Находки с левобережного Саратова. 1-3 – грузила; 4, 5 – крючки рыболовные; 6-8 – скобы лодочные; 9 – ложка; 10, 11 – замки; 12 – ключ; 13 – пряслице; 14, 15 – наперстки; 16 – оселок; 17-21 – подковы обувные; 22 – стремя; 23, 24 – подковы; 25-29 – пряжки подпружные (1-3 – глина; 4-8, 10-12, 17-29 – железо; 9 – олово; 13, 16 – камень; 14, 15 – медь). Масштаб разный.

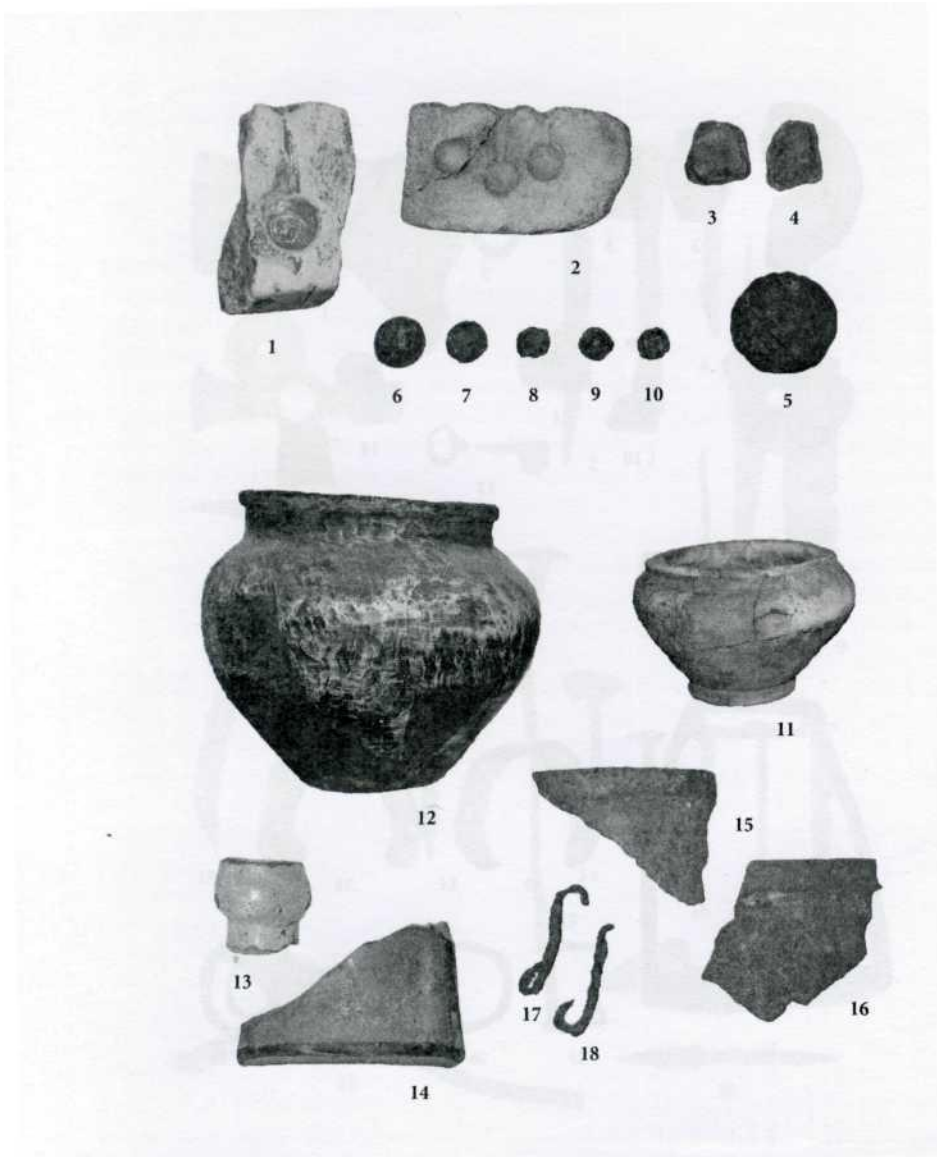

Рис. 3. Находки с левобережного Саратова. 1, 2 – формы литейные; 3, 4 – кремни ружейные; 5 – ядро; 6-10 – пули ружейные; 11, 12 – горшки; 13 – фрагмент верхней части бутылки; 14 – фрагмент дна штофа; 15, 16 – фрагменты верха котлов; 17, 18 – ушки ведер (1-5 – камень; 6-10 – свинец; 11, 12 – глина; 13, 14 – стекло; 15, 16 – чугун; 17, 18 – железо). Масштаб разный.

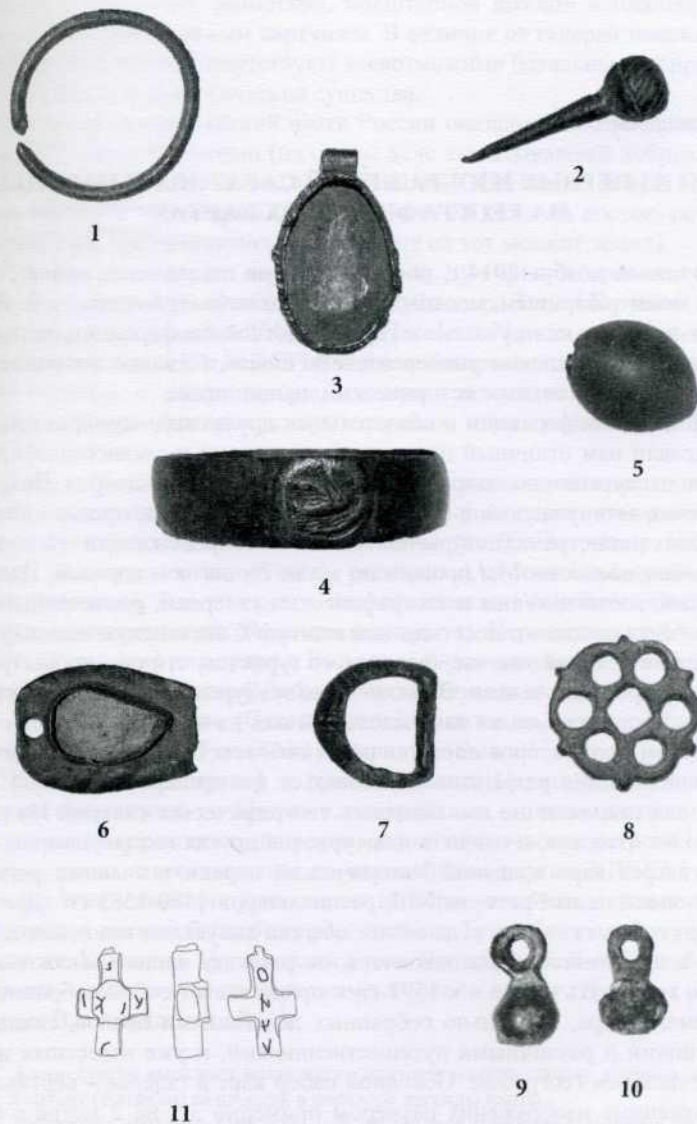

Рис. 4. Находки с левобережного Саратова. 1 – серьга; 2 – булавка; 3 – подвеска; 4 – перстень; 5 – бусина; 6 – фрагмент браслета; 7 – пряжка; 8 – нашивка; 9, 10 – пуговицы; 11 – крест нательный (1-4, 6-10 – медный сплав; 5 – стекло; 11 – белемнит (?). Масштаб разный.

Е.В. Астафьев

ОДНО ИЗ ПЕРВЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ САРАТОВА И ЦАРИЦЫНА НА ГЕОГРАФИЧЕСКИХ КАРТАХ

В начале ноября 2014 г. по приглашению итальянских коллег, мы, с давним моим товарищем, московским художником-геральдистом Е. А. Комаровским, принимали участие в геральдической конференции, проводившейся в Риме в Папском университете «Fidelis», большое внимание уделяющем вспомогательным историческим дисциплинам.

Помимо конференции и обязательных дружеских мероприятий, коллеги сделали нам отличный подарок: организовали и согласовали на всех уровнях экскурсию по закрытым галереям Папского дворца Ватикана. Экскурсию, затянувшуюся с обеда и до позднего вечера, провел лично заместитель министра культуры Ватикана в сопровождении начальника службы безопасности. Мы прошли по залам герцогов и королей, Папским кабинетам, зоологическим и географическим галереям, расписанным учениками Микеланджело, посетили знаменитую Сикстинскую капеллу, где, несмотря на поздний уже час, было много туристов, что сильно контрастировало с закрытыми залами. В заключение экскурсии мы вышли на крышу дворца, откуда открывался замечательный вид на вечернюю, освещенную множеством прожекторов площадь перед собором Св. Петра. Практически везде нам любезно разрешали пользоваться фотоаппаратом. Самой интересной для нас, конечно же, оказалась географическая галерея. На самом деле, более известна, и открыта для туристов другая географическая галерея – галерея карт владений Католической церкви и главных регионов Италии эпохи папы Григория XIII, расписанная в 1580-1583 гг¹. Демонстрируемая же нам галерея, куда сейчас обычно допускают лишь важнейших персон и дипломатов, была закончена, по рассказу нашего высокопоставленного гида, чуть позже – к 1592 г., и представляет собой собрание карт всех земель мира, тщательно собранных делегациями послов, священников, купцами и различными путешественниками, и уже известных на тот момент папским географам. Основной набор карт в галерее – вертикально расположенные изображения размером примерно 3,5 на 2 метра с написанными краской многоступенчатыми орнаментными рамами, вычерчен-

¹ Карты для этой галереи были составлены итальянским картографом Игнацио Данти (Ignazio Danti).

ной золотом широтной разметкой, масштабной шкалой в нижней части карты и богато украшенным картушем. В отличие от галереи папских владений – на этих картах отсутствуют всевозможные батальные, жанровые и прочие сценки и мифологические существа.

Территории европейской части России оказались обозначенными на двух картах: карте Московии (на самом деле захватывавшей добрую часть Европы, Финляндию, Новгород и обрезанной с востока по самую Москву) и карте Тартарии и Булгарии (территории от Москвы на восток, почти до Уральских гор, где начинались неизвестные на тот момент земли).

Легенда на картуше карты Тартарии, Булгарии и прочих исконно «наших» территорий (на фото), гласит: *Scythaenvnc Tartari Eqvitandi et Sagittand Peritia Clari Mvnitas Vrbes Pavci Incolvnt Plavstra ac Tentoria Animalivm Coriis Cooperi Pro Domib \ S Habent*. В переводе это звучит примерно так: «Скифы, а теперь татары, мастера в искусстве верховой езды и стрельбы из лука, некоторые живут в городах, и есть укрепленные дома и палатки»².

В верхней части карты с удовольствием читаю знакомые топонимы: Устюжская провинция (*Vstivga province*), Вологодское наместничество (*Wologda principatvs*), Галицкое наместничество (*Galitz principatvs*), Суздальское наместничество (*Svsdal principatvs*), Московское княжество (*Moscovia dvcatvs*), Владимирское наместничество (*Volodimir principatvs*), Рязанское наместничество (*Resanens principatvs*), Переяславльское наместничество (*Pereaslavl principatvs*), Ростовское наместничество (*Rosfow principatvs*), Вятское княжество (*Viatka dvcatvs*). Спускаюсь взглядом по Волге, минуя Казанское царство (*Gazan regnvm*), и ниже по течению обнаруживаю Саратов (на фото), Тую (*Tuia*) и Царицын (*Sariza*)!

Левобережный Саратов и правобережный Царицын показаны уже большими крепостями – с башнями, постройками, мощными стенами. Туя расположена на переволоке, напротив южной оконечности острова Цицара (*Zizara*), хорошо известного нам по европейским картам XIV-XVI столетий, но так и не идентифицированного; по карте, впрочем, непонятно и то, где конкретно должна была быть расположена Туя – ближе к Дону (в районе совр. ст. Качалино, Иловлинского р-на Волгоградской обл.), либо ближе к Волге – вместо города Бельджамена (около совр. г. Дубовки, Дубовского р-на Волгоградской обл.)³.

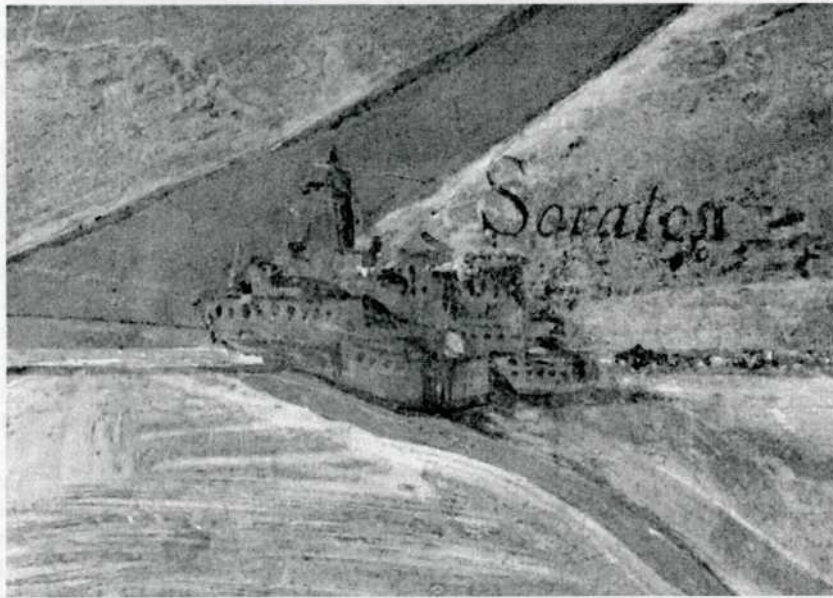
² Автор статьи выражает искреннюю признательность своему доброму другу о. Роману Хуртову (Ватикан) за помощь в переводе легенды карты.

³ Развалины древнего городища (т.н. Водянское городище) недалеко от посада Дубовки, Царицынского уезда Саратовской губернии впервые идентифицировал как золотоордынский город Бельджамен член Саратовской ученой архивной комиссии Ф. Ф. Чекалин (1844-1893) в статье «Какому из древних городов принадлежит каменное городище на Волге, близ посада Дубовки» (опубл. в сб. Труды СУАК, Саратов, 1888).

Через переводчика еще раз уточняю дату написания галереи. Видя мое удивление, наш экскурсовод улыбнулся и с гордостью сказал: «Вот видите, Ваши предки еще только построили свои крепости, а Папа уже должен был знать об этом – везде у него были свои агенты!».

Тут нельзя не задуматься, что если роспись галереи местных земель заняла без малого три года, то роспись галерей всего света должна была занять гораздо больше времени ввиду множества сопоставлений, уточнений и прочих задержек – то есть если она была закончена к 1592 г., то начаться должна была не позднее 1585-1587 гг. Подготовительные работы по составлению карт, обработке отчетов путешественников и прочее – также должны были занять немало времени... да и сами экспедиции, к тому же такие удаленные, что затронули Вятку, Устюг, Вологду – возвращались домой не один месяц. Кроме того, строительство больших крепостей, достойных доклада папе и упоминания на стенах Ватиканских галерей, то есть таких, какими увидели Саратов и Царицын итальянские путешественники – дело не одного года. Велика, конечно, вероятность, что города на карте могли дописываться и позднее, по мере поступления сведений о них. Тем не менее, весьма приятно было обнаружить в папском дворце, возможно, одно из самых первых, дошедшее до наших дней, изображение Саратова и Царицына на географических картах и хочется верить, что Ватикан хранит художественное доказательство более почтенного возраста наших Поволжских форпостов, увековеченное кистями учеников Микеланджело.

**ГОРОДСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ САРАТОВА
В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

По компетентному мнению В. А. Нардовой, «Жалованная грамота на права и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 г. Екатерины II вплоть до 1846 г., когда было принято Положение об общественном управлении Петербурга, оставалась основным документом, регулирующим общественное устройство столицы и других российских городов. Но одни её положения были сведены на нет последующими законодательными актами, хотя формально оставались не отменёнными, другие были перечёркнуты самой жизнью. Всё законодательство об общественном устройстве городов было запутанным и неопределённым, давно перестало отвечать потребностям их развития¹.

Более резок в своей оценке А. А. Кизеветтер, посчитавший, что перспективный план Екатерины II объединить всех городских жителей без различия сословий в общей дружной работе на почве городского самоуправления потерпел совершенное крушение. Нельзя было звать сословия к общей деятельности, оставляя в силе и даже ещё более укрепляя сословные перегородки, разобравшие различные элементы населения. Дворяне гнушались совместной работой с купцами и мещанами, боясь запачкать своё «благородство». Купцы и мещане, в свою очередь сторонились от дворян, опасаясь, как бы последние, проникнув в городские учреждения, не захватили в свои руки всё влияние на городские дела. В результате городские думы являлись чисто сословными учреждениями².

Действительно, сословная стратификация горожан получает законодательное обоснование в реформах Екатерины II 1775 – 1785 гг. «Верхи» горожан, именовавшихся ранее «посадскими», становятся гильдейным купечеством, которое превратилось в «привилегированную страту городского населения», освобождённую от налогового бремени и получившего организационные формы для самоуправления³.

¹ Петербургская дума, 1846 – 1918. СПб., 2005. С. 9.

² Кизеветтер А. А. Исторические очерки. М., 1912. С. 462.

³ Миронов Б. Н. Историческая социология в России. Учебное пособие. СПб., 2009. С. 75.

Существенные изменения в состав городского управления внесла «гильдейная реформа», разработанная в 1824 г. министром финансов Е. Ф. Канкриным. Закон «Об устройстве гильдий» вводил чёткую градацию городских общественных должностей, распределив их между разными группами только торгово – промышленного населения⁴.

Последний период царствования Александра I отмечен некоторыми правительственными инициативами по усовершенствованию управления городами. В мае 1821 г. министр внутренних дел граф В. П. Кочубей внёс в департамент государственной экономии Государственного совета проект об устройстве Санкт – Петербургской городской думы, как начальный этап преобразования городского управления в целом по стране. Предусматривалось расширение состава городской думы за счёт дворянства и чиновничества⁵. В 1825 г. с целью постепенного реформирования городского законодательства был учреждён специальный «Комитет об улучшении городов», но в течение десятка лет он не сделал почти ничего.

Тенденцию попыток бюрократического реформирования выборного городского управления отмечают как дореволюционные, так и современные исследователи. А. А. Кизеветтер полагает, что «жалкое состояние, в котором находились русские города в первой четверти XIX столетия» побудило правительство Николая I в свою очередь обратить внимание на необходимость реформы чтобы «оживить зачахшее городское самоуправление». Посредством пересмотра Городового положения «надеялись вывести русский город на путь преуспевания, оживить городскую промышленность и поднять уровень городской культуры». Целый ряд инстанций последовательно трудился над составлением нового городского положения, в столичных верхах создавались особые комитеты и комиссии⁶.

Н. Ф. Писарькова считает, что при Николае I работа в области городского законодательства заметно активизировалась. В 1830–е годы приоритетным направлением в городской политике правительства была забота о повышении городских доходов. Для разработки лучшего их устройства создавались многочисленные комитеты и комиссии: Комитет для устройства Московской городской Думы 1832 – 1836 гг. В феврале 1836 г. при хозяйственном департаменте была учреждена общероссийская Комиссия для составления проектов положений о доходах и расходах городов, а в городах были открыты комитеты для изыскания новых доходов⁷.

Важным показателем ускоренного развития русских городов второй четверти XIX в. является рост численности городского населения.

⁴ Писарькова Л. Ф. Городские реформы в России и Московская дума/ Писарькова Л. Ф. – М.: Новый хронограф: АИРО – XXI, 2010. С. 63 - 64.

⁵ Писарькова Л. Ф. Указ соч. С. 65.

⁶ Кизеветтер А. А. Указ. соч. С. 463

⁷ Писарькова Л. Ф. Указ. соч. С. 69.

Л. Ф. Писарькова отмечает, что особенно значительным был прирост жителей в средних городах, где проживало от 5 до 50 тысяч человек. В течение 1811 – 1862 г. число таких городов увеличилось почти в 4 раза (с 30 до 113). В 1825 – 1856 гг. число жителей во многих губернских центрах возросло в 1,5 – 3 раза, например: в Саратове – с 38 – до 61 тысячи»⁸.

В. А. Нардова обращает внимание на локальный характер переустройства управления, которое было проведено лишь частично, в виде опыта, первоначально только в С. – Петербурге. В остальных же российских городах до эпохи Великих реформ (точнее – до Городового Положения 16 июня 1870 г.) единственными городскими учреждениями, которые как – то «ведали городские пользы и нужды», по – прежнему оставались введённые Екатериной II в 1785 г. шестигласные думы во главе с городским головой, олицетворявшим собой всё городское общественное управление. При шестигласной думе находились особые органы: торговая депутация, торговые смотрители, торговые старосты. Приниженное положение шестигласной думы, низведённой до уровня своеобразной хозяйственной канцелярии местных административных и полицейских учреждений, вызывало равнодушные городских сословий к службе и уклонение от неё. Что же касается намерения усилить городское управление за счёт привлечения в него дворянства, то оно оказалось тогда безрезультатным: дворяне безразлично сторонились от участия в управлении вместе с «мужичьём», оставались равнодушными к городскому делу⁹.

В 1832 г. вместо категории именитых граждан, (учреждённых в 1785 г.), было введено почётное гражданство, присваивавшееся императорскими указами. Однако, несмотря на медленный рост численности гильдейного купечества в городах в первой половине XIX в., которое росло преимущественно за счёт разбогатевших мещан и выкупившихся на волю представителей крестьянской буржуазии¹⁰, именно гильдейное купечество с екатерининских времён традиционно стояло во главе городского управления. Избиравшиеся из купеческой среды городские головы, административно подчиняясь губернскому правлению во главе с губернатором, возглавляли шестигласную городскую думу, члены которой использовались для отдельных поручений, а городским делопроизводством и отчётностью ведал городской секретарь¹¹. Известный исследователь русского города И. И. Дитятин считает, что «этот городской секретарь – дока, был в Думе - *всё*. Иначе и быть не могло: члены Дум, ратуш и вообще выборные

⁸ Писарькова Л. Ф. Указ. соч. С. 68 – 69, 74.

⁹ Петербургская городская дума, 1846 – 1918. С. 11 – 16.

¹⁰ Советская историческая энциклопедия. В 16 т. Т. 8. М., 1965. Стб. 303.

¹¹ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Научно – педагогические труды/ 5 – е изд., доп./ Под ред. А.Е. Иванова, А.А. Степанского. М., 2008. С. 198.

люди, занимавшие всякие городские должности, были «люди тёмные», по отзыву чиновников – ревизоров – «безответные» люди, ровно ничего не понимавшие в деле, к которому были призваны. Это были люди, по преимуществу безграмотные, зачастую не могшие дать сколько – нибудь толкового ответа «на самые простые вопросы, касавшиеся городского управления», ведать которое было их назначением. Если и проявляли эти «тёмные» выборные люди некоторую энергию, то разве – под руководством того же секретаря – дельца – в деле наживы на счёт избравшего их общества. А секретарь, «иногда ленивый, пьяный, а чаще недобросовестный», сплошь и к ряду не вёл даже и протоколов, хотя бы фиктивных. А протоколы, если их составляли, приходилось составлять именно *фиктивно*, так как «определённого законом полного присутствия думы» (шести-гласной, разумеется), не существовало даже и в Петербурге. ... Канцелярия со своим секретарём делами не торопилась. Сметы и росписи лежали по двадцати лет не представленными губернскому начальству, или, лучше, не составленными вовсе. Не торопилась она и с самим исполнением смет: пять, десять лет не исполняются «дела по управлению» – явление нередкое; дело, лежавшее год, два – явление заурядное, обычное». Так тянулись дела о насущных городских потребностях многие годы¹².

Официально же главным распорядителем всех дел городской шести-гласной думы был городской голова, должность и функциональные обязанности которого были утверждены ещё екатеринской Жалованной грамотой городам 1785 г.

В Саратове городскими головами первой половины XIX в. представители гильдейного купечества, в списке которых видна определённая тенденция к усилению влияния и роли именно первостатейного купечества в выборной городской администрации. Самым первым городским головой г. Саратова, ещё при выборах депутатов в Уложенную комиссию 1766 – 1767 гг., был первостатейный купец Фёдор Калабзаров. Спустя 20 лет, как следствие реализации «Жалованной грамоты городам» 1785 г., на трёхлетний срок стали избираться городские головы, возглавившие шести-гласную думу Саратова. Их список, начавшись неоднократно чередовавшимися купцами только третьей гильдии, (следствие пугачёвского погрома Саратова 1774 г.), к эпохе Великих реформ закономерно оканчивается перво-гильдейными купцами и потомственными почётными гражданами. Городскими головами Саратова со времён Екатерины II были следующие купцы: КАРПОВ Евграф Никитич, купец III гильдии (1787 – 1790, 1793 – 1797, 1799 – 1800); БУРКИН Степан Иванович (1790 – 1793); КАЗАНЦЕВ Никита ?, купец III гильдии (1797 – 1799); ГОРБУНОВ Осип Фёдорович,

¹² Дитятин И.И. Статьи по истории русского права. С. – Петербург: Издание О.Н.Поповой, 1895. С. 42 – 43.

купец III гильдии. (1800 – 1802, 1804 – 1807, 1813 – 1815); КАЛМЫКОВ Михаил ? (1802 – 1804); КРЮКОВ Фёдор Григорьевич (1807 – 1810); ВОЛКОВ (по уличному ПЕСКОВСКИЙ тож) Иван Артёмович, купец I гильдии. (1810 – 1812, 1816 – 1818, 1822 – 1825); ЛИСТОВ Григорий Егорович, купец II гильдии. (1819 – 1822); РОГОЖИН Фрол ?, купец III гильдии (1825 – 1827); ТУЛЯКОВ Никанор Иванович, купец III гильдии. (1828 – 1831); ГУСЕВ Пётр Яковлевич, купец I гильдии. (1831 – 1833); ШАТОВ Пётр Никитич, купец III гильдии. (1833 – 1836); ГОРБУНОВ Никанор Гаврилович, купец I гильдии, коммерции советник, почётный гражданин. (1837 – 1839); ОБРАЗЦОВ Хрисанф Иванович, купец I гильдии, потомственный почётный гражданин. (1840 – 1842); ВАКУРОВ Дмитрий Максимович, купец III гильдии. (1843 – 1844, 1846 – 1848); ТЮЛЬПИН Пётр Фёдорович, купец I гильдии, потомственный почётный гражданин. (1844 – 1845, 1849 – 1851); МАСЛЕННИКОВ Лев Степанович, купец I гильдии, потомственный почётный гражданин. (1852 – 1854, 1854 – 1857); БУРКИН Иван Петрович, купец III гильдии. (1858 – 1860, 1861 – 1863)¹³.

Тенденция законодательного обновления городского общественного управления в столичных бюрократических недрах наблюдается вплоть до введения в действие Положения о городском управлении С. Петербурга 1846 г. В русле этой тенденции интересен законодательный материал по структуре и функциям городского управления г. Саратова, представленный двумя высочайше утверждёнными Положениями 1837 и 1839 гг. Проект «Положения Положение о доходах и расходах г. Саратова от 16 марта 1837 г. (№ 10769) был представлен министром Внутренних дел Д. Н. Блудовым в Департамент экономии и в Общее собрание Государственного Совета. Совет, «положил... ввести его в действие со второй половины 1839 г. в виде опыта, сроком на 2 года» в Саратове. Положение имело 8 разделов, в касавшихся доходной и расходной частей саратовского городского бюджета¹⁴.

Основными *доходами* саратовского городского бюджета являлись сборы с общественных городских имуществ, то есть с пожалованных г. Саратову ещё Петром Великим в 1701 г. обширных земель «всего до 300 тысяч десятин». По другим сведениям - «в окружности на 80 вёрст без меры, что составляло до 200 000 десятин. Но последующими указами государей большая часть этой земли была пожалована дворянам, чиновному люду и казакам, а также заселялась государственными и удельными крестьянами». Таким образом, по отзывам современников, к концу первой

¹³ Духовников Ф.В., Хованский Н.Ф. Саратовская летопись // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Выпуск первый. Саратов, 1893. С. 52 – 79.

¹⁴ ПСЗРИ – 2. Т. XII. 1837. № 10769.

половины XIX в. Саратов имел около 84 000 десятин земли¹⁵. На «огромное количество принадлежащих городу земель» указывал при открытии в 1871 г. городской управы Саратова саратовский губернатор М. Н. Галкин – Враской¹⁶.

Сборы с общественных городских имуществ включали в себя: сборы с выгонных и других городских земель. Выгонные земли, отведённые под огороды, хлебопашество, пастьбу скота, овцеводство и др., отдавались саратовского городского думой в оброчное содержание на условиях постоянной оплаты (§ 1 - 3). Плодовые сады, заведённые на выгонной земле и принадлежавшие разным лицам, облагались в пользу города сбором по 2 рубля с каждой десятины, а если участок был менее 1/8 десятины, то он освобождался от всякого платежа. На городскую думу г. Саратова возлагалась обязанность, по обследованию всех садов, составления о них «подробной табели», которая утверждалась губернатором и представлялась, как и остальные документы по городским сборам, в Министерство Внутренних дел (§ 3).

Сборами в пользу города облагались «земли в займищах и других местах городского выгона...по 50 коп. за десятину» (§ 4). За пользование открытым на городском выгоне родником в доход города изымалось ежегодно 25 рублей (§ 5).

Доход шёл также и с земли, занимаемой «скотобойнями, салотопнями и другими заведениями, смрад и нечистоту производящими». Эти заведения строились «в особых местах вне города на выгонных землях, вниз по течению реки», то есть в районе Дегтярной площади, и приносили в доход городу «по 10 коп. с каждой квадратной сажени занимаемой ими земли» (§ 6). В том же объёме облагались и земли, отведённые под кирпичные заводы (§ 7)¹⁷.

Городская дума ежегодно составляла таксу на сбор денег с городских пустопорожних мест «на городских площадях и других удобных для торга и промысла местах», включая берег Волги «под разные временные строения и заведения – амбары, лабазы, лавки и подвижные лавочки, под палатки и шалаши, лари и столы для продажи мяса, фруктов и прочего, под временную складку товаров, под балаганы и качели, устраиваемые во время Пасхи и других праздников. Эти места облагались акцизом, смотря по положению, от 20 коп. до 2 рублей за каждую квадратную сажень» (§ 8). Делались сборы «с городских, не застроенных по плану города мест, которые

¹⁵ Духовников Ф.В., Хованский Н.Ф. Саратовская летопись. С. 37 - 38; Шомпулёв В. А. Во время реформ императора Александра II. (Записки старого помещика) // Русская старина. 1896. Т. 96. № 10. С. 87.

¹⁶ Саратовские губернские ведомости. 1871. апрель; Памятная книжка Саратовской губернии на 1872 г. Саратов, 1871. С. 87.

¹⁷ ПСЗРИ – 2. Т. XII. 1837. № 10769.

отдавались желающим под постройку домов и других зданий с публичных торгов». За эти пустопорожние места следовало вносить деньги в размере 5 рублей прямо в городскую думу, а взамен плательщику выдавалась квитанция, которую он предъявлял Комитету о устройстве Саратова. Обыватель мог ознакомиться и с образцовыми планами и фасадами для предполагаемого им строительства.

Законом предусматривалась сдача в оброк разных городских угодий, составлявших городскую собственность. Это были: «места для добычи глины, рыбные ловли, дома, лавки, торговые бани, перевозки и переправы, колодцы, водопой и проруби, платомойни, ледокольные и прочее, на что Дума также составляла таксы» (§ 11).

Подробно рассматривалась (§ 12 - 13) сдача на откуп с публичных торгов городских общественных весов и мер. Весы и меры (гири), предназначенные «для употребления по собственному торгу или промыслу, клеймились в думе, причём на каждую меру веса была своя такса.

Любопытно, что не был забыт даже такой экзотический для Саратова продукт, как «добываемый на городской плантации шёлк», который городская дума могла «продавать выгоднейшим образом с утверждения начальника губернии» (§ 15).

Доходами городской думы являлись и сборы с частных обывательских имуществ, которые включали «все обывательские дома, лавки в оных, в частных дворах и рынках, торговые бани, сады, огороды, мельницы, пивоварни и медоварни, заводы, фабрики, кузницы и другие разных наименований заведения, а равно пустопорожние места, в черте города находящиеся» (§ 17).

Для проведения оценки этих объектов недвижимости по распоряжению губернатора составлялись особые *частные комиссии*, действовавшие в полицейских частях города, в соответствии с его территориально – административным делением. Руководил комиссиями полицмейстер, в них входили частные приставы, городской архитектор, землемер и присяжные. Комиссии составлялись «из лиц каждого в городе сословия». Проведённая комиссией оценка имущества передавалась в городскую думу, которая составляла особую *табель*, утверждавшуюся губернатором, и пересылавшуюся в МВД. С этой таблицы и осуществлялся сбор с городской недвижимости в пользу города. Оценочная табель печаталась «достаточным числом экземпляров и по умеренной цене продавалась всем желающим». Оценочный сбор, установленный по таблице, вносился в городскую думу дважды в год – к 1 мая и к 1 ноября, причём «вносители» получали печатную квитанцию (§ 20 - 21). В случае же годового неплатежа или непогашенной недоимки, то тогда дом, лавка или другая недвижимость «неисправного владельца», по составлению описи «бралась в присмотр» и доходы собирались думой «через гласных и других лиц по избранию» (§ 31).

Городской думой проводились сборы и с трактирных заведений. Трактиры отдавались на содержание с торгов по контрактам, заключавшимся в думе на 4 года. Гостиницы, рестораны, кофейные дома и харчевни в черте города отдавались на содержание на год по выдававшимся думой свидетельствам, с платежом акциза, утверждённого губернским начальством. Акцизы с трактирных заведений дума должна была непременно собирать вперёд за весь год, выдавая плательщикам печатные квитанции (§ 36 - 40).

Определённую статью дохода городской думы Саратова составляли сборы с записей в городскую обывательскую книгу, куда городские обыватели должны были обязательно записываться, оповещённые думой через полицию. При явке обыватели должны были платить единовременный взнос «по торгу, промыслу или ремеслу» в зависимости от своего социального статуса: купцы I гильдии – 100 рублей, II – 50, и III – 25. Мещане и цеховые за каждое семейство платили по 10 рублей. Прочие саратовские обыватели, имевшие недвижимость, платили разные сборы в зависимости от её оценки. Такса была следующей: от 100 до 1 тысячи рублей – платили 5 рублей, от 1 до 5 тысяч – 10 рублей, от % до 10 тысяч – 15 рублей и так далее, прибавляя на каждые 10 тысяч рублей оценочной стоимости недвижимости по 10 рублей сбора, максимум которого не должен был превышать 100 рублей¹⁸.

Проводились также сборы с «заведений промышленности и промыслов». Такими в Саратове первой половины XIX в. были в основном мелкие торговые заведения, «находившихся в жилых тёплых помещениях, а не в гостинных дворах и не в открытых рынках». Сюда относились: ренсковые погреба,¹⁹ магазины или лавки с правом погреба, лавки с панскими или овощными товарами, молочные, полпивные и портерные лавки, кондитерские, модные и другие магазины, постоянные дворы, торговые бани и прочее» (§ 41). Примечательно, что «книжные лавки, по уважению пользы, приносимой ими жителям города, освобождались от всякого акциза» (§ 52).

Сборы с «торгующих и промышленников», и в первую очередь с купцов, записанных по городу в гильдии, поступали в городской доход ежегодно в размере $\frac{1}{4}$ % с объявленных ими гильдейных капиталов. Торгующие крестьяне платили в пользу города акциз по 10% с цены торгового свидетельства (§ 54, 57)».

Товары, принадлежавшие как местным, так и иногородним купцам, мещанам и крестьянам, которые они привозили по Волге в Саратов на су-

¹⁸ ПСЗРИ – 2. Т. XII. 1837. № 10769.

¹⁹ Ренсковые погреба – торговые заведения, производившие продажу на вынос русских и иностранных виноградных вин, портера, пива, мёда и крепких напитков в количестве не более трёх вёдер. См.: Беловинский Л. В. Энциклопедический словарь русской жизни и истории. М., 2004. С. 658.

дах и на лодках, а лес в плотах пригоняли к саратовской пристани, оплачивались в пользу города умеренным сбором по таксе: с рыбы – солёной эмбенской разных наименований (белуга, осётр, севрюга, тешка и т.д.) – по 6 коп. с пуда; «с рыбы Сальянской, Астраханской, Федурчанской и прочей Персидской, а равно с солёной стерляди, судака, сухого леща, сазана, пробок, молоко и прочего - по 3 коп с пуда» (§ 60).

Рыбная торговля была одной из главных сторон саратовского предпринимательства, поэтому сборы с неё в пользу города шли круглогодично. С привозимых сухопутно в зимнее время свежерыбных товаров за выгрузку полагался определённый сбор: с осетра, белуги, севрюги, стерляди – по 10 коп. с пуда, с частиковой рыбы (сом, судак, сазан, лещ и проч.) – по 3 копейки, и с икры по 50 копеек за каждый пуд (§ 61).

На этом детально проработанном объёме сборов с различных торговых операций, сборы с фабрично – заводских предприятий представлены очень скупо – в силу зачаточного ещё состояния местной промышленности. Так, с фабрикантов и заводчиков, «буде они местные или иногородние купцы» брался четверть процентный сбор в городской доход. Такой же сбор должны были платить и дворяне – фабриканты и заводчики. Исключение составляли те, кто завели в городах фабрики и заводы до указа от 4 июля 1826 г. и платили в пользу города от 50 до 100 рублей с фабрики или завода (§ 64).

Не обойдены были достаточно высоким городским сбором и «заведения, имеющие предметом народные увеселения», поэтому «с эквилибристов и штукмейстеров (фокусников – А. Е.), дающих в городе Саратове публичные представления», полагалось «взимать от 5 до 10 рублей за каждый день». А если им будет представлено для представлений принадлежащее городу здание, «то полагать особый сбор по утверждению начальника губернии» (§ 76)²⁰.

Положение от 16 марта 1839 г. (№ 12128) вводило и правила взимания городских сборов, которые должны были поступать в городскую думу «своевременно и бездоимочно». Для этого все составленные думой таксы, в которых «означается ясно и подробно каждый предмет и количество определённого ко взысканию сбора и акциза», печатались типографским способом для «выставления их на приличных местах». Сама же городская дума должна была составлять «окладные книги и подробные списки по всем статьям и городским имуществам» (§ 92 – 96)²¹.

Все без исключения сборы в пользу города устанавливались правительством законодательным или административным путём. Городские думы дореформенной России не имели права по собственной инициативе об-

²⁰ ПСЗРИ – 2. Т. XII. 1837. № 10769.

²¹ ПСЗРИ – 2. Т. XIУ. Отделение первое. 1839. № 12128.

лагать городских обывателей какими либо сборами. Ни городские учреждения, ни городское общество не могло назначить или отменить какие – либо сборы в пользу города – они были совершенно отстранены от всякого участия в обложении городских обывателей. Поэтому вся деятельность городских учреждений ограничивалась лишь собиранием этих сборов²².

В этом городское управление опиралась на городскую полицию. Именно она «по отношениям Думы побуждает неисправных плательщиков городских сборов всеми зависящими от неё мерами, и все законные требования Думы исполняет без всякого замедления и упущений» (§ 97).

Функции надзора за деятельностью Саратовской городской думы законодательно отводились губернатору: «Начальник губернии, подкрепляя в полной мере все законные требования и распоряжения Думы по предмету поступления городских доходов, обращает преимущественное внимание на точное исполнение установленных в сем Положении правил и взыскивает за всякое отступление от оных и за всякую медленность» (§ 98)²³.

Для истории местной администрации дореформенной России было характерно усиление власти губернаторов, рост их влияния на местные органы всех ведомств (осуществляемые иногда в форме так называемого надзора губернатора за учреждениями самых различных ведомств) и постепенное падение самостоятельности губернских правлений. Все эти процессы были закреплены в 1837 г. в «Наказе губернаторам», провозгласившем губернатора «начальником или хозяином губернии» и «Положении о порядке и производстве дел в губернских правлениях». Но эти законоположения в сущности только узаконили установившийся временем очень несовершенный порядок вещей²⁴.

Статьи следующего Положения 1839 г. (№ 12128) формировали доходную часть собираемого городского бюджета города Саратова, но здесь же рядом статей предусматривалась и *расходная* его часть, общая направленность которой была, как увидим, весьма далека от материального обеспечения городских «польз и нужд». Это не удивительно, так как законодательство не давало думами возможности самостоятельно и распоряжаться городской казной, то есть расходной частью городского бюджета.

В городской бюджет не входила оплата работы городского головы и членов шестигласной думы, они за свою общественную службу городу никакого жалования не получали. «Положено жалование» было лишь канцелярским должностным лицам, числившимся на государственной службе, а также бургомистрам и ратманам. При Николае I городские головы и члены

²² Дитятин И. И. Городское самоуправление в России. Т. 1. Ярославль, 1877. С. 198 – 200.

²³ ПСЗРИ – 2. Т. XIV. Отделение первое. 1839. № 12128.

²⁴ Блинов И. И. Губернаторы. Историко – юридический очерк. СПб., 1905. С. 159 – 160.

шестигласной думы также, как правило, не получали жалования за свою общественную службу, которая была для гильдейного купечества своего рода повинностью.

По законодательству город также обязан был содержать за свой счёт полицию как учреждение, «со всеми принадлежавшими к ней частностями», то есть помещение для полиции и всех её должностных лиц. Отдел III указанного Положения 1839 г. был посвящён «содержанию мест городского управления и разных лиц на счёт доходов города» и предусматривал в первую очередь расход городских средств на «содержание полиции с пожарной частью, а также обмундирование нижних полицейских и пожарных служителей и выдачу им провианта по особым табелям» (§ 109).

За счёт городских сборов производилось: - лечение полицейских и пожарных служителей в больницах (§ 110); содержание пожарных лошадей и ремонт инструментов (§ 111); содержание канцелярии: городской думы, городского магистрата, сиротского суда и особого комитета об устройстве города Саратова, производившиеся по штатному расписанию (§ 112)²⁵.

К обязательным относились расходы на содержание канцелярий шестигласных дум, магистратов, различных временных комиссий и комитетов во всех городах России, в том числе и в Саратове. Поэтому за счёт города содержались канцелярии особых комиссий: - для продажи городских земель, - для разбора обывательских дворовых мест, - для раздачи в оброк городских земель, - для составления городской обывательской книги, для разбора дворовых обывательских мест (§ 113).

Комитет об устройстве города Саратова имел «присутствие и канцелярию в одном из городских зданий, получая отопление по распоряжению думы»²⁶.

Как показывает И. И. Дитятин, город также должен был нести и обременительные для него общегосударственные расходы, самые тяжёлые для городского бюджета. Ими были: квартирная воинская повинность или содержание и устройство казарм. Квартирная или постоянная повинность, раскладывавшаяся на всех городских обывателей, была необычайно тяжёлой для горожан. Казармы обычно устраивались в губернских городах, так же было и в Саратове, где в середине 50-х гг. XIX в. были построены казармы, давшие название улицы Казарменной (ныне – Университетская). При этом на городе лежала обязанность эти здания ремонтировать, отапливать, освещать. Но дело не ограничивалось одними казарменными зда-

²⁵ ПСЗРИ – 2. Т. XIУ. Отделение первое. 1839. № 12128; Дитятин И. И. Городское самоуправление в России. Т. 1. С. 205 – 211; Ерошкин Н. П. Указ. соч. С. 193.

²⁶ ПСЗРИ – 2. Т. XII. 1837. № 10769; Т. XIУ. Отделение первое. № 12128.

ниями. За счёт города содержались всякого рода караульни, будки, кордегардии и т. т.

Что касается тюрем и острогов, то эти здания строились за счёт Государственного казначейства и губернских повинностей. На город возлагалось лишь содержание при них смотрителей, отопление и освещение тюремных помещений. Так, в Саратове за счёт городских средств также выплачивалось жалование чиновникам и содержались служители при «тюремном замке», располагавшемся по Астраханской улице между Московской и Цыганской (§ 114).

За счёт города содержался также дом губернатора и штат его obsługi, включая сторожа.

За счёт города выплачивалось жалование множеству городских служащих: городскому архитектору, пробирному мастеру, оспопрививателям, часовому мастеру за поверку городских часов (на Троицком соборе), трубочистам, смотрителю на вновь отведённом против Спасо – Преображенского монастыря Пичугинском (Воскресенском) кладбище, караульщикам городских зданий, «водоёмных и платёмойных плотов» и т. д.

Из городских же доходов производился наём домов «мест городского управления, включая городскую думу, магистрат, сиротский суд, комитет об устройстве Саратова и других». Из городских же доходов «равномерно производится и содержание городской шёлковой плантации и жалование мастеру при оной с учениками»²⁷.

Кроме того, за счёт городских доходов производились: - «наём домов для помещения воинских чинов и заведений (§ 117), отопление и освещение: зданий городской полиции, городских полицейских частей, застав и полицейских будок, тюремного замка, воинских помещений, освещение фонарей по улицам и площадям. Из городских сборов оплачивалось также «иллюминирование общественных зданий в праздничные дни», на что составлялись специальные табели»²⁸.

Как отмечает Н. П. Ерошкин, «на дело «благоустройства» города из городских доходов отпускались ничтожные суммы»²⁹. Это положение подтверждают скудные статьи предпоследнего VII отдела документа – «Ремонтные издержки вообще по устройству города и поддержанию городских домов и зданий», невольно заставляющий сравнивать историческое прошлое Саратова с его далеко не лучшим настоящим. В 1839 г. «предметами ремонтных издержек» Саратова являлись: «1) устройство балаганов

²⁷ ПСЗРИ – 2. Т. XIУ. Отделение первое. 1839. № 12128; *Дитятин И. И.* Городское самоуправление в России. Т. 1. С. 213, 215.

²⁸ ПСЗРИ – 2. Т. XIУ. Отделение первое. 1839. № 12128.

²⁹ *Ерошкин Н. П.* Указ. соч. С. 198.

для сохранения в зимнее время гардкоутов³⁰; 2) новое устройство и поддержание мостовых по улицам и площадям города и въездов с реки; 3) содержание в городских дачах дорог, мостов, частей, верстовых и пирамидных столбов; 4) исправление ветхостей в домах полиции и частей города, будок, гауптвахт, шлагбаумов и проч.; 5) содержание устроенных по городу колодезей и чанов для пожарных случаев; 6) поддержание водоёмных и плательмойных плотов и очистка в зимнее время прорубей; 7) содержание бульвара; 7) очистка городских площадей и вообще нечистоты в городских и полицейских зданиях»³¹.

В последнем, восьмом отделе Положения 1839 г. были предусмотрены «различные мелочные расходы на потребности по городским и воинским заведениям и издержки на непредвиденные предметы». К ним относились: «1) постройка тулупов и кенег³² для караульных при городских заведениях; 2) устройство Иордани; 3) набивка погребов (льдом – А. Е.) в домах полиции и частей города; 4) исправление весов и мер; 5) заготовление жестяных билетов для разных промышленников и извозчиков и печатание квитанций по разным сборам; 6) печатание оценочных табелей и заготовление жестяных досок для вывески на домах; 7) непредвиденные расходы.

Городской бюджет составлялся и расходовался в соответствии со *сметой*, которая была ежегодной. Эту смету составляла шестигласная городская Дума по установленной правительственной форме. Затем смета «шла на утверждение к Начальнику губернии» (губернатору), который в присутствии губернского правления «тщательно рассматривал, во всех ли она частях правильна и составлена на законном основании». Если смета соответствовала всем условиям, то «список» с неё отправлялся в Министерство внутренних дел. Если же в смете находилось что – либо «обременительное для жителей», то она возвращалась снова в думу на доработку. Иногда губернатору для рассмотрения сметы давалось право «нарядить особую комиссию» по собственному избранию, как это было в Саратове. Но если смета прошла все положенные инстанции, то городские учреждения должны были исполнять её буквально, без малейших отступлений.

В предварительном составлении смет принимали участие комитеты для уравнивания городских повинностей, учреждённые ещё при Александр

³⁰ Гардкоут, гардкот – небольшое парусно – гребное судно с малокалиберной пушкой на носу, для охраны побережья от контрабандистов и разбойников; в XVIII - XIX вв гардкоуты на Волге сопровождали караваны речных судов. См.: *Беловицкий Л. В.* Указ. соч. С. 132.

³¹ ПСЗРИ – 2. Т. XIУ. Отделение первое. 1839. № 12128.

³² Кенги – тёплая обувь, вяленая, меховая или кожаная, но без голенищ. См. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Репринт 1881. В 4 т. Т. 2. М., 1989. С. 105.

ре I и продолжавшие существовать при Николае I. Таким комитетам поручались и другие функции, например – строительная, пожарная отрасли городского управления. Впоследствии появились и другие комитеты, например, строительный, который был в Саратове, а суммы, предназначавшиеся на ремонтные работы по городу Саратову согласно ежегодным сметам Думы, отпускались в распоряжение Комитета об устройстве города или этого Строительного Комитета (§ 130)³³.

Этот *строительный комитет* был учреждён по «Высочайше утверждённому Положению об устройстве губернского города Саратова» от 4 декабря 1837 г. (№ 10769). Комитет состоял из 7 человек под председательством гражданского губернатора, а его членами были губернский предводитель дворянства, начальник работ – инженерный штаб или обер – офицер корпуса путей сообщения, полицмейстер, городской архитектор, городской голова и два депутата от купцов по избранию общества. В отличие от губернских и городских органов управления, входивших в структуру Министерства внутренних дел, строительный комитет «состоял под непосредственным начальством Департамента военных поселений военного комитета».

Строительный комитет имел «в своём заведывании все городские общественные здания и строения, не исключая и принадлежавших Приказу общественного призрения». Комитет должен был «заботиться: а) чтобы здания, наблюдению Комитета принадлежащие, возведены были прочно и правильно и служили к украшению города; б) чтобы дома, дворы, заборы, мосты, взвозы от реки Волги, мостовые на улицах и площадях, каналы, бассейны, колодцы, водопроводы, бульвары и народные места содержимы были во всегдашней исправности».

Без ведома комитета никакое частное, казённое, или общественное строение не могло быть возведено вновь, как не могло быть и поправлено старое. Для присмотра за состоянием общественных зданий «по выбору граждан» в распоряжение строительного комитета были определены два комиссара без жалования, служба которых приравнивалась к гласным думы³⁴.

Законодательно утверждённая управленческая централизация достигала абсурда – самый пустяковый расход, какая – нибудь копеечная починка могли производиться только с разрешения губернатора или губернского правления: «постройка новых деревянных обывательских строений и перемена фасадов в старых незначительных строениях, не иначе производится, как по Высочайше одобренным чертежам, с утверждения Начальника Губернии. Планы новым каменным или деревянным, но с каменным фун-

³³ ПСЗРИ – 2. Т. XIУ. Отделение первое. 1839. № 12128.

³⁴ ПСЗРИ - 2. Т. XII. 1837. № 10769; *Дитятин И. И.* Городское самоуправление в России. Т. 1. С. 224 – 229.

даментом частным строениям, а также и о перемене в старых значительных строениях, Комитет представляет Начальнику Губернии для испрошения через Департамент Военных Поселений Высочайшего утверждения». Комитет ни в коем случае не должен был позволять обывателям «починять ветхие строения, не по утверждённым планам построенные»³⁵.

Рабочая сила Строительного Комитета формировалась из арестантов гражданского ведомства по особому о гражданской роте положению. Однако для возведения частных построек могли привлекаться и «казённые рабочие гражданского ведомства», которым начислялась ежедневная сдельная плата из расчета по 14 копеек на человека. Но эта плата на руки рабочим не выдавалась, а «обращалась в их артель на улучшение пищи».

Была ли большая польза от этого комитета – по законодательству трудно судить, но некоторые из его обязанностей заслуживают внимания. Так комитет должен был внимательно наблюдать, чтобы возводимые вновь обывательские дома были «красивы, прочны и украшения их не многосложны». При ремонте домов комитет должен был стараться «исправить и фасад оному, дабы дать лучший вид».

Комитет об устройстве города Саратова или строительный комитет, как и любое государственное учреждение, имел определённую бюрократическую структуру в соответствии с утверждённым штатным расписанием. В одном из городских зданий комитет имел «присутствие и канцелярию, получая отопление по распоряжениям Саратовской Городской Думы». Начальник работ получал жалованье по 2500 рублей в год, а городской архитектор сверх штатного жалования получал ещё столовых по 1000 рублей в год. Хотя и указывалось, что «Комитет составляет журналы о предметах и имеет самый краткий письменный обряд», для ведения документации – «дел» и бухгалтерского учёта собственно по комитету и материальному магазину при нём полагались письмоводитель и бухгалтер (он же казначей) с жалованьем по 1 тысяче рублей в год. В канцелярию комитета для переписки бумаг полагалось 4 канцелярских служителя, которым было положено «жалование и на паёк с обмундированием по 400 рублей в год». По штату комитету полагалось иметь также двух сторожей с жалованьем каждому по 120 рублей в год. На канцелярские и чертёжные принадлежности комитету отпускалось в год по 500 рублей, а общая сумма ежегодного содержания комитета и его чинов составляла 7840 рублей. Она также «удовлетворялась из городских доходов г. Саратова»³⁶.

Но всё это были, так сказать, побочные дела городского управления, мало способствовавшие улучшению жизни и быта горожан. Что же касается городского благоустройства в первой половине XIX в., то здесь, по мне-

³⁵ ПСЗРИ - 2. Т. XII. 1837. № 10769.

³⁶ ПСЗРИ - 2. Т. XII. 1837. № 10769.

нию И. И. Дитятин, городские думы «не ведали почти ничего, если вовсе ничего». Они ведали разве что освещением улиц, да их очисткой. Одним словом, - заключает Дитятин, городская дума первой половины XIX века по характеру занятий обратилась в простую канцелярию и какого – то канцеляря, так как все функции по городскому управлению у неё были постепенно отобраны, по мере учреждения разного рода комитетов.

В то же время всё больший вес в области административного надзора, финансового контроля и едва ли не руководства самим городским управлением стала приобретать должность и личность «начальника губернии» - губернатора и его аппарата власти – губернского правления. Вообще на губернаторе, как представителе органа высшего правительственного надзора, лежала одна из главнейших (в глазах законодателя) функций - «благоустройство внутреннего управления в городах».

Таким образом, городская шестигласная дума подлежала как надзору исключительно государственных органов, так же отчётностью и ответственностью она была обязана только перед ними. Государство не признавало за самим городским обществом в лице его фактически угасшего представительного учреждения - общей думы - никакого права контроля за таким же общественным органом – городской шестигласной думой. Всякая физическая и нравственная связь шестигласной думы с избравшим её городским обществом совершенно прерывалась. Таким образом, городское общество «теряло всякую возможность просто блюсти и охранять свои собственные интересы»³⁷.

И. И. Дитятин приходит к выводу, что, будучи совершенно фиктивными по своему значению, городские учреждения дореформенной России так и не стали представителями и выразителями общественных городских интересов. Оно должны были неминуемо обратиться в простые канцелярии, которые только что и делали, что «писали, писали, писали». Служащие в этих своеобразных канцеляриях обратились в совершенных чиновников, облечённых правительством в чиновничьи мундиры и чины. Причём, по окончании положенного трёхлетнего срока службы, служившим по выбору и вышедшим в отставку разрешалось носить мундир. Губернатор имел право награждать городских голов особым званием «степенного». Городское общество имело право выдавать «похвальные листы» городским головам и гласным, которые «справедливостью и добропорядочными поступками по окончании их службы заслужат одобрение». Получивший такой лист получал право на почётное место в общественных собраниях³⁸. Показателем необходимости улучшения работы всех, а не только столичных, органов городского управления, являлись сами города с их матери-

³⁷ Дитятин И. И. Указ. соч. С. 229 – 235.

³⁸ Там же. С. 240.

альными ресурсами, торгово – хозяйственной активностью и растущим социальным составом. В середине XIX в. из 42 губернских городов европейской России абсолютное большинство имело деревянные строения, и только в трёх – Каменец–Подольске, Одессе и Вильно – преобладали каменные. В других городах соотношение каменных и деревянных строений было следующим: С. - Петербург: 1:2; Москва – 1:2,5; Саратов 1:8, а в Самаре из 764 построек только 1 была каменной. Однако, несмотря на подавляющую архаичность и примитивность традиционной застройки, число городских строений быстро росло. В Саратове деревянные постройки росли быстрее каменных, подчёркивая этим общую тенденцию преобладания деревянного строительства³⁹.

Таким образом, в череде законодательных установлений, приведших к реформированию С. Петербургского (1846), Московского (1862), Одесского (1863) городских общественных управлений, свое определённое место занимал и город Саратов, удостоившийся, законодательного внимания со стороны правительства императора Николая I. Пожалуй, такое внимание к Саратову, быстро прираставшему населением, следует рассматривать также в качестве «некоторого опыта оживления городского самоуправления в Николаевскую эпоху»⁴⁰.

В то же время, приведённые материалы доходной и расходной частей городского бюджета отражают стремление правительства довести до возможного максимума сбор доходов с города, идущих, как правило, не на удовлетворение городских «польз и нужд». Примеры мелочной регламентации (частное городское строительство) отражают сковывающее влияние коронных бюрократических структур над выборным городским управлением, которое само становится не более чем канцелярий по некоторым городским делам.

В целом же, пример Саратова, показывает, что присущая столичным центрам динамика изменений в городской социально – экономической структуре постепенно начинает касаться и городов «средней руки», чьё развитие в середине XIX века всё более настойчиво приводило к необходимости законодательного реформирования городской жизни на началах реального самоуправления в общероссийских пределах.

³⁹ Дитятин И. И. Указ. соч. С. 316 – 321.

⁴⁰ Кизеветтер А. А. Указ. соч. С. 458.

СОСТАВ И ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ САРАТОВА В 1736 ГОДУ

В сообщении речь пойдет об источнике, связанном с так называемым «чертежом Трумпичких». Этот интересный памятник старинной русской картографии уже введен в научный оборот и неоднократно воспроизводился и анализировался¹. Напомню, что целью составления чертежа было подтверждение владельческих прав городских жителей на земли, пожалованные Саратову грамотой Петра I, а также доказательство их хозяйственного освоения. В 1736 году возникла опасность отчуждения части городских земель в районе Увекского городища «во все четыре стороны по десяти верст» для строительства артиллерийским ведомством селитренных заводов и отведения для их нужд сенных покосов. В РГАДА сохранился не только «чертеж», но и сопровождавшая его опись сенных покосов и пашенных земель «саратовских грацких всяких чинов людей» на пяти листах, включающая имена 184 владельцев². Именно эта опись, позволяющая судить о составе и занятиях населения Саратова в 1736 году, будет предметом моей заметки. Этот документ не был известен крупнейшим знатокам истории Саратова XVIII века А.А. Гераклитову и Е.Н. Кушевой. Однако именно их труды помогают извлечь максимум информации из рассматриваемой описи.

183 саратовских жителя (одним из владельцев назван саратовский Четырехсвятский монастырь) составляли чуть менее 5 % мужского населения города, которое насчитывало тогда около 4000 человек. Отмеченный на «чертеже» участок берегов Волги и её маленьких притоков составлял примерно 42 тысячи десятин – это (опять же приблизительно!) 14 % от городских земельных богатств, которые составляли более 300 тысяч десятин

¹ См.: Саратовское озеро. Мифопоэтический атлас. Саратов, 2007. С. 38–39; Браташова С. А., Максимов Е. К. Чертеж Трумпичковых Саратовской округи и её топография // Саратовский краеведческий сборник. Вып. 4. С. 182–200; Мезин С. А. Новые материалы по истории Саратова середины XVIII века // Музей в региональном пространстве: презентация исторического наследия, культурная и общественная миссия: Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию Саратовского областного музея краеведения. Саратов, 2011. С. 247–255.

² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА), ф. 248 (Сенат), оп. 8, кн. 461, № 42, л. 993–998.

земли. Сенные покосы и пашни с хуторами и зимовьями, конечно, имелись и на других участках городских земель – по берегам рек Чардым, Курдюм, Латрык, по обеим сторонам Волги. Однако означенный увекский участок в силу его близости к Волге и к городу представлял особый интерес для городских жителей.

Характер хозяйственного использования этих земель саратовцами вполне ясен из описи и соответствует тем сведениям о торгово-промышленной деятельности жителей саратовского посада, которые привела в своих работах Е. Н. Кушева³.

На левой луговой стороне Волги, на Застенном острове, а также в займище под горой Увек и ближе к городу «в пойменных местах» на речке Дресвянке имелись исключительно сенные покосы. Выше «в поле» на нагорной стороне по берегам речек 1-я и 2-я Хмелевка, 1-я, 2-я, и 3-я Увековка, а также по берегам оврагов-«буяраков» располагались многочисленные дворы, зимовья (помещения для зимовки людей и скота) и «скоцкие дворы» саратовских жителей. Еще ближе к городу находились выгоны для скота.

Обилие сенных покосов и упоминаний о скоте ещё раз свидетельствует о большой роли товарного скотоводства в экономике Саратова первой половины XVIII века. Как сообщали саратовские купцы, «из них <...> многие издревле обькли в калмыцкой орде производить торг и для того из Саратова ездют в отдаленные чрез степные места калмыцкие улусы, покупая у них на деньги и выменивая на свои товары калмыцкий их скот рогатой и коней, и пригоняют большими табунами, которой содержат в своих скоцких дворах (или зимовьях) и табунами в лугах пасуца <...> а когда то требует на армию е. и. в., то чрез продажу саратовское купечество довольствует теми табунами, яко крепкими и способными, драгунские полки, из чего <...> в торгу своем имеют распространение и авантаж получают»⁴. Сено также выступало в роли ходового товара, ибо зимой в Саратов прибывало огромное количество подвод с товарами, а саратовские постоянные дворы современники сравнивали по многолюдству со столичными. Судя по документу, обширными сенными покосами владели главным образом представители городской верхушки. «Скоцкие дворы» отмечены лишь у монастыря, священников, дворян, купцов и у подканцеляриста саратовской ратуши. Пашенные же земли принадлежали разных чинов людям – от дворян до бобылей и вдов.

³ Кушева Е. Н. Саратов в третьей четверти XVIII века. Саратов, 1928; *Она же*. Саратов в первой половине XVIII в. // Проблемы социально-экономической истории России. Сб. статей. М., 1971. С. 26–51.

⁴ Цит. по: Кушева Е. Н. Саратов в третьей четверти XVIII века. С. 25.

Городское земледелие играло в ту пору подсобную роль. «А хлеб саратовские жители сеют для пропитания по малому числу...»⁵, – отмечалось в описании Саратова 1728 года. У посадских людей (купцов) Дмитрия Колокольникова, Максима Серебрякова, Алексея Большого Москвитина, Андрея Украинцева, а также у Четырехсвятского монастыря на речках Хмелевке и Увековках имелись водяные колесные мельницы (две из них изображены на «чертеже»). Лишь один раз опись специально упоминает «двор и огород с овощами», принадлежавший отставному казаку Тихону Наркину. По-видимому, огородные и бахчевые культуры саратовцы выращивали в основном на городских и близлежащих к городу огородах.

Среди владельцев земель, примыкающих к Увеку, фигурируют 9 представителей дворянских фамилий. Дворянское население Саратова было немногочисленным и к концу петровского времени насчитывало 128 человек м.п. Дворяне были в подавляющем большинстве беспоместные. Одним из исключений была богатая и известная в саратовской истории семья Шахматовых⁶, представитель которых майор Алексей Тихонович Шахматов владел земельной «дачей» на реке Хмелевке к юго-западу от Увека. Здесь, в «лугах», у Шахматовых было своё зимовье, позже ставшее их деревней Хмелевкой. Вдобавок земля сдавалась ими саратовским разным чинов людям под дворы и пашни. У Шахматова были сенные покосы и непосредственно под горой Увек на берегу Волги. Большим участком сенных покосов на левой стороне Волги против Увека владел дворянин Родион Матвеевич Рокотов. Ближе к городу на правой стороне Волги у него был «скоцкий двор» и пашня в «ключинских провалах». Возможно, от имени этого владельца происходит современное название Рокотовского оврага. К дворянским участкам можно отнести покосы Кузьмы Болотина, Григория Ивановича Попова, дворы и пашни отставных дворян Елистрата Ушакова, Григория Телегина, Семена Навашина, а также сына отставного прапорщика Василия Гуляева. Все они, по-видимому, происходили из среды небогатых саратовских служилых людей. Более состоятельным был секретарь Иностранной коллегии Василий Михайлович Бакулин, который, владея четырьмя дворами и пашенной землей, явно пользовался трудом дворовых или крепостных крестьян. Как известно, саратовские воеводы подчинялись не только губернатору, но и Коллегии иностранных дел, ибо ведали отношениями с калмыками. Это обусловило наличие в Саратове коллежских чиновников, которые, бывая в калмыцких улусах, не забывали

⁵ Малеванов Н. Неизвестные описания Саратова и Петровска // Коммунист (Саратов). 1960. 27 ноября.

⁶ См.: Кушева Е. Н. Хозяйство саратовских дворян Шахматовых в XVIII веке // Известия АН СССР. Отд. гуманитарных наук. 1929. № 7.

о своём «авантаже». Очевидно, к Коллегии имели отношение и упоминаемые среди саратовских жителей «толмачи».

Саратовское духовенство и церковные служащие были представлены среди владельцев покосов, дворов и пашен восемью именами. Поп саратовской соборной церкви (Троицкого собора) Гаврила Гаврилов имел скотный двор на речке 2-й Хмельёвке. Поп Казанской церкви (находилась в северо-восточном углу современной Музейной площади, недалеко от Кабацких ворот) владел санными покосами под горой Увек и против неё на луговой стороне Волги, где имелись также покосы попа той же церкви Тихона Михайлова. Священник Воздвиженской (Крестовоздвиженского женского монастыря на месте современной гостиницы «Словакия») церкви Василий Антонов также имел покосы на Увек. Загородное хозяйство на речке Увековке было у саратовского Четырехсвятского монастыря (находился за Глубучевым оврагом, на месте современного института усовершенствования учителей): «скоцкой двор и мельница и пашня». Позднейшая более полная опись 1762–1763 годов показывает наличие здесь обширного двора, на котором находились горницы с «хлебней», сенями, чуланами, погреб, кухня, мучной амбар, две конюшни, «изба скотная». На речке стояла баня с сенями и «келья брусяная», а также мельница. Имелись яблоневый сад, гумно с хлебным амбаром и овином. Со временем хозяйство пришло в упадок, и академик И. И. Лепехин, посетивший монастырский «хутор» в 1769 году, нашел в этом «приятном месте», окруженном «изрядными рощами», лишь обветшалое строение⁷. По-видимому, более скромные дворы и пашни имели на Потеминном буераке к югу от Увека дворник Четырехсвятского монастыря Иван Зайцев, сторож Воздвиженской церкви Иван Иванов, сторож Никольской (Рождества Богородицы – находилась на углу современных улиц Московской и Чернышевского) церкви Яков Иевлев. А у сторожа церкви Михаила Архангела (находилась у Московских ворот, на месте современного памятника первой учительнице) на пашне была лишь «землянка». На «чертеже Груншицких» условное изображение города Саратова имеет шесть увенчанных крестами куполов, что примерно соответствует количеству городских церквей. Кроме упомянутых выше монастырей и храмов в городе имела еще деревянная церковь Покрова Богородицы (Введенская) у Царицынских ворот.

Самую большую группу (74 фамилии; некоторые из них повторяются, что затрудняет подсчеты) держателей городских земель составляли посадские люди. Однако под именем «посадских людей» в описи 1736 года значится далеко не все представители тяглого городского население, а лишь его торгово-промысловая верхушка – купечество. Они делили между собой

⁷ *Беликов М. П.* Старый собор и Старый город: История Свято-Троицкого кафедрального собора и города Саратова в свете новых данных. Саратов, 2015. С. 206–207.

большинство богатых пойменных покосов. Многие купцы владели одновременно покосами и (в других местах) дворами и пашнями, имели скотные дворы и мельницы. Их хозяйства обслуживали крепостные из инородцев, беглые люди, бобыли⁸. Конечно, и купечество было неоднородным. В торгово-промышленной деятельности, связанной с торговлей скотом, промышленным скотоводством и хуторным хозяйством заметна ведущая роль первостатейного саратовского купечества. В описи упоминаются (подчас неоднократно) имена богатейших саратовских купцов Бабушкиных, Чернокуниных, Кривопаловых, Серебренниковых, Фофановых, Лемеховых, Москвитиновых, Лежневых, Портновых, Самохваловых, Украинцевых. Из исследования Е. Н. Кушевой известно, что Трумпичковы, Лежневы, Фофановы, Лемеховы (Ламеховы) – потомки саратовских служилых людей – в петровское время перешли из дворян в купечество, что создавало более благоприятные условия для их торгово-предпринимательской деятельности. Они же были самыми активными членами посадской общины. Руководивший составлением «чертежа» и описи Иван Степанович Трумпичков был братом одного из бургомистров Саратова. В 1730-е годы бургомистрами города были упомянутые в описи Афанасий Федорович Фофанов, Алексей Лемехов, Иван Лежнев, Алексей Москвитин⁹. А. Ф. Фофанов, В. Л. Портнов, И. А. Лежнев были строителями второй каменной церкви в Саратове – Рождества Богородицы (Никольской)¹⁰.

Среди владельцев земельных участков значится гораздо меньше фамилий представителей другой части посады – цеховых ремесленников – всего 19. Как заметила Е. Н. Кушева, ремесло не играло большой роли в экономике Саратова первой половины XVIII века. Притом известно, что значительная часть (сотни!) жителей, записавшихся в городские цехи, находились «в саратовском округе в разных хуторах во употреблении хлебопашества»¹¹. Фамилий цеховых ремесленников нет среди владельцев сенных покосов. Немногие из них владели дворами (зимовьями) и пашнями, то есть вели самостоятельное хозяйство. Большинство же, как следует предположить, работало на хуторах своих богатых сограждан.

К низам городского общества принадлежали и бобыли – люди «вышедшие из своего состояния, без определенного положения, очень часто пришлые и одинокие». Среди них было много беглых¹². В Саратове рассматриваемого времени числилось более 300 бобылей м. п., но среди владельцев земельных участков вокруг Увека их названо всего 19. Тем не ме-

⁸ Кушева Е. Н. Саратов в третьей четверти XVIII века. С. 27–28.

⁹ Там же. С. 17, 53.

¹⁰ Беликов М. П. Старый собор и Старый город. С. 192.

¹¹ Кушева Е. Н. Саратов в третьей четверти XVIII века. С. 36.

¹² Там же. С. 15–16; Гераклитов А. А. Саратовские бобыли (по сказкам 1723–1724 гг.) // Уч. зап. Саратовского гос. ун-та. Т. 3, вып. 3. Саратов, 1935. С. 75–87.

нее, бобыли стремились прочно осесть в городе и одновременно тяготели к земледельческой деятельности, что позже выразилось в идентификации саратовских бобылей (в Уложенной комиссии 1767 года) как черносошных крестьян¹³. По-видимому, близки по своему положению к бобылям были люди (4 человека), названные просто «жителями». Среди них один указан как отставной подъячий.

Судя по анализируемому документу, к земледельческой деятельности в Саратове тяготели и представители служилых людей саратовского гарнизона. В описи значатся казаки (1), конные казаки (7), отставные казаки (17), пешие солдаты (2), пахотные солдаты (1), капралы (2), отставные солдаты (7). Названы и такие архаичные категории служилых людей, как пушкари (3) и воротники (1). Эти данные свидетельствуют о процессе перехода служилых военных людей в состав горожан и о происходившем превращении Саратова из города-крепости в город с аграрно-промысловой и торговой экономикой.

Единицами представлены в описи мелкие приказные служащие – саратовской ратуши подканцелярист и саратовской (воеводской?) канцелярии рассыльщик. Единственный дворцовый крестьянин царевны Елизаветы Петровны Петр Романов, по-видимому, принадлежал к торгующим крестьянам, которые во множестве приезжали в Саратов. Владельцами участков оказались и 8 солдатских, казацких и посадских вдов.

Таким образом, рассмотренный мною документ является своеобразным окном, пусть небольшим, в жизненный мир саратовских жителей 30-х годов XVIII века. Опись вместе с «чертежом» даёт почти наглядное представление о специфической торгово-промысловой деятельности «саратовских грацких всяких чинов людей», показывает разную степень вовлеченности в эту деятельность отдельных категорий городских жителей. Документ демонстрирует случайный, а потому достаточно объективный, социальный срез пользователей городскими землями Саратова в первой половине XVIII века. Среди них названы представители всех категорий жителей города: дворяне, духовенство, купечество, цеховые ремесленники, разные категории гарнизонных служилых людей (солдаты, казаки), канцелярские и церковные служащие, бобыли, вдовы. Можно выделить разные способы использования ими земель: от передачи их в аренду (Шахматовыми) и устройства на них товарных хозяйств со скотными дворами и мельницами до ведения скудного индивидуального хозяйства (пашни с землянками) для собственного пропитания.

¹³ Артамонова Л. М. Депутаты и наказы саратовских крестьян в Уложенную комиссию // Краеведческие чтения. Доклады и сообщения IV–VI чтений. Саратов, 1994. С. 158.

Документ позволяет говорить о двух тенденциях в городском землепользовании Саратова. С одной стороны, заметны уравнивательные тенденции. Земли (особенно на первых порах) было много, и она делилась «по препорции» между всеми категориями жителей. Со временем ценность земли возрастала, о чем свидетельствует сама попытка отстоять право горожан на земли, когда возникла опасность её отчуждения под селитренный завод. С другой стороны, опись позволяет утверждать, что наиболее выгодные земли (пойменные покосы) уже находились в руках городской верхушки. Представители городских низов (бобыли и пашенные солдаты) очень скоро почувствовали себя обойденными, на что жаловались впоследствии в Екатерининскую уложенную комиссию¹⁴, а также в воеводскую и губернскую канцелярии¹⁵.

Приложение

1736 году июля в ... день опись об имеющихся против старого татарского городища обышного селитренного места под горою Увеком от Волги реки в гору по все четыре стороны в саратовском округе по десяти верст, чьи имеются дворы и сенные покосы и пашенные земли саратовских грацких всяких чинов людей значит ниже сего.

На левой луговой стороне на низ за Волгою рекою против онаго селитренного места сенные покосы, а именно:

дворян Родиона Матвеева сына Рокотова, Козьмы Болотина;
отставного казака Гаврила Глаткова;

посацких людей Андрея Украинцова, Афонасия Чернокунина,
Ивана Обросимова, Родиона Медведева, Ивана Бабушкина, Прокофея Первова, Сидора Пудовкина;

конных казаков Данилы Бохмотова, Дмитрея Ломовцева,
Афонася Шапошникова;

пешаго салдата Василия Чанова;

отставных казаков Михаила Глаткова, Ивана Плетнева, Афонася Глаткова, Ивана Спирина;

воротника Сидора Бабина.

На Застенном острове сенные покосы:

дворянина Григорья Иванова сына Попова;

¹⁴ Артамонова Л.М. Депутаты и наказы саратовских крестьян в Уложенную комиссию. С. 158.

¹⁵ Кушева Е.Н. Саратов в третьей четверти XVIII века. С. 27.

посацких людей Степана Кожевникова, Василья да Гарасима Серебренниковы;

отставного казака Григорья Поморцева;

конного казака Степана Самохвалова.

На нагорной стороне ниже Волги реки под Увецкою горою в займище сенные покосы:

Саратовские Казанские церкви попа Алексея Власова;

Дворянина Родиона Матвеева сына Рокотова;

отставных казаков Степана Деревнина, Ивана Поморцева;

конных казаков Михаила Зверева, Данилы Малинова;

посацких людей Афонася Фофанова, Якова Шелудякова, Никиты Полуэктова, Ивана Дубровинского, Алексея Лемехова, Алексея Москвитина, Алексея Кривоносова, Степана Бочкарева, Ивана Лежнева, Ивана Бабушкина;

мазора Алексея Тихонова сына Шахматова;

Воздвиженския церкви попа Василья Антонова.

На нагорной стороне на низ от Увецкой горы в поле на Потемном буграке саратовских грацких всяких чинов зимовья и пашни, а именно:

посацких людей Емельяна Лыковского, Михайла Кузнецова, Федора Кирпишника, Ивана Ушакова, Василья Крылова;

цехов Петра Бабушкина, Степана Смирнова, Степана Бажилина;

бобылей Петра Короткова, Ивана Половаго, Дмитрея Шелковникова, Григорья Мукосеева, Ивана Попова;

саратовского Четырехсвяцкого монастыря дворника Ивана Зайцова, Саратовские Воздвиженские церкви сторожа Ивана Иванова, Николаевские церкви сторожа Якова Иевлева.

От Волги реки на первой речке Хмелевке саратовских грацких всяких чинов людей дворы и пашни:

Двор и пашня саратовского цеха Ивана Колесникова;

Зимовье и пашня отставного казака Матвея Малокова;

посацких людей двор и пашня Алексея Ламехова, двор и пашня Ивана Дубровского, двор и пашня Ивана Лежнева, двор и пашня Никиты Полуэктова, двор и пашня Кириллы Сидорова, двор и пашня Харитона Мясичихина, двор и пашня Ивана Мочалина;

отставных казаков двор и пашня Василья Трещихина, двор и пашня Тихона Богаева;

двор и пашня бывшего отставного прапорщика Ивана Гуляева сына ево Василья Гуляева; двор и пашня пушкаря Никиты Дервягина;

бобылей двор и пашня Данилы Лапотникова, двор и пашня Василья Великанова;

двор и пашня цеха Тимофея Гармонова;

двор и пашня бывшего отставного салдата Василья Смирнова Аграфены Ивановой дочери.

На второй речки Хмелевки от Волги реки на верхней стороне саратовских всяких чинов людей имеютца дворы и пашни:

двор и мельница и пашенная земля посацкого человека Дмитрия Колоколникова;

скотской двор саратовские соборные церкви попа Гаврилы Гаврилова;

двор и пашня цеха Степана Борминцова;

двор и пашня казака Федора Чекушина;

двор и огород с овощами отставного казака Тихона Наркина;

двор и пашня бывшего саратовского пешаго салдата Петра Воротилина жены его вдовы Аксиньи Федоровой дочери;

двор и пашня посацкого человека Гаврилы Медведева;

двор и пашня цеха Федора Резакова;

двор и по обе стороны речки пашенная земля саратовского посацкого человека Ивана Прошкина жены его вдовы Дарьи Афонасьевой дочери;

двор и пашня отставного дворянина Елистрата Ушакова.

А по нижнюю сторону речки Хмелевки на низ по Волге реке в даче мазора Алексея Тихонова Шахматова в Саратовском же округе. На той даче на нижней стороне в вершинах дворы и пашни саратовских разных чинов людей:

посацких людей Якова Тарасова, Степана Буркина;

бобылей Артемья Забегая, Ильи Боландина, Мосея Попова, Андрея Сидиева;

скотской двор саратовской ратуши подканцеляриста Ивана Неженцова.

На луговой стороне вверх к городу Саратову за Волгою рекою против одного селитренного места сенные покосы саратовских всяких чинов людей:

посацких людей Емельяна Лыкова, Федора Кривопалова, Степана Ромашина, Григорья Грачева, Василья Кожевникова, Алексея Рокотова, Петра Лемехова;

пушкаря Матвея Бредучева;

дворянина Родиона Рокотова;

отставных казаков Максима Неженцова, Алексея Агапова, Дмитрия Чечулина;

Казанский церкви попа Алексея Власова, то же церкви попа Тихона Михайлова;

конного казака Данилы Малинова;
отставного казака Григорья Богомолова;
посацкого человека Василья Портнова;

На нагорной стороне вверх от Увецкой горы селитренного места на первой речке Увековке саратовских грацких всяких чинов людей дворы и пашни, от вершины к Волге реке:

двор и пашня бобыля Степана Драндина, двор и пашня бобыля Ивана Юлова;

зимовье и пашня цеха Григорья Барнина; зимовье и пашня цеха Василья Смирнова;

посацких людей скопкой двор и мельница и пашня саратовского посацкого человека Максима Серебрякова; скотские дворы и пашни Алексея, да Афонася, да Алексея Москвитиных, да Алексея Большаго Москвитина мельница; двор и пашня Максима Челюскина, двор и пашня Василья Маркова, двор и пашня Афонася Фофанова;

двор и пашня жителя Алексея Ваганова;

двор и пашня отставного дворянина Григорья Телегина;

скопкой двор и мельница и пашня саратовского Четверосвяцкого монастыря.

В отроге саратовского бывшего казака Михаила Травина жены его вдовы Акулины Ефремовой дочери землянка и пашни;

церкви Михаила Архангела сторожа Ивана Григорьева землянка и пашенная земля.

На второй речке Увековке от Волги реки вверх дворы и пашни посацких людей:

двор и пашня Ивана Смирнова, двор и пашня Ивана Урозова, двор и пашня Ивана Смирнова (sic!), двор и пашня Лариона Ушакова, двор и пашня Федора Петелина;

отставных солдат: двор и пашня Григорья Кузнецова, двор и пашня Василья Неханева, двор и пашня Дмитрея Пошадскова, двор и пашня Григорья Потапова, двор и пашня Ивана Тенева;

цеховых: двор и пашня Алексея Колесникова, двор и пашня Семена Дружинина, двор и пашня саратовского жителя Зота Алферова;

бобыльские: двор и пашня Гура Авдеева, двор и пашня Кузьмы Комарова, двор и пашня Григорья Пивоварова;

двор и пашня полевой артиллерии отставного капрала Савы Романова;

четыре двора и пашенная земля иностранной коллегии секретаря Василья Михайлова сына Бакулина;

скоцкой двор и пашня церкви Михаила Архангела попа Афонася Иванова.

На третьей речке Увековке от Волги реки вверх дворы и пашни:

двор и пашня Конона Елистратова, двор и пашня Филиппа Портнова, двор и пашня Ивана Рубцова, двор и пашня Леонтия Пономарева, двор и пашня Лаврентья Плотникова, двор и пашня Кузьмы Долгова, двор и пашня Якова Сухоцкого, двор и пашня Петра Смирнова, двор и пашня Алексея Калашникова, Петра Авчинникова;

двор и пашня бывшего саратовского конного казака Семена Семибратова жены его вдовы Овдотьи Ивановой дочери;

жителей: двор и пашня Никиты Ухолова; двор и пашня отставного подьячего Михайла Попова;

цеховых: двор и пашня Тимофея Докукина, двор и пашня Алексея Смирнова, двор и пашня Андрея Болдырева, двор и пашня Корнилы кузнеца;

посацких людей: двор и мельница и пашня Андрея Украинцева, двор и пашня Ивана Хлебнова, двор и пашня Якова Прянишниковца, двор и пашня Василья Лемехова, двор и пашня Степана Самохвалова;

двор и пашня Астрабацкого пехотного полку солдата Максима Петрова сына Овчинникова жены его Авдотьи Павловой дочери;

двор и пашня Терского пехотного полку капрала Кузьмы Самсонова;

двор и пашня пушкаря Михайла Медведева;

двор и пашня государыни цесаревны Елисавет Петровны дворцового крестьянина Петра Романова;

двор и пашня Анисима Болдырева жены его Авдотьи Степановой дочери;

двор и пашня отставного казака Алексея Агапова.

Между верхней речки Увековки и ключиц в Вавилкином буяраке дворы и пашни посацких людей: двор и пашня Антона Полякова, двор и пашня Ивана Обрасцова, двор и пашня Василья Сулова, двор и пашня Данилы Мурзина, двор и пашня Константина Токмакова, двор и пашня Михаила Сулова;

двор и пашня отставного дворянина Семена Навашина;

цеховых: двор и пашня Якова Спичкина, двор и пашня Антона Плотникова;

двор и пашня отставного салдата Семена Дервягина;

двор и пашня пешего салдата Контратя Якимина.
В ключинских провалах дворы и пашни:
скоцкой двор Родиона Рокотова и пашня;
двор и пашня отставного салдата Никифора Шелавина;
двор и пашня пахотного салдата Ивана Орлова;
двор и пашня бобыля Сергея Стрелкова;
посацких людей: зимовье и пашня Андрея Плотникова; зимовье и пашня Кириллы Серебrenикова;
цеховых: зимовье и пашня Григорья Плотникова, зимовье и пашня Ильи Михайлова;
зимовье и пашня саратовской канцелярии розсыльщика Степана Стрелкова;
бывшаго саратовского казака Данилы Чанова жены ево вдовы Анны Кузминой дочери зимовье и пашня;
посацкого человека Алексея Москвитина санные покосы;
посацкого человека Ивана Деревнина санные покосы.
От Увещкой горы от нижней речки Увещовки на нагорной стороне к городу Саратову по обе стороны речки Дресвянки на поемных местах санные покосы в даче саратовским разных чинов людям: дворянам, конным казакам, пешим и отставным салдатам и толмачам и на выпуск скота.

РГАДА, ф. 248 (Сенат), оп. 8, кн. 461, № 42, л. 993–998.

М. В. Булычев

РАЗВИТИЕ ЗОН ОТДЫХА САРАТОВЦЕВ (СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

В середине XIX в. Саратов являлся одним из наиболее динамично развивающихся городов юго-востока России. По данным полиции 1856 г. в нём проживало 74193 человека, по населению он входил в десятку крупнейших городов империи¹. На рубеже столетий Саратов по количеству жителей превосходит все провинциальные центры России. По наиболее точным данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., в Саратове насчитывалось 137147 жителей², он, в границах современной России, был третьим по величине городом, вслед за Петербургом и Москвой. А по данным переписи 1916 г. в нём уже было зафиксировано (без учета раненых в госпиталях и солдат в казармах) 232015 человек³. При сопоставлении данных переписей видно, что за 19 лет население Саратова увеличилось на 69,3 %; соответственно ежегодный средний прирост примерно равнялся 3,65 %, что было вполне сопоставимо с динамикой прироста жителей обеих столиц империи⁴.

Интенсивный период развития Саратова начинается примерно с 1880-х гг. С этого времени Саратов достигает пика своей известности как крупнейший на Волге торгово-транспортный узел, центр агроперерабатывающей промышленности, город с развитой инфраструктурой культурно-развлекательных заведений, а со второго десятилетия XX в. и как один из наиболее заметных в провинциальной России (наряду с Казанью) студенческих городов.

Известно, что «городское пространство стремится к организации всего своего многообразия...» и оно соотносится с определенной территорией, выступающей как совокупность зон, имеющих то или иное значение⁵. Привычным является деление города на административно-территориальные районы. Официальным для крупного русского города XIX – начала XX в. было деление на полицейские части и кварталы. Так, в начале XIX в. Саратов делился на три

¹ Булычев М. В., Зайцев М. В. Численность и социальный состав населения Саратова в конце XVIII – середине XIX века (по данным административно-полицейского учета) // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2013. Вып. 7-8. С. 116-117, 119.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. СПб., 1904. С. 1.

³ Кокшайский И. Н. Предварительные данные переписи населения г. Саратова и его пригородов, произведенной в 1916 г. Саратов, 1916. С. 9.

⁴ Иванова Е. В. Изменение численности и состава населения города Саратова в конце XIX – начале XX вв. // Саратовский краеведческий сборник: Саратов, 2008. Вып. 4. С. 61.

⁵ Божье-Гартне Ж., Шабо Ж. Очерки географии городов. М., 1976. С. 275.

части⁶, позже на четыре, а в начале XX в., в связи с ростом городской территории и населения, возникает необходимость в увеличении числа полицейских частей сначала до пяти, а потом и до шести. Такое деление было официальным и имело четко установленные границы и поквартальную нумерацию. Одновременно, неофициально, территория делилась на районы, сложившиеся в городе исторически, в процессе его развития⁷. Но в Саратове, как крупном городе, можно также выделить промышленную и торговую зоны, центральный деловой район. Они были «сшиты» друг с другом жилыми территориями (жилыми кварталами)⁸. В городское пространство также включались, или притягивались к нему, рекреационные зоны.

В этот период территориальный рост города продолжался, а также уплотнялась застройка внутри кварталов. Максимум она достигала в центральных кварталах. За короткое время земля стала здесь главным дефицитом. Строения, ранее вольготно стоявшие по периметру квартала, стремились теперь в глубину и в высоту. В лучшем случае до размеров палисадников сжимались прежние сады и огороды городских усадеб. Соприкасающиеся фасады домов создали привычную для современных горожан панораму улиц. Но на рабочих окраинах ещё проглядывал позавчерашний город, почти не изменившийся с дореформенных времен, когда Саратов «представлял совершенную деревню с немощёными, утопающими в грязи улицами, с невзрачными, преимущественно деревянными постройками»⁹.

В соответствии с такими изменениями происходили некоторые подвижки уже сложившихся рекреационных зон, растущие потребности жителей города в организации досуга вызвали появления новых.

На основе имеющегося материала, можно попытаться определить динамику и функции зон отдыха (главным образом зелёных зон) жителей Саратова того времени, когда он по праву считался «столицей Поволжья».

Поволжские города имели свои планировочные особенности. В их традиционной застройке большую роль играла Волга и примыкающая к ней территория. Волжский берег – это пристани разных пароходных обществ и частных предприятий, место перегрузки самых разнообразных товаров, строительства судов. Многие производства, особенно имевшие дело с объёмной продукцией

⁶ Топографическое описание Саратовской губернии / Под ред. И.О. Тюменцева. Волгоград, 2011. С. 34.

⁷ В начале XX века, в Саратове, по времени и месту застройки городской территории, характеру занятий жителей было принято выделять следующие районы: «Старый Саратов» (Глебучев овраг, Ильинская улица, берег Волги), «Центр» (Ильинская, М. Сергиевская, Камышинская, Цыганская улицы), «Горы» (Глебучев овраг, Никольская, Цыганская, Камышинская улицы), «Новое поселение» (Камышинская, Дворянская, Б. Садовая улицы), «Рабочие кварталы» (Дворянская, М. Сергиевская, Никольская улицы, берег Волги, Б. Садовая улица). См.: Отчёт о состоянии народного образования в г. Саратове. Вып. 1. 1903-1908 гг. Саратов, 1908. С. 26.

⁸ См. об этом более детально: *Иванова Е. В.* Формирование и социальное обустройство пространства крупного города на Волге во второй половине XIX - начале XX веков: на материалах Саратова. Дис... канд. ист. наук. Саратов, 2008. С. 124-140.

⁹ *Жеребцов В. О.* Страницы из прошлого Саратова. Саратов, 1913. С.4.

длительного хранения, тяготели к Волге. Из крупных рабочих районов города два – *береговой* (ул. Набережная, Б. Сергиевская и прилегающие к ним территории – здесь размещались крупнейшие мельницы и лесопильные заводы) и *затонский* (в Затоне в 1884 г. был открыт знаменитый тогда на Волге судостроительный завод А.В. Бари)¹⁰ находились здесь. На этой территории постепенно возникали и иные промышленно-портовые зоны, а также жилые районы рабочих. Эти районы, не только в Саратове, но и в других поволжских крупных городах, имели большую протяженность вдоль реки и расширялись в сторону от неё, вглубь городской застройки¹¹.

Но, волжский берег включался и в культурно-пространственную среду города. Наиболее ранней и присущей всем поволжским городам являлась рекреационная зона, охватывающая прибрежную часть города и ближайшие острова. В основном, как и везде в России, она использовалась в летнее время. Берег Волги – это и наиболее доступное место купания и времяпровождения для большинства горожан, настолько привычное, что в большинстве описаний города эта функция отдыха и не фиксируется, как самая обыденная. В редких мемуарах встречаются скупые упоминания, чаще всего в связи с личным интересом автора, например, военнопленного вестфальца С. Э. Рюппеля, бывшем в 1813 г. в нашем городе¹². Но горожане пожилого возраста помнят, что ещё в 1950-х – начале 1960-х гг., до строительства набережной и моста, летний отдых здесь был массовый. От ушедшего времени сейчас остался лишь маленький осколок у моста, где, на крайне захламлённом пятчке, продолжают купаться наиболее безразличные к элементарным удобствам горожане. А зимой, в рассматриваемое время, дети любили кататься вниз по крутым взвозам на санках и ледянках прямо до реки¹³. Неподалёку, у Бабушкиного взвоза, располагались пользовавшиеся большой популярностью у определённой части горожан и приезжих известные трактиры – «Приволжская чайная» и «Навигация»¹⁴. Здесь же на углу улицы Б. Сергиевская и Бабушкиного взвоза находился с 1863 г.¹⁵ «вокзал» Г. И Барыкина (после его смерти – М. К. Ивановой), увеселительное заведение, просуществовавшее до 1915 г., знаменитое на всю Волгу.

Волжский берег был и местом прогулок. Горожане ходили смотреть вскрытие Волги, на пароходы. В мае жителей города так же привлекала Никольская ярмарка под Казанским взвозом. Известный общественный деятель Саратова И. Я. Славин с любовью описывал свои детские впечатления об этом событии: «Туда, с верховьев волги приплывали небольшие баржи, досчаники с кустарными изделиями верхового населения. Привозили по преимуществу глиняную обливную посуду (бадейки, ковши, чашки, кувшины, миски и т. п.) раз-

¹⁰ Цыбин В. М. Пароход на Волге. Саратов, 1996. С. 248.

¹¹ См.: Фролов С. С. Градостроительные реконструкции прибрежных промышленных территорий крупных городов: на примере Волгограда. Дис... канд. ист. наук. СПб., 2005.

¹² Рюппель С. Э. Военнопленный в сердце России. 1812-1814 гг. // Саратовская губерния глазами пленных Великой армии. Саратов, 2009. С. 124.

¹³ Семёнов В. Н., Семёнов Н. Н. Саратов мещанский. Саратов, 1995. С. 128.

¹⁴ Там же. С. 130.

¹⁵ Очерки истории Саратовского Поволжья (1894-1917). Т.2, ч.2. Саратов, 1999. С.361.

ных цветов; привозили также щепной товар: деревянные ложки разных величин и форм, такие же деревянные ковши, кадки, бочонки, тележки, обручи и т. п. При этом же щепном товаре были и детские игрушки грубой, неуклюжей, кустарной работы, глиняные свистульки, которые издавали приводящий нас в восторг пронзительный и очень громкий свист. Но нам и эти неуклюжие игрушки доставляли удовольствие, и всегда путешествие на весеннюю Никольскую ярмарку было для нас большим праздником»¹⁶.

Под конец навигации, в начале октября, к Саратову сплавлялись самые крупные волжские суда – беляны, «весело украшенные, как балаганы на ярмарке». Они везли остатки товаров нераспроданных на нижегородской ярмарке, дешево распродававшихся. К берегу, из-за глубокой осадки они не приставали. Поэтому путешествие к ним на лодках по порой бурной Волге было для горожан настоящим приключением¹⁷.

В 1876 г. в Саратове появился яхт-клуб. Клуб объединял около 150 человек – почетных и действующих (в зависимости от денежных взносов) членов и сотрудников. Яхты всегда являются весьма дорогим увлечением. Вступительный взнос в клуб в 1876-1878 гг. составлял 100 рублей, а годовой – 20 рублей и льготный для отдельных лиц – 5 рублей¹⁸. Клубу принадлежали гребная база, мастерские по ремонту и изготовлению спортивных судов, он располагался под Сергиевским взвозом (ныне – Комсомольская улица). Первоначально он занимал стоявшую на приколе баржу, затем было построено свайное помещение. Перед войной было возведено новое здание яхт-клуба. Членами яхт-клуба были многие известные горожане: купцы Н. В. Агафонов, В. В. Богословский, И. А. Бендер, Борели, Жегины, Зейферты, Шмидты, кн. Л. Л. Голицын, архитектор А. М. Салько. В 1903 г. насчитывалось 729 членов клуба¹⁹. Активная деятельность клуба начиналась весной. Лодочные гонки собирали тысячи зрителей. В начале XX в. привычными для обеспеченных горожан становятся прогулки по Волге на моторных лодках и на буксируемых пароходиками баржах²⁰.

Вся прибрежная часть города на протяжении всего рассматриваемого периода оставалась весьма неприглядной. В волжском путеводителе 1862 г. сообщается: «Саратовская пристань тянется вдоль всей набережной города. Под Соколовой горой находятся амбары соляные, а ниже оврага настроено более 300 хлебных амбаров. Наружный вид набережной непривлекателен, берег её не обделан и покрыт, ближе к реке, сыпучим песком, а выше состоит из глиняного грунта, до того вязкого, что весной по нем нет проезда»²¹. Неоднократно саратовские губернаторы, деятели городской думы пытались найти средства для оборудования той части городской территории, которую часто посещали горо-

¹⁶ Славин И. Я. Минувшее – пережитое // Волга, 1998. № 2-3. С. 112.

¹⁷ Милашевский В. А. Из цикла «Глазами пятилетнего» // Волга, 1993. № 2. С. 73-77, 86.

¹⁸ Цыбин В. М. Указ. соч. С. 319.

¹⁹ Там же. С. 320.

²⁰ Зёрнов В. Д. Записки русского интеллигента. М., 2005. С. 207-208.

²¹ Волга от Твери до Астрахани. СПб., 1862. С. 328.

жане и, неизбежно, все, прибывавшие в Саратов по Волге²². Но очередной путеводитель 1914 г. доказывает, что ничего не изменилось: «Вся набережная петриту беспорядочными спусками и дорогами, проходящими среди столь же беспорядочных, уродливых и безобразных амбаров, сараев и просто лачуг»²³.

В приволжскую зону отдыха необходимо включать и острова. Одним из них был остров Казачий. У него было и второе название – Ильинский, по церкви, располагавшейся напротив него. Летом на нём горожане устраивали пикники, ловили рыбу, отдыхали. Но наибольшей популярностью у горожан пользовался Зелёный остров. Остров тот традиционно был богат лесными, санными, охотничьими и рыбными угодьями. Обыденность массового посещения острова использовали и радикальные организации конца XIX - начала XX в., сходки которых, среди отдыхающих, полиции было сложно вычислить.

В XIX в зоны отдыха появляются также в центральной и буферной частях города. Парк «Липки»- любимое место отдыха многих поколений саратовцев. Во второй половине XIX – начале XX в. он располагался в наиболее социально престижном для проживания в городе районе, охватывавшем центральную часть города. Данный район включал территорию от Б. Сергиевской улицы по Белоглинской до Камышинской, от неё до Глебуцкого оврага, далее по нему до Александровской улицы, от неё по Московской до Б. Сергиевской²⁴. Эта территория являлась престижным местом проживания богатых торговцев, предпринимателей и обеспеченных представителей интеллигенции и чиновников. Данный район характеризовался хорошо развитой социальной инфраструктурой. В начале XX в. дороги здесь были мощёными, улицы с 1910 г. систематически поливались, некоторые тротуары имели асфальтовое покрытие, дома освещались электричеством, имели водопровод, канализацию²⁵. «Центральная часть, - сообщает автор путеводителя по Саратову, - производит своим благоустройством, и даже нарядностью, весьма благоприятное впечатление»²⁶.

Сад «Липки» был заложен в 1824 или 1825 году²⁷ в связи со строительством Александро-Невского кафедрального собора и поначалу назывался Александровским бульваром. Поскольку бульвар был засажен преимущественно липами, позже его и стали называть «Липками». В 1859 г. на благоустройство бульвара городская дума потратила 760 руб., в том числе на содержание садовника и прислуги²⁸. Подобные суммы выделялись и в дальнейшем, например, в

²² Максимов Е. К., Сафронов Ю. А. Старый Саратов на фотографиях и открытках. Саратов, 2004. С. 258-259.

²³ Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Волге. СПб., 1914. С. 189.

²⁴ Иванова Е. В. Формирование и социальное обустройство пространства крупного города на Волге во второй половине XIX - начале XX веков: на материалах Саратова. Дис... канд. ист. наук. С. 168.

²⁵ Местное самоуправление Саратова: история и современность. Саратов, 2005. С. 78-84.

²⁶ Москвич Г. Указ. соч. С. 51.

²⁷ Миловидова И. Б., Непочатых В. А. Парки Саратовской области // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, событиях, фактах, именах). Саратов, 2011. С. 31; Лузина Е. С. По паркам и скверам Саратова. Саратов, 1983. С. 46-49.

²⁸ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО), ф. 3, оп. 1., д. 3496., л. 1.

1862 г. – 735 руб. сер.²⁹ Тем не менее, городской бульвар долгое время пребывал в довольно жалком виде, не смотря на то, что в 1876 г. в нём дополнительно было высажено 2000 деревьев³⁰. Одна из городских газет в 1885 г. сообщала: «В отношении растительности за последнее время бульвар значительно улучшился: вообще заметно, что в ботаническом отношении городской сад находится в руках опытного садовода». Впрочем, была и доля критики: «...пыли на бульваре едва ли не больше, чем в самом городе, все аллеи покрыты таким слоем её, что свободно могут конкурировать с любой из самых неопрятных улиц Саратова»³¹. Но для многих саратовцев этот парк становился привычным местом прогулок и времяпровождения. Здесь была устроена музыкальная эстрада, на которой временами играл военный оркестр. «Два раза в неделю – в воскресенье и четверг – на бульваре играет музыка, – писал в 1885 г. известный саратовский журналист И. П. Горизонтов. – В музыкальные вечера бульвар наполняется посетителями до такой степени, что все аллеи, площадки и скамейки бывают заняты народом, производящий пыль, духоту и тот особый гул, который всегда сопровождает толпу собравшегося народа. ...Теперь, ...сад снова начал смотреть садом и походить на бульвар, в котором приятно бывает отдохнуть и помечтать»³². С 1890-х гг. городская управа принимала меры для облагораживания бульвара: подсыпались и утрамбовывались аллеи, открылась торговля напитками, старые скамьи заменились новыми³³. В 1908 г. была установлена железная кованая ограда (изготовленная по эскизам художника С.В. Чехонина), в наше время представляющая историческую и художественную ценность.

Липки вошли в биографию Н. Г. Чернышевского, вспоминал о них и К. А. Федин: «В городе был большой бульвар с двумя цветниками и английским сквером, с павильонами, где кушали мельхиоровыми ложечками мороженое, с домиком, в котором пили кумыс и югurt. Аллеи, засаженные сиренями и липами, вязами и тополями, вели к деревянной эстраде, построенной в виде раковины. По воскресеньям в раковине играл полковой оркестр. Весь город ходил сюда гулять, все сословия, все возрасты...»³⁴. В 1903 г. в «Липках» были установлены скульптурные бюсты писателей, подаренные городу преподавателем Боголюбовского рисовального училища Н. П. Волконским. Установленное ранее керосиновое освещение было заменено электрическим. К 1914 г. Липки считались самым ухоженным парком города. Всего же в городе считалось 9 общественных садов и скверов³⁵.

Рядом с «Липками» находилось увеселительное заведение известное под названием «сад Очкина». В одном из путеводителей по Волге отмечалось: «С правой стороны Соборной площади находятся - центральная телефонная стан-

²⁹ ГАСО, ф. 3, оп. 1., д. 3645, л. 29.

³⁰ Паркин А. В. Саратов на рубеже XIX-XX веков. История города на почтовых открытках. Саратов, 2004. С. 162.

³¹ Саратовский листок. 1885, 18 мая.

³² Горизонтов И. Из «Писем к приятелю» // Волга, 1990. № 5. С. 78-79.

³³ Саратовский дневник. 1891, 12 июля.

³⁴ Федин К.А. Первые радости. Саратов, 1984. С. 36.

³⁵ Местное самоуправление Саратова: история и современность. С. 79.

ция, городская полиция и сад (летний и зимний) Очкина. Сад Очкина является одним из первых увеселительных заведений Саратова, с постоянным хором музыки, шансонетных певиц, рассказчиков, куплетистов и т. д.»³⁶ Другой увеселительный сад - "Эрмитаж" находился напротив, на Никольской улице, в доме Феокритова. Он был открыт в 1879 г.³⁷ Но был менее популярен очкинского³⁸. В середине 1880-х гг. купец Г. В. Очкин оборудовал по соседству с Коммерческим собранием (против Липок) летний сад с эстрадой.³⁹ Театр и сад Очкина находились там, где теперь расположены областная филармония и жилой дом, недалеко от угла нынешней Коммунарной площади и улицы Радищева⁴⁰. Заведение в центре города быстро приобрело популярность у горожан и гостей Саратова⁴¹. К. А. Федин писал: «От Нижнего до Астрахани шла молва об увеселениях у Очкина. И откуда только не приезжали сюда кутилы — откупорить в компании полудюжину шампанского и гульнуть с красавицами так, чтоб потом вспоминалось до самой смерти»⁴². В 1917 г. сад был закрыт. Неподалёку существовала и ещё одна небольшая зона отдыха всего с одной аллеей — «Собачья Липки» (у современного музея К.А. Фебина), которые не менее красочно описал тот же К. А. Федин⁴³.

Вакуровский парк и Парусиновая роща находились на стыке буферной зоны и рабочих окраин. В начале XIX в. владельцем находящейся в двух верстах за городом рощи и усадьбы в ней стал саратовский губернатор А. Д. Панчулидзе. По всей видимости, тогда же была устроена парковая зона «на английский манер»⁴⁴. На основе этой парковой зоны своей резиденции Панчулидзе открыл общественный сад, самый первый в городе. К. И. Попов писал в своих мемуарах: «Сюда, в весенние и летнее время, в праздники и торжественные дни саратовцы всех сословий сходились гулять, пользоваться приятным воздухом и благотворным запахом цветов, без всякой платы. Запрещения не было никому, только бы прилично были одеты и держали себя пристойно... Посетителей сходилась весьма много, в особенности в царские дни, когда дача иллюминировалась»⁴⁵. В качестве усадьбы губернатора сад просуществовал до 1834 г., до смерти своего хозяина. После этого события вся территория

³⁶ Спутник по реке Волге и ее притокам Каме и Оке. М., 1902. С.27.

³⁷ Саратовская летопись // Саратовский край: исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. I. Саратов, 1893. С.93.

³⁸ Путеводитель по Волге А. Безчинского. М., 1903. С. 18.

³⁹ Очерки истории Саратовского Поволжья (1894-1917). Т.2, ч.2. С.362.

⁴⁰ Семенов В.Н. В старину саратовскую (очерки и рассказы о прошлом нашего края). Саратов, 1994. С.43.

⁴¹ Саратовский дневник. 1894, 23.марта.

⁴² Федин К. А. Указ. соч. С. 226.

⁴³ Там же. С. 37-38; О «Собачьих Липках» см. также: Миловидова И. Б., Непочатых В. А. Указ. соч. С. 32-33.

⁴⁴ Шенк К. Хр Л Сообщения из жизни французского подполковника, содержащие историю его пленения в битве при Бородино в России 7-го сентября 1812 года, его перевозке к границам Азии, а также его пребывания и содержания там в качестве военнопленного в 1813 и 1814 годах // Саратовская губерния глазами пленных Великой армии. С. 148.

⁴⁵ Попов К. И. Записки о Саратове К. И. Попова // Волга, 1990. № 5. С. 40-41.

дачи была разделена на небольшие участки земли и распродана разным лицам⁴⁶. Наиболее продолжительный период крупными участками владели купцы Парусинов (Парусиновая роща; в наше время это центральная часть городского парка) и Вакуров (его участок именовался Вакуровским парком). Вакуровский парк располагался на участке, примыкавшем к Б. Сергиевской улице, где размещался летний театр «Фантазия», ресторан «Парк» и другие увеселительные заведения⁴⁷. В начале XX в. Парусиновая роща была местом гуляния саратовцев, а Вакуровский парк - местом развлечений. Главный вход в так называемый Вакуровский увеселительный парк устроен был со стороны Камышинской и Второй Садовой улиц, а юго-западная окраина места была отдалённой и несколько глухой⁴⁸. Парусиновая роща была усажена дубами, имела каскад прудов. Каких-либо особых сооружений в роще не было. Второй вход был со стороны Астраханской улицы. Место это саратовцы любили, особенно простой люд, который жил в окрестных кварталах. В 1905 г. Парусиновая роща была постоянным местом митингов⁴⁹.

Некоторые небольшие городские скверы, по ряду причин, не имели такой привлекательности у населения. Один из них - сквер у академического театра им. И. А. Слонова. Начинаясь он, по-видимому, как загородный сад для увеселений ещё в 1830-е гг.⁵⁰, но популярность пришла в 1860-е гг. с появлением здесь театра Ф. О. Шехтеля⁵¹. В конце 1860-х гг. семью Шехтелей постигла финансовая катастрофа. В 1867 г. и сад, и театр были проданы предпринимателям Э. и А. Сервье, которые превратили сад в небольшой театральный парк. По вечерам здесь играл духовой оркестр. Вход был платным⁵². В 1879 г. сад Сервье оказался в собственности нового владельца, а спустя четыре года перешёл к городской управе. В истории сада начинались черные дни. Но на театр обратило внимание "Общество трезвой и улучшенной жизни", и в 1897 г. здесь появился Народный театр, который приобрёл огромную популярность⁵³.

Некоторые участки зелёных зон, по мере уплотнения городских застроек, до нашего времени не сохранились. С 1843 г., на месте, занимаемом прежде шелковичными плантациями, существовал общественный сад. В отчёте саратовской городской думы за 1862 г. сообщается, что в нём много посажено деревьев разных пород, устроены аллеи и дорожки, значительно обогащён водой, проведённой из горных источников подземными трубами и устроены оранжереи и теплицы. На его содержание было потрачено 800 руб., больше, чем на

⁴⁶ Миловидова И. Б., Непочатых В. А. Указ. соч. С. 31.

⁴⁷ Лизунова Е. С. Парк культуры и отдыха в Саратове. Саратов, 1983. С. 6.

⁴⁸ Семёнов В. Н., Семёнов Н. Н. Саратов купеческий. Саратов, 1995. С. 186.

⁴⁹ Осипов В. А. Саратовская организация РСДРП в 1905 -1907 гг. Саратов, 1947. С. 55, 62-63, 100-111.

⁵⁰ Духовников В. В. Немцы, другие иностранцы и пришлые люди в Саратове // Саратовский край: Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 255.

⁵¹ Сокольская О. В. «Зелёное зодчество» Саратовского Поволжья. Саратов, 1993. С. 17.

⁵² Очерки истории Саратовского Поволжья (1894-1917). Т. 2, ч. 2. С. 361.

⁵³ Дьяконов В. А. Лицедей, певчие, музыканты: Из истории саратовских театров. Саратов, 1991. С. 161.

Александровский бульвар⁵⁴. По-видимому, о нём, как о саде Вердые (участке размером в 65 га) сообщается в одной из публикаций⁵⁵.

С 1870-х гг. в зимнее время в городе, в разных местах, организовывались катки. Так, яхт-клуб арендовал площадку на углу Ново-Соборной площади и Бабушкина взвоза (напротив сада «Липки»)⁵⁶. Катки с каждым десятилетием наращивали популярность у саратовцев⁵⁷.

Предпринимались попытки создания бульваров вдоль улиц. Первоначальные намерения городской думы использовать инициативу горожан для посадки деревьев не были успешными. И. П. Горизонтов отмечал, что и «грандиозный проект» губернатора М. Н. Галкина-Враского «о превращении Глебучего оврага в сплошной сад Дума скушала также без остатка, как и другой проект – о насаждении бульвара посредине широчайшей улицы Саратова – Камышинской»⁵⁸. Но всё же с 1889 по 1908 г. площадь городских садов увеличилась с 2,8 до 5 % общей площади городских улиц и скверов⁵⁹. Работы по озеленению Камышинской улицы (ныне ул. имени В. Г. Рахова) начались, видимо, в конце XIX в. Полностью улица была засажена деревьями в 1920-е гг. Следует отметить, что одной из малоуспешных попыток увеличения зелёных насаждений в городе были школьные праздники древонасаждения, которые проводились по инициативе губернатора А. П. Энгельгардта в 1902 г.⁶⁰

По-разному проводили саратовцы свое свободное время, тем более, что его у основной массы населения было крайне мало. Главными праздниками, привлекавшими почти всё городское население, были Рождество, Крещение, Пасха, Троица, сопровождавшиеся массовыми гуляниями. Зонами отдыха тогда становились некоторые улицы и площади города, о чём с любовью вспоминали многие саратовцы⁶¹. Центром пасхальных гуляний «под качелями» – так назывались тогда развлечения в виде балаганов, каруселей, качелей, была Московская площадь. На масленицу все, имевшие приличных лошадей и экипажи, устраивали после обеда катания по центральным улицам, а обыватели гуляли по тротуарам. В праздник Красной горки (первое воскресенье после Пасхи) любимым местом отдыха простого люда была Соколова гора⁶². Возможно не случайно, местом проведения первого свободного праздничного первомая 1917 г. была избрана именно Соколова гора.

В последние десятилетия XIX в., по мере приближения городской застройки, рекреационной зоной Саратова становятся и вершины Лысой горы. В 1880-х гг. там появляется кумысолечебница и летний пригородный противоту-

⁵⁴ ГАСО, ф. 3, д. 3645, л. 29.

⁵⁵ *Тотфалушина К. В.* Праздники древонасаждения в дореволюционном Саратове // Саратовский краеведческий сборник. Выпуск 2. Саратов, 2005. С. 50.

⁵⁶ *Славин И. Я.* Минувшее – пережитое // Волга, 1998. № 2-3. С. 132-133.

⁵⁷ См.: *Тотфалушина В. П.* «Детские годы» саратовского спорта. Саратов, 2015. С. 27-28.

⁵⁸ *Горизонтов И.* Указ. соч. С. 80.

⁵⁹ Местное самоуправление Саратова: история и современность. С. 79.

⁶⁰ *Тотфалушина К. В.* Указ. соч. С. 54.

⁶¹ См.: *Гусакова З. Е.* О тех, кто жил, о том, что было. Саратов, 2012. С. 248-256.

⁶² См.: *Федин К. А.* Указ. соч. С. 56-57.

беркулезный санаторий, причём построенный там небольшой дачный посёлок впоследствии перешёл в собственность городской думы⁶³. Как популярное место отдыха лесопарк стал использоваться горожанами после прокладки туда трамвайной линии⁶⁴. Городская дума намеревалась всячески расширять и развивать уникальный лесной санаторий. Но началась война, затем революции и всё надолго остановилось.

Первые дачи в Лахте, пригороде Петербурга, появляются уже в 1830-х гг., а ко времени отмены крепостного права дачный промысел крестьян этого селения был уже процветающим⁶⁵. В Саратове, в этот период, роль дач играли многочисленные пригородные сады горожан⁶⁶, широкой дугой охватывающие город до Волги. Появились они на выгонной городской земле. Землемер Александровский в 1853 г. насчитал на этой территории 666 дес. садов, с которых взималась плата по 2 руб. асс. с десятины. Принадлежали они 64 владельцам. Кроме них, ещё больше было садов, «оставленных за владельцами по решению Сената» (т. е. город с них ничего не получал). Они занимали 966 дес. и принадлежали 252 владельцам. Выделялись сады купеческой жены А. И. Хвориной (58 дес), первой гильдии купца И. П. Буркина (38 дес.) и первой же гильдии купеческой жены Д. Тюльпиной (24 дес.), саратовского купца Д. Пулькина (36 дес.) и хвалынского М. В. Громова (32 дес.)⁶⁷.

Во второй половине XIX в., по мере роста территории Саратова, сады уступали место городской застройке. От них оставались небольшие придомные участки и «садовые» названия улиц, проездов, переулков и тупиков. Но от новых городских окраин начинала формироваться уже новая сеть настоящих дачных участков. Старые дачные места располагались за железной дорогой вдоль подножья Лысой горы, новые дачи стали строиться после 1910 г. вдоль трамвайной линии, проложенной на Кумысную поляну. Особая трамвайная летняя линия, длиной до 18 километров, связывала город с дачной местностью, доходя до Кумысной поляны. Линия была однопутной с несколькими разъездами для встречных вагонов. Расписание маршрутов печаталось в газетах. Кроме трамвая в летнее время пускался специальный дачный поезд до Татищево. Газеты сообщали заинтересованным читателям, что его движение начиналось с 1 мая и заканчивалось 31 августа⁶⁸.

⁶³ Семёнов В.Н., Семёнов Н. Н. Саратов мещанский. Саратов, 1995. С.48-49.

⁶⁴ Турцева Е.А., Загора Л.П. Характеристика экологического состояния и бентофауны прудов парковой зоны «Кумысная поляна» и рекомендации по их обустройству и сохранению как памятников природы // Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность: Материалы X межрегиональных краеведческих чтений. Саратов, 2003. С. 188.

⁶⁵ Михайлов Н.В. Лахта: Пять веков истории. 1500-2000. М., 2001. С. 85.

⁶⁶ См. об этом подробно: Майорова А. С. Частные сады в Саратове в конце XVIII – первой половине XIX века // Жизнь в городе: частная и общественная. Межвуз. сб. науч. трудов. Саратов, 2009.

⁶⁷ ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 3090, л. 13-31 об.

⁶⁸ Саратовский листок. 1913, 23 апреля.

Владельцами дач в основном были состоятельные саратовцы, многие из них сдавали свои дачные участки в аренду. В весенних выпусках городских газет появлялась масса объявлений о сдаче в наём тех или иных дач, а осенью подобных объявлений уже не было, дачи предназначались исключительно для летнего отдыха. Самыми престижными дачными районами считались Разбойщина, Кумысная поляна и близ неё лежащие территории, район Поливановки, сад Штафа, а так же гора близ «Самаринской» остановки трамвая, рядом с монастырским скитом, что сказывалось на стоимости аренды. Например, дачи П. В. Спирина, находившиеся около рощи мужского монастыря, в «каждой из которых было по шесть комнат»⁶⁹, сдавались по сто рублей. Многие дачи сдавались комнатами, с обстановкой и без неё. Рекламы газет сообщали о возможности доставки в дачи мебели, музыкальных инструментов, предлагали приобрести примусы, подсвечники, водяные фильтры, аптечки с лекарствами и средства борьбы с насекомыми. В объявлениях всегда указывалось наличие у дачи леса, колодца, каретника, ледника, бани, пруда, а иногда и телефона. Но одним из важнейших ценообразующих факторов было наличие поблизости трамвайных линий. Складывалась дачная инфраструктура. На территории посёлков появлялись продуктовые лавки, жители могли пользоваться услугами медперсонала, нанимать обслугу, гувернанток и т. п. Выдержали дачи войну, революции, и даже в первые послереволюционные годы дачная культура продолжала существовать⁷⁰.

Таким образом, в начале XX в. появилась потребность в новых формах отдыха. Желание и возможность горожан обустроить свой летний отдых привели к возникновению пригородных рекреационных зон - дачных посёлков (для обеспеченной части горожан) и Кумысной поляны - для всех желающих.

⁶⁹ Саратовский листок. 1913, 11 апреля.

⁷⁰ Зёрнов В. Д. Указ. соч. С. 223-224, 227.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ
В УСЛОВИЯХ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ
(НА МАТЕРИАЛАХ УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ
САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Развитие капитализма, реформаторская деятельность правительства с 70-х гг. XIX в. обеспечили трансформацию общественных отношений. В российских городах формировались новые формы социально-стратификационной, производственной, гражданской, культурной организации жизни.

Крупный город мог предоставить своим жителям больше возможностей для улучшения социального положения и решения материальных проблем. Однако значительная часть городского населения проживала в провинциальных городах. По подсчетам дореволюционных специалистов, даже на начало XX в. всего 20 российских городов, в число которых входили Саратов и Астрахань, имели бюджеты более 1 млн. рублей. Доходы 634 российских городов из 826, составляли менее 100 тыс. рублей, а бюджеты 40 % городских поселений не превышали 25 тысяч¹. Количественные данные о довольно незначительных оборотах городских касс свидетельствуют о слаборазвитой экономике и низком качестве жизни местного населения. Жизнь в малых и средних городах дореформенной России протекала в условиях неразвитости городского хозяйства, бытовой сферы, общественной жизни. Как точно было подмечено в одном из общероссийских периодических изданий позднеимперской России: «Хроника каждого отдельного города дает мало индивидуальности, а является красноречивой иллюстрацией общей картины и сложившихся для русских городов однообразных условий»².

Важная характеристика города – это состав городского населения, его социальная структура. К собственно городскому сословию относили купцов и мещан, на которые в рассматриваемых поселениях приходилось от 69 до 87 % населения, причем основными жителями являлись мещане,

¹ Юрьев В. Современное финансовое положение городов // Городское дело. 1911. № 4. С. 327–338.

² Рост и нужды г. Вольска / Из провинциальной хроники // Городское дело. 1913. № 5. С. 324.

которые в начале 70-х гг. XIX в. представляли более 70 % от общего состава населения³. Основу городского населения составляли представители мелкого предпринимательства, которые не могли составить конкуренцию не только купцам, но и крестьянам⁴. Низкие доходы и нестабильное имущественное положение не позволяли самой многочисленной части горожан стать базой для формирования среднего класса в дореволюционной России.

Рост населения городов, привлекательных возможностью получения стабильного заработка на промышленных предприятиях, обеспечивался, прежде всего, за счет сельских жителей, проживавших в уездах губернии. Несмотря на то, что к 1914 г. мещане оставались самой многочисленной общностью горожан, количественный анализ свидетельствует об увеличении представителей сельских сословий. Так, к 1914 г. в Камышине сельское сословие достигало 38 % по сравнению с 8 % в 1870 г., а в Царицыне – 44 % (в 1870 г. – 15 %) от общей численности горожан⁵.

Качественный состав городских жителей – нравственные характеристики, ценностные ориентации, уровень культуры – вызывали критику со стороны представителей немногочисленной интеллигенции. По общему убеждению образованных современников, общественных деятелей, основная часть горожан отличалась крайним бескультурьем, замкнутостью, покорностью, инертностью мышления и пассивной моделью поведения⁶. Показателем степени неразвитости народной нравственности может служить городская статистика преступлений. Главный удельный вес совершенных преступлений приходился на крестьян, мещан и военные сословия. Дворяне привлекались к ответственности главным образом по статьям за неуважение к присутственным местам и чиновникам, превышение власти, подлог по службе. Преступников в среде купечества, занятого предпринимательской деятельностью, практически не было⁷. Наибольшее количество преступлений относилось к нарушениям прав собственности. За кражи, грабеж, разбой ежегодно привлекалось к ответственности более 40 % осужденных жителей городов губернии. Увеличение маргинальных слоев го-

³ Ведомость лит. А «Население Саратовской губернии по сословиям на 1870 г. // Памятная книжка Саратовской губернии. Ч. II. Отд. I. Саратов, 1872.

⁴ Кошман Л.В. Мещанство в России в XIX в. // Вопросы истории. 2008. № 2 С.10–14.

⁵ Ведомость № 6 // Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 г. Саратов, 1915.

⁶ Справочник-календарь «Весь Царицын. Посад Дубовка. Сарепта». Царицын, 1903.

⁷ Статистический обзор Саратовской губернии с отчетом Губернского статистического комитета за 1891 г. Саратов, 1892. С. 32; Статистический обзор Саратовской губернии с отчетом Губернского статистического комитета за 1901 г. Саратов, 1902. С. 26–27.

родского населения происходило в результате притока в города мужчин из соседних уездов. Они занимали самые непрезентабельные ниши рынка труда. Часть бывших крестьян не стремились повысить рабочую квалификацию и связать свою жизнь с работой на крупном производстве⁸.

В результате ведения Городового Положения 1870 г. получил развитие институт общественного управления, который способствовал становлению сферы гражданской деятельности в российских городах. В ходе выполнения горожанами как представителями городского сообщества новых для себя социальных ролей избирателей и городских деятелей, налогоплательщиков и потребителей муниципальных услуг, арендаторов городской собственности и подрядчиков на выполнение городских работ, шел процесс формирования новых поведенческих практик. Деловая активность горожан перемещалась в сферу городского хозяйства.

В исторической, правовой литературе, публикациях общественных деятелей дореволюционной России роль института самоуправления в развитии городского хозяйства, социокультурной сферы высоко не оценивалась. Так, в общероссийском журнале «Городское дело» за 1912 г. прямо говорилось: «Невежественность, косность муниципальных деятелей небольших городов не позволяют...поднять уровень городского хозяйства»⁹.

Городских деятелей упрекали и в «излишней скупости». В ежегодных Всеподданнейших отчетах саратовские губернаторы объясняли коммерческий подход к ведению городских дел социально-профессиональной принадлежностью гласных. Однако не следует забывать, что думам малых и средних городов приходилось действовать с учетом низкой платёжеспособности местного населения и невысоких возможностей городских касс.

В ежегодных отчетах Саратовских губернаторов отдавалось должное усилиям представителей городского сообщества в деле образования¹⁰. На народное образование думами производились максимальные расходы, средний показатель которых составил к 1913 г. согласно отчетам оборотов городских касс около 20%. Естественно, что усиленное вложение средств в развитие системы образования осуществлялось городскими деятелями во многом из прагматических соображений. Получение горожанами общего образования, приобретение технических специальностей создавали благоприятные условия для развития местной промышленности. Несмотря на то, что действовавшим законодательством компетенция органов само-

⁸Маркушина С. В. Структура рабочей силы фабрично-заводской промышленности Саратовской губернии во второй половине XIX-началеXX вв. // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2007. С. 102–103.

⁹О мерах к поднятию хозяйства мелких городов // Сост. А. М. ф. Гишман. Городское дело. 1912 г. № 18. С. 1150.

¹⁰Всеподданнейший отчет Саратовского губернатора за 1893 г. СПб., 1895. С. 5, 7; Всеподданнейший отчет ... за 1895 г. СПб., 1896. С. 6.

управления в сфере образования была ограничена хозяйственной сферой, со стороны отдельных дум выражалось желание быть в курсе результатов обучения¹¹.

Еще одним достижением в городской жизни пореформенной России стало формирование благоустроенной городской среды, а вместе с тем и улучшение качества жизни горожан. Развитие инфраструктуры города повышало ценность недвижимых имуществ и увеличивало городские сборы. Согласно годовым росписям расходов, дополнительным сметам, строительные и ремонтные работы в городах осуществлялись ежегодно. В первую очередь, возводились административные и учебные заведения, шло замощение центральной части, где разворачивалась производственная и культурная жизнь города. Для развития торговли и решения продовольственных вопросов, думы руководили постройками лавок, хлебных амбаров и т.п. Как следует из протоколов заседаний дум, между гласными возникали споры о более экономичном и качественном способе выполнения строительных работ. Однако, несмотря на ежегодные ассигнования средств на ремонт общественных зданий, мощение площадей и улиц, строительство и ремонт мостов, взвозов, членами ревизионных комиссий выявлялось, что городское имущество содержится не в надлежащем виде. Недостаточность городских средств, их неэффективное вложение и недейственный контроль, приоритет денежных интересов над общественной пользой в деле организации подрядов, не позволили решить проблему благоустройства городских поселений на должном уровне. Сами жители, на которых возлагались обязанности по уборке прилегающей к дому или хозяйственному заведению территорий, игнорировали исполнение обязательных постановлений. Думы устанавливали запрет на устройство скотобоен, салотопенных заведений в черте города, а также на сток грязной воды в местные водоемы для владельцев бань. Совместно с врачами определялись места хранения мусора и нечистот. По заключению городских деятелей, значительного улучшения санитарной обстановки в городах можно было добиться путем элементарного соблюдения обязательных постановлений со стороны местного населения.

В начале XX в. в поселениях Саратовской губернии имущественное положение горожан оставалось низким, что отрицательно сказывалось на операциях по сдаче земли. К примеру, в 1902 г. на торгах в Камышине из 350 участков была сдана лишь десятая часть по причине высокой арендной платы¹². Органы самоуправления городов пошли по пути изменения условий сдачи земли. Снижались арендные цены, допускались отсрочки упла-

¹¹ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО), Ф. 25, оп. 1, д. 1376, л. 228.

¹² ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 1376, л. 164–165.

ты денег, практиковалась сдача земли мелкими участками¹³. В результате предоставления льготных условий незажиточным горожанам-землеладельцам сборы по данной статье удалось сохранить примерно в прежнем объеме.

Одновременно приходилось противостоять процессу захвата сельскохозяйственных и строительных земель, который приобрел массовый характер во всероссийском масштабе. Сложнее было урегулировать отношения землепользования в крупных уездных городах, таких как Вольск, Царицын. Причиной расхищения городской собственности стали как игнорирование со стороны горожан такого понятия как «муниципальная собственность», так и беспорядок при регистрации земель¹⁴. Самым простым, но не эффективным способом предупреждения самовольных захватов городских земель явились меры силового характера, заключающиеся в наймах конных обозчиков в качестве сторожей¹⁵.

Значительная часть строительных, ремонтных работ, городских имуществ сдавались с торгов. Однако, исходя из финансовых соображений, наличия контроля со стороны города, ответственности перед местными жителями в случае некачественного выполнения городских работ, желающих заниматься строительством, ремонтными работами, можно было найти не всегда. В небольших городах горожане демонстрировали низкую предпринимательскую активность и устранились от участия в торгах на получение различных подрядов.

Сами муниципалитеты как хозяйствующие субъекты стали выступать в роли капиталистов. Финансово-хозяйственные мероприятия общественных управлений, заключающиеся в расширении операций общественных кредитных учреждений – банков и ломбардов, муниципализации городского хозяйства, улучшении системы землепользования создавали условия для профессиональной мобильности, проявления деловой активности населения. Степень роста бюджетной обеспеченности города была напрямую связана с финансовым благополучием его жителей. Повышение сборов в части обыкновенных доходов, положительная динамика городских бюджетов в целом указывали на эффективность хозяйственной деятельности представителей городского сообщества. Появление в начале XX в. в структуре бюджетов крупных и средних уездных центров – Вольска, Балашова, Камышина, Царицына – доходов с городских предприятий, их рост, свидетельствовали об успешном выступлении городских самоуправлений в роли коллективного собственника. Можно обнаружить, что

¹³ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 2130, л. 149–149 об.

¹⁴Гибиман А. Ближайшие задачи земельной политики русских небольших городов // Городское дело. 1912. № 17. С. 1077.

¹⁵ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 1376, л. 140–140 об.

по структуре доходов Царицын в начале XX в. приблизился к губернскому городу.

К концу XIX в. на уровне городских поселений был поставлен вопрос о приобретении нового независимого статуса – автономных самоуправляющихся единиц. Основной причиной побудившей города к отстаиванию прав на автономное функционирование и выделение в самостоятельные земские единицы, стали высокие платежи в пользу земств. Из всех уплачиваемых городами повинностей земские сборы являлись самыми обременительными. По утверждению дум, раскладка производилась земством произвольно и часто повышалась на эти же объекты обложения без увеличения их доходности.

Апробирование городскими думами действенных механизмов по сбору налогов, платежей с местного населения, вводившаяся система штрафов и привлечение к ответственности за самовольное пользование городской собственностью, за причинение ущерба городскому имуществу способствовали принятию института частной собственности со стороны горожан. Процедуры проведения торгов, городских выборов, общественные работы вовлекали местных жителей в производственную жизнь города. В итоге, на протяжении последней трети XIX – начала XX в. в провинциальных городах Нижнего Поволжья, как и в целом по России, «закладывался фундамент» для жизни человека в условиях современного города и развитого капиталистического общества.

ГОРОДСКАЯ ИСТОРИЯ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В.А. Дьяконов

ТЕАТР Г. ГЛАДКОВА (1803 – 1806 ГГ.) – ПЕРВОЕ ОБЩЕДОСТУПНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ИСКУССТВ В САРАТОВЕ

В научной и популярной литературе нет единого мнения об основании первых профессиональных театров в Саратове. Театральная энциклопедия сообщает; «Первый театр Саратова возник в 1806 году, в 1814 году было построено первое театральное здание (играли крепостные актеры)»¹. Другие краеведческие дореволюционные публикации почин открытия в Саратове публичных театральных представлений приписывают бывшему саратовскому губернатору А. Д. Панчулидзеву или относят его к первой четверти XIX века.² Между тем один из известных саратовских краеведов В. Юрьев утверждал: «Первым публичным театром явился театр выстроенный в Саратове в 1803 г. помещиком Гладковым, (родственником Панчулидзева по первой жене...)»³. Этот первый саратовский театр находился на Дворянской улице, на том месте, где теперь Александровское ремесленное училище... (ныне улица Сакко и Ванцетти и Индустриально – педагогический лицей им. Ю.А. Гагарина – В.Д.), – далее продолжая, – В этом театре играла панчулидзевская же труппа актеров и его оркестр музыки, почему имя Гладкова – собственника театра, совершенно ступшевалось и этот театр назывался также панчулидзевским...» В своей публикации «К столетию Саратовского театра» в «Саратовском дневнике» №228 от 22 октября 1903 г. В. Юрьев назвал даже точную дату открытия гладковского театра – 22 октября 1803 года, поясняя, что в мае 1809 г. в Саратов прибыл по высочайшему повелению генерал – майор Ратьков для реви-

¹ Театральная энциклопедия. М., 1965. Т. 5. С. 849.

² См.: Саратовский листок. 1877. 1 июня; Саратовский дневник 1903. № 137: Весь Саратов на 1900 год: Адрес-календарь. Саратов, 1899. С. 409.

³ Юрьев В. К. К столетию Саратовского театра // Саратовский дневник 1903. 22 окт.

зии казенных и общественных учреждений. И на его запрос городской думе, «имеются ли в Саратове какие-либо для удовольствия публики учреждения - театр и прочее, когда и с какого времени начались?», - голова Г.Ф. Крюков отвечал: «В Саратове имеется театр, выстроенный в 1803 году, в котором зачались комедии с 22 октября того же года, как о том доподлинно известно и его превосходительству г. губернатору А.Д. Панчулидзеву»...⁴

Кажется, все предельно ясно. Однако В. Юрьев в той же публикации замечал: «Почин открытия театральных зрелищ в Саратове принадлежит Алексею Давидовичу Панчулидзеву, бывшему в 1808-1826 годах саратовским губернатором. Еще будучи вице-губернатором, после того как женился на М. Гладковой, А.Д. Панчулидзева сформировал из своих дворовых людей труппу актеров, которые впоследствии на его домашних сценах - в городе и на даче давали драматические и комические представления, на которые приглашалась и «почтеннейшая саратовская публика»⁵. Но панчулидзевский домашний театр нельзя было назвать, строго говоря, публичным, доступным для всех, потому, что на представления, конечно бесплатные, имела доступ только избранная в большинстве случаев, «благородная» публика⁶. Следовательно, несмотря на преимущество, между этими театрами имелись и существенные различия. Панчулидзевский домашний театр был доступен только избранной, привилегированной публике, гладковский же сразу становится общедоступным, платным. Такой качественно новый, публичный театр в специально построенном здании вместимостью до 200 мест при численности населения города в 2,5 тысяч человек уникален. Внешний облик этого храма Талии и Мельпомены, как вспоминали старожилы, был «несколько странный, своеобразный»⁷. Приземистое деревянное здание, обложенное кирпичом, производило впечатление каменного. Дабы сэкономить при постройке, оно было углублено в землю, так что зрителям партера и лож, чтобы занять свои места, приходилось спускаться вниз по лестнице. Над ложами простиралась «обширная галерея обитая выбеленное холстиной и украшенная огромной жестяной люстрой». В небольших окнах стояли деревянные треугольники с железными «шандалами», в которые вставлялись сальные свечи. Они вовсю чадили, наполняя залу едкой гарью и желтоватым светом. Подобным образом освещалась и небольшая сцена. Ее убранство, декорации и костюмы оставляла желать; лучшего. И хотя театральное помещение казалось посетителям «приземистым», неуклюжим, оно «при блеске

⁴ Юрьев В. К. К столетию Саратовского театра // Саратовский дневник 1903. 22 окт.

⁵ Там же.

⁶ Весь Саратов на 1900 год: Адрес-календарь. С. 409.

⁷ Юрьев В. К. Указ. соч.

сальных свеч и звуках громкой музыки одушевлялось, приходило в сильное движение»⁸.

Репертуар публичного Саратовского театра был внушительен и разнообразен. Наглядным свидетельством тому служит сохранившийся «Реестр, какие пьесы назначены был и для представления на театре г. Гладкова в Саратове на текущий (1806) год»⁹. В этом «реестре» дан не просто перечень идущих пьес, а четкий порядок представлений, состоящих из одного-двух разножанровых, разнохарактерных сценических произведений. Представления давались в гладковском театре с учетом различных зрительских интересов и запросов, и зачастую в один вечер показывалось сразу два спектакля: комедия и опера. Наш отечественный театр долгое время - со своего основания и до середины XIX в. не знал четкого разделения на оперную и драматическую сцены и в первых русских операх наряду с ариями и речитативами существовали целые роли без пения. Отдельные наименования в «реестре» повторяются, видимо, пользовавшиеся наибольшим зрительским спросом. В сезоне 1806 г. в Гладковском театре было дано 45 представлений, в которых показано 29 комедий, 27 опер, 3 драмы и 3 трагедии. Итого 61 произведение 55 наименований. Большинство из них создано русскими авторами. Чаще других в репертуаре представлены оперы «Русалка», музыка Ф. Кауэра и Е. Давыдова на текст К. Генслера, «Бочар» Н. Одино на текст Н. Одино и Ф. Кетана, «Два охотника» Э. Дуни на текст Л. Ансома. Среди представленных саратовскому зрителю комедий значились широко идущие в то время «Так и должно» М. Веревкина, «Чудаки» Я.Княжнина, «Бобыль» П. Плавильщикова. Из поставленных драм и трагедий нельзя не назвать такие популярные пьесы, как «Семира», «Вышеслав» и «Дмитрий самозванец» А. Сумарокова, «Ла Перуз» и «Негры в неволе» А. Коцебу¹⁰. Стало быть, в первом публичном саратовском театре были представлены все основные существовавшие тогда театральные жанры. Национальный же русский репертуар сразу становится достоянием широкого демократического зрителя.

Какими же творческими силами располагал театроман Гладков для воплощения столь разнообразного и многосложного репертуара? Ответ на этот вопрос мы находим в его прошении, возвещавшем, что «счет людей, назначаемых к театральным представлениям, не менее семи актеров и пяти актрис, кроме театральной прислуги, употребляемых в действие без речей

⁸ Юрьев В. К. К столетию Саратовского театра // Саратовский дневник 1903. 22 окт.

⁹ Государственный архив Пензенской области, ф. 5. оп. 1, д. 138, л. 3.

¹⁰ Там же.

мужчин и женщин или в операх хоров певчих, моих же собственных или посторонних»¹¹.

Двенадцать актеров основного состава! - что и говорить, силы невеликие, но, как утверждает один из посетителей его спектаклей, в случае надобности помещик выгонял на сцену - всю дворню свою от дворецкого до конюха и от горничной до портомойки». Основу труппы гладковского театра, естественно, составляли крепостные актеры, наспех обученные сценическому искусству. Первую певицу называли Сашкой, первую танцовщицу Машкой, а первого трагика Гришкой. Вот как описывает очевидец выход этого актера в пьесе «Отец и дочь»: «Сцена представляла дремучий лес; шумела буря, сверкала молния, и в то время Григорий в качестве сумасшедшего отца, бледный и страшный, неистово врывается на сцену, в цепях, начинал реветь, потрясать цепями и ворочать глазами страшнейшим образом. Он вполне удовлетворял требованиям и вкусам местных граждан и многие признавали в нем действительный талант, только не разработанный правильно...»¹².

Среди подневольных актеров гладковского театра было немало даровитых людей. Свидетельство тому даже исполняемый ими репертуар. Какими незаурядными способностями нужно было обладать этому небольшому творческому составу, чтобы в сезон представить свыше пятидесяти различных сценических произведений, абсолютное большинство которых игралось лишь по одному разу. Насколько широким диапазоном наделены были эти актеры, выступающие сегодня в опере и комедии, завтра в драме, послезавтра в трагедии - жанрах, каждый из которых требовал профессионального мастерства, артистизма и специфической одаренности. К этому необходимо добавить, что ряд пьес, поставленных в гладковском театре, предполагал умение читать стихи, танцевать, играть на музыкальных инструментах, воплощать различные «волшебства» и «превращения». И действительно, артисты общедоступного саратовского театра много могли и еще больше старались сделать. Ведь им было и перед кем раскрыть свои способности. В иных усадебных театрах их собратья работали для кучки пресыщенных толстосумов. «К Гладкову же в партер ходила одна чернь, - подмечал современник, - а в ложи ездила зевать злейшая оппозиция, к которой, однако же, он сам отнюдь не принадлежал»¹². Массовым зрителем этого театра были чиновники, мещане, работный люд и учащая молодежь. Интерес к театральным зрелищам возрастал. Первый общедоступный театр в Саратове существовал недолго. Уже в 1807 г., добившись разрешения губернатора, Гладков сооружает в Пензе небольшое теат-

¹¹ *Инсарский А.* Половодье // Картины провинциальной жизни. СПб., 1875. С. 254

¹² *Вигель Ф. Ф.* Записки. СПб., 1892. Ч. 2. С. 71.

ральное здание и перемещает туда свои представления. Часто ли использовалось под зрелища гладковское театральное помещение в Саратове, неизвестно, но и в 1809 г. оно еще стояло, облагалось поземельным налогом и лишь несколько позже было снесено или уничтожено пожаром¹³. Однако этот театальный почин не прошел даром. На смену крепостному театру Гладкова пришел подобный театр Панчулидзева, существовавший до 30-х гг. XIX столетия, затем его сменили частные антрепризы, театральные дирекции и артистические товарищества. Театр развивался, совершенствовался, специализировался. Сегодня саратовское театральное искусство представлено 13 самыми различными театрами, 3 из которых имеют почетные звания академических.

¹³ Юрьев В. К. Указ. соч.

**ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ
В КАЧЕСТВЕ ИСТОЧНИКА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ САРАТОВСКОГО ДВОРЯНСТВА
В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА**

Изучение повседневной жизни людей в настоящее время определяется как особая отрасль исторического знания. Ее предмет — рассмотрение сферы человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах¹. Определяя круг вопросов, которые можно отнести к истории повседневности, Н. Л. Пушкарева выделяет три основные области. Прежде всего, это событийная область внедомашней (публичной) повседневной жизни, включающая мелкие, частные, повторяющиеся события в аспекте их свершения и переживания. Кроме того, к повседневности относятся обстоятельства частной домашней жизни, быт в самом широком культурологическом смысле слова. Еще один круг вопросов — переживания обыденных событий и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей². При этом, как подчеркивает Пушкарева, своя «история повседневности» есть у каждого социального слоя³. Очень важны замечания исследовательницы о разновидностях источников, которые необходимы для изучения данной сферы. Она указывает, что здесь особенно велика роль источников личного происхождения⁴.

Для изучения повседневной жизни людей в России в XIX в. историк имеет возможность использовать значительный комплекс материалов мемуарно-дневникового жанра. Ведь именно в XIX – начале XX вв. в нашей стране было создано наибольшее количество таких документов. Исследователи отмечают, что в первой половине XIX в. заметно расширился круг мемуаристов, по сравнению с предшествующим временем. При этом практика создания дневников и воспоминаний была распространена более все-

¹ Пушкарева Н. Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история. Ежегодник. 2007. М., 2008. С. 9.

² Там же. С. 42

³ Там же. С. 41

⁴ Там же. С. 47.

го в среде дворянства⁵. Казалось бы, изучение повседневности, частной домашней жизни представителей этого сословия в тех регионах России, где было распространено дворянское землевладение, не должно вызывать затруднений. Однако сохранность мемуаров, созданных в дворянской среде, (как, впрочем, и подобных источников другого происхождения) зависит от множества обстоятельств. Поэтому историк далеко не всегда может обратиться к произведениям мемуаристики, в которых запечатлены реалии жизни дворянской семьи в той или иной губернии. Кроме того, не все аспекты повседневности конкретного исторического периода могут быть рассмотрены на основании подобных источников.

Для Саратова первой половины XIX в. изучение повседневной жизни его населения, так же, как и культурного процесса в целом, вызывает определенные трудности в связи с тем, что круг источников личного происхождения не достаточно широк. Если же обратиться к проблеме повседневной жизни дворянства губернии, то сведения о ней в сохранившихся источниках касаются ограниченного комплекса явлений. Мы можем найти в них материал о событийной области внедомашней повседневной жизни представителей этого социального слоя. В гораздо меньшей степени в них отражены переживания обыденных событий и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей в среде дворянства. Что же касается повторяющихся событий и обстоятельств частной домашней жизни, а также подробностей быта и вещного мира, сопутствовавшего дворянину, то сведения из этой области встречаются редко.

К настоящему времени известны произведения мемуарно-дневникового характера нескольких авторов, которые жили в Саратове в то время, либо приезжали в Саратовскую губернию в связи со службой или в гости. Сочинения двух мемуаристов, саратовского чиновника К. И. Попова⁶ и протоиерея Н. Г. Скопина⁷ уже давно находятся в поле зрения исследователей благодаря тому, что они были опубликованы в конце XIX и в начале XX века. «Записки дневные о делах и вещах достопамятных» Скопина являются дневниковыми записями, в то время как записки Попова — это воспоминания.

В ту же эпоху в Саратове был создан еще один своеобразный дневник. Рукопись его хранится в Государственном архиве Саратовской области. Она известна под заголовком «Дневник Д. М. Вакурова»⁸. Однако

⁵ Семенова А. В., Аксенов А. И. Предисловие // Купеческие дневники и мемуары конца XVIII—первой половины XIX века. М., 2007. С. 3.

⁶ [Попов К.И.] Записки о Саратове К.И. Попова // Саратовский край: Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов. 1893. Вып.1. С. 155-236.

⁷ [Скопин Н.Г.] Записки дневные о делах и вещах достопамятных протоиерея Николая Герасимовича Скопина // Саратовский исторический сборник. Саратов, 1891. Т. 1. С. 75-592.

⁸ ГАСО, ф.1283, оп. 1, д. 22

еще при поступлении ее на хранение в Саратовскую ученую архивную комиссию В. И. Серебряков установил на основании ее содержания, что записи в дневнике внесены двумя авторами — Дмитрием Максимовичем Вакуровым, (события с 1790 г. до 1765 г.), затем продолжены его сыном до 1871 года⁹. Авторы дневника принадлежали к купеческому сословию. Вполне естественно то, что в названных мемуарно-дневниковых сочинениях Попова, Скопина и Вакуровых можно найти материал для изучения повседневности, главным образом, представителей тех социальных слоев, к которым принадлежали их авторы. В записках Попова и Скопина встречаются также некоторые сведения о жизни саратовского дворянства.

Более подробной информации такого плана можно было бы ожидать в сочинениях мемуаристов, которые принадлежали к дворянскому сословию. В отдельных случаях они оправдывают ожидания исследователя. Что касается материала по Саратовской губернии, то наиболее интересными в этом отношении являются воспоминания авторов, которые писали о событиях конца XVIII века. И. М. Долгоруков рассказывает о роскошной жизни хозяина имения Надеждино в Сердобском уезде князя А. Б. Куракина¹⁰. А. С. Пишчевич — о развлечениях саратовских дворян в губернском городе, а также о некоторых бытовых приметах их жизни¹¹.

Авторы мемуаров, принадлежавшие к дворянскому сословию, которые освещали события первой половины XIX в., приводят фрагментарные сведения о повседневной жизни людей своего круга в Саратове и в губернии¹². Следует отметить, что не все мемуаристы были склонны уделять внимание бытовым подробностям. Н. И. Костомаров, рассказывая о своем пребывании в ссылке в Саратове, ограничился общей характеристикой местного дворянства, подчеркнув тот факт, что не нашел в его среде интересных для себя людей¹³. Отсутствие у авторов воспоминаний интереса к «рядовым» событиям частной и общественной жизни, к мелочам повседневного бытия вполне объяснимо. Мемуаристы создавали свои сочинения в расчете на то, чтобы привлечь внимание читателей, поразить их воображение. С этой точки зрения житейская рутина — не самый подходящий

⁹ *Серебряков В. И.* Выдержки из дневника гг. Вакуровых. // Труды СУАК. Саратов, 1909. Вып. 25. С. 192.

¹⁰ *Долгоруков И. М.*, князь. Повесть о рождении моём, происхождении и всей жизни... СПб., 2004. Т. 1

¹¹ [*Пишчевич А. С.*] Жизнь А.С. Пишчевича, им самим описанная: 1764—1805. М., 1885.

¹² См.: *Исарский В. А.* Половодье: Картины провинциальной жизни прежнего времени. СПб., 1875.; [*Фадеев А. М.*] Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева // Русский архив. М., 1891. Кн. 2, вып. 5—8. С. 14—60; *Шомтулев В. А.* Записки старого помещика М.: Новое литературное обозрение, 2012.

¹³ *Костомаров Н. И.* Автобиография // Костомаров Н.И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С. 426—651.

предмет для описания. Мир вещей, окружающих человека, также не вызывает у мемуаристов желания отвлечься от сюжета своего повествования и уделить хотя бы несколько слов рассказу о них. Бытовые подробности оказываются в поле зрения рассказчика только в том случае, когда они играют важную роль в происшедших событиях.

Такой интересный для исследователя, занимающегося изучением повседневной жизни саратовского дворянина, объект, как его жилище, не нашел своего бытописателя. К настоящему времени в распоряжении историков нет произведений мемуаристики, на основании которых можно было бы судить о городских домах саратовских дворян первой половины XIX века. Привлекали внимание мемуаристов только дома саратовского губернатора А. Д. Панчулидзева, однако информация по этому вопросу отличается краткостью. Попов в своих записках дает общую характеристику загородной усадьбы Панчулидзева. При этом его больше увлекает описание сада, окружавшего дачу губернатора¹⁴. В воспоминаниях врача Ф. Мерсье, одного из военнопленных французов, находившихся в Саратовской губернии в 1812—1814 гг., находим упоминание о том, что в городском доме губернатора зал был меблирован в парижском стиле¹⁵.

Отсутствие в мемуаристике информации о домах саратовских дворян в губернском городе в первой половине XIX в., вызывает необходимость поиска источников иного характера. Произведения художественной прозы названного периода отчасти могут восполнить этот пробел. Дело в том, что в истории русской литературы был довольно длительный период, когда писатели придавали большое значение изображению предметной среды, в которой живут и действуют их герои. Это характерно для творчества писателей XIX века.

В. С. Манаков отмечает, что художественная литература давно осваивала материальный мир, окружающий человека. Природные объекты, архитектурные сооружения, одежда, бытовые предметы, артефакты включались в ткань повествования. И далее он подчеркивает, что полноценным объектом изображения предметная среда «становится в лучших произведениях классического реализма XIX века»¹⁶. При этом Манаков указывает на необходимость учитывать особенность творчества писателя, который не стремится, да и не должен стремиться создать «двойник» реального мира.¹⁷

¹⁴ Попов К. И. Указ соч. С. 170.

¹⁵ Мерсье Ф. Французы в России. Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в России. // Тотфалуши В. П. Волжские пленники (Саратовский край глазами ветеранов Великой армии). К 200-летию Отечественной войны 1812 года. Саратов, 2012. С. 75.

¹⁶ Манаков В. С. Введение // Проблемы изучения материального мира в художественной прозе: Межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1989. С. 3.

¹⁷ Там же. С. 5.

А. П. Чудаков в своем очерке «Вещь во вселенной Гоголя» отметил: «Художественный предмет, как и любой другой элемент мира писателя, прежде всего, носитель качества художественной системы, воплощающий в себе ее главные свойства, в том числе и реальномировоспроизводящую... В творении высокого искусства реальный предмет погибает, чтобы дать жизнь предмету художественному, лишь обманчиво похожому на прототип, но иному по своей сути, по новым многообразным качествам»¹⁸. Отметим очень важное обстоятельство, зафиксированное Чудаковым, — художественный предмет все-таки похож на свой прототип из реального мира. Он приобретает новые качества в «мире писателя», по сравнению с вещами «запредельной ему действительности»¹⁹, тем не менее, внешнее «обманчивое» сходство присутствует. Для историка признание факта такого сходства открывает возможность привлечь произведения художественной прозы в качестве источника для изучения бытовых реалий жизни людей.

Данный вопрос редко затрагивается в исследованиях. Тем не менее, некоторые авторы считают возможным указать на информативную ценность отдельных аспектов содержания литературных произведений. Интересные замечания такого характера оставил М. К. Азадовский в своем капитальном труде «История русской фольклористики» (М., 1958). Рассматривая влияние теории официальной народности на общественную мысль в России в 30-е гг. XIX в., автор подчеркивает ее значение для формирования определенного круга литературных произведений. Азадовский пишет, что в литературе «это течение было представлено романами и повестями А. А. Орлова, Ф. Булгарина, Ф. Кузмичева, Аладина, Машкова и др.; в своих произведениях они часто пользуются фольклорным материалом, и иногда последние бывают до того им насыщены, что могут привлекаться в качестве источников для изучения старой обрядности.... Описания часто очень точны и изобилуют любопытными подробностями, тем более ценными, что относятся к довольно раннему времени, когда наблюдения над бытом различных народных слоев были еще скудно представлены в нашей литературе»²⁰.

Опираясь на приведенные выше положения, высказанные литературоведами, можно обратиться к произведениям художественной прозы середины XIX в. с целью поиска материала для изучения повседневной жизни саратовских дворян данного периода. Особый интерес с этой точки зрения представляет творчество М. С. Жуковой (1805–1855), которая прожи-

¹⁸ Чудаков А. П. Вещь во вселенной Гоголя // Чудаков А. П. Слово — вещь — мир. М., 1992. С. 25—26.

¹⁹ Там же.

²⁰ Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958. С. 241

вала в Саратове с 1830 года. Она была одной из наиболее известных писательниц 1830–1850-х гг., ее произведения публиковались во всех крупнейших журналах того времени («Библиотека для чтения», «Отечественные записки», «Современник» и др.). Ее повести и романы выходили также отдельными изданиями. Творчество Жуковой высоко ценили В. Г. Белинский, Н. А. Некрасов, О. И. Сенковский, Ф. В. Булгарин, Н. А. Полевой, Н. И. Греч.

Несмотря на то, что ее пребывание в Саратове не было постоянным — писательница уезжала в Петербург, на юг Франции и в Италию — саратовские впечатления, наряду с арзамасскими и петербургскими, как полагают исследователи, послужили основой для создания ряда ее произведений²¹. Современники Жуковой считали, что в них можно найти достаточно точные сведения о реальном мире, в котором живут ее героини. В. Г. Белинский писал: «...В повестях г-жи Жуковой уже видно как бы невольное стремление, вследствие духа времени,— искать сюжетов в действительности современной жизни, заботиться о естественном изображении подробностей быта и ежедневной жизни героев, сообразно с их положением в обществе и степенью образованности»²². Мнение Белинского интересно для нас не только тем, что оно принадлежит очень талантливому критику. Оно важно и постольку, поскольку это — взгляд современника.

Личность Жуковой и обстоятельства ее пребывания в Саратове освещены в ряде работ местных авторов. В справочнике саратовского историка В. А. Сушицкого «Саратов в беллетристике» помещена статья о Жуковой, в которой даны краткие сведения о ее жизни в городе. В качестве произведения, «отражающего жизнь Саратова», названа повесть «Наденька», написанная в 1853 году. (Правда, Сушицкий отмечает, что в ней место действия не названо).²³ О саратовском периоде в творчестве писательницы идет речь в очерке М. Н. Межевой в сборнике «Русские писатели в Саратовском Поволжье»²⁴. Более подробно этот период ее жизни рассмотрен в дипломной работе Е. С. Миркиной, которая была защищена в 2014 году²⁵. Миркина уделила особое внимание вопросу о том, каким образом саратовские реалии отразились в творчестве писательницы.

²¹ См.: Миркина Е. С. Саратов в жизни и творчестве М. С. Жуковой. Рукопись С. 59

²² Белинский В. Г. Сочинения Зенеиды Р-вой // Белинский В. Г. Полн. Собр. соч. М., 1955. Т. 7 С. 656.

²³ Сушицкий, В. А. Саратов в беллетристике: Библиографический указатель. Саратов, 1934. С. 15—16.

²⁴ Межевая, М. Н. М. Жукова // Русские писатели в Саратовском Поволжье. Саратов, 1964. С. 44—49.

²⁵ Миркина Е. С. Указ. соч.

Действие большинства произведений Жуковой, пишет Миркина, разворачивается в русской провинции: в губернских и уездных городах, на степных просторах. Провинциальная жизнь была хорошо ей знакома. Описывая уездный город или помещичье имение, она обращалась к впечатлениям своего детства и молодости. Когда Жукова писала о губернском городе, то в основе ее наблюдений была, несомненно, жизнь Саратова²⁶. Миркина указывает на то, что облик Саратова и окружающей его природы запечатлен писательницей в нескольких литературных произведениях. Поэтическое восприятие природной среды Саратова, Волги и окружающих степей сочетается в произведениях Жуковой с описанием вполне реальных, очень прозаических примет городской жизни. Миркина сравнила фрагменты произведений Жуковой, посвященных Саратову, с другими источниками и пришла к выводу о том, что писательница довольно точно отразила внешние приметы города в 30–50-е гг. XIX века²⁷.

Наиболее ценный материал для сравнения Миркина обнаружила в очерке саратовского историка А. Н. Минха «Саратов и его жизнь в 1853 году»²⁸. По структуре и содержанию он близок к статистическим описаниям середины XIX в. и, вероятно, предназначался для публикации. Однако он остался в рукописи, и был опубликован более чем через полторы сотни лет после его создания. Минх создал нечто вроде путеводителя по Саратову, в котором отмечены все местные достопримечательности. Важно то, что данное описание губернского города было составлено в 1853 году. Тогда же вышла в свет повесть Жуковой «Наденька»²⁹, действие в которой, как указывает Сушицкий, происходит в Саратове. Статистический очерк, составленный примерно в то время, когда была создана повесть, дает возможность провести сравнение особенностей городской среды, которую запечатлел Минх, с образом города в художественном произведении. Миркина убедительно показала черты их сходства — в описаниях природной среды, окружающих город пейзажей, улиц с яркими приметами неблагоустройства³⁰. Интерьеры здания благородного собрания, воссозданные в тексте повести Жуковой, находят соответствие во фрагментах очерка Минха, посвященных этому замечательному сооружению³¹.

Названные особенности содержания повести Жуковой позволяют предположить, что описание городского дома, в котором живет главная героиня этого произведения, и элементов жизненного уклада его обитателей

²⁶ Миркина Е. С. Указ. соч. С. 69.

²⁷ Там же. С. 73.

²⁸ Минх А. Н. Саратов и его жизнь в 1853 году. // Земли родной минувшая судьба. Саратов, 2007. С. 225–243.

²⁹ Жукова М. С. Наденька // Современник. 1853. Т. 40. № 8. С. 137–182.

³⁰ Миркина Е. С. Указ. соч. С. 72–73.

³¹ Там же. С. 78–79..

воспроизводят реалии повседневности небогатых саратовских чиновников-дворян. Владелицей дома, согласно повествованию, была вдова вице-губернатора, средства которой были ограничены — она располагала пенсией мужа и «небольшим капиталом». Упоминание о том, что у ее дочери Наденьки не было «состояния», означает в данном случае отсутствие имения³². Такие подробности, как расположение дома «почти на самом краю города, в одной еще довольно проезжей улице» и то, что «соседи редко видели особенное освещение в окнах или множество экипажей у подъезда», указаны в качестве подтверждения авторской характеристики — жизнь владелицы дома «не показывала достатка»³³.

Согласно описанию, ее дом был деревянным одноэтажным, стоял на углу улицы и переулка. Главный вход в него располагался в застекленной галерее, которая выходила в переулок. Жукова указывает внешние приметы «довольства и избытка», которыми владелица дома Татьяна Алексеевна Черепкова старалась скрыть отсутствие «достатка». Дом и надворные постройки имели ухоженный вид, крыши были выкрашены, в окнах виднелись кисейные «занавесы», застекленная галерея была заставлена цветами. Насколько можно судить по замечаниям автора повести, «множество цветов и зелени» считались явным признаком благополучия³⁴. Жукова уделяет внимание и некоторым особенностям планировки дома, при этом она подчеркивает ее типичность: «...Столовая, гостиная с диваном в глубине комнаты и потом угловая, неизбежный коридор и чайная — все это было здесь, как и во всех домах в провинции...»³⁵. Жукова имеет в виду, конечно, дома дворян. По ходу повествования упоминаются и другие помещения — девичья, комнаты хозяйки и ее дочери, передняя.

Вполне естественно, что описание в художественном произведении не обладает степенью точности фиксационного чертежа или договора на постройку дома. Писательница не обращает внимания на то, что было хорошо известно читателям, она не упоминает о расположении кухни, о помещениях, в которых жила мужская прислуга. В то же время, Жукова придает особое значение деталям оформления интерьера. Таких подробностей мы не встретим в актах и в технической документации: «...полы, во всех комнатах крашенные, с ковровыми половиками, лоснились как паркет, белые занавеси у окон, незатейливые, но чистые обои, фортепьяно, два большие прекрасные олеандра в цвету и множество резеды и других душистых растений...»³⁶. Жукова останавливается на этих деталях, чтобы сделать заключение: «...все это показывало требования порядочной жизни,

³² Жукова М. С. Указ. соч. С. 115, 123.

³³ Там же. С. 103.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 104.

³⁶ Там же.

знакомой с чем-то лучшим»³⁷. В описании убранства дома очень мало сказано о мебели — только отдельные предметы оказались в поле зрения автора повести. Далее, по ходу рассказа, Жукова упоминает о том, что после смерти мужа Татьяна Алексеевна продала дорогую мебель и летние экипажи³⁸.

Читателю-современнику, очевидно, было несложно предположить, какова была «рядовая» обстановка небогатого дворянского дома. Что касается современного историка, то в его задачу входит восстановление недостающих деталей по другим источникам. Можно заметить, что избирательное отношение к описанию подробностей быта характерно не только для беллетристов, но и для мемуаристов. Обращаясь к произведению художественной прозы, мы знаем, что его автор включает в ткань своего повествования те детали предметного мира, которые могут характеризовать действующих лиц, пояснить причины их поступков. Тем не менее, сведения, которые мы находим в повести Жуковой, позволяют представить внешний вид и частично — интерьер небогатого дворянского дома в Саратове.

Таким образом, произведения художественной прозы писателей XIX в. могут служить источниками для изучения повседневности конкретного локуса и определенной социальной среды — например, дворянства в Саратове. При этом следует учитывать два важных момента. Необходимо иметь основания утверждать, что герои литературного произведения «погружены» в городскую среду, приметы которой напоминают облик Саратова изучаемой эпохи. Кроме того, важно знать, что автор этого произведения был хорошо знаком с городом и с подробностями жизни саратовцев. Если второй из названных моментов выясняется на основании изучения биографии писателя, то соотнесение «мира городской среды» произведения художественной прозы и среды реального города Саратова установить сложнее. Для этого можно обратиться к источникам иного характера, в которых запечатлены реалии губернского города середины XIX века.

³⁷ Жукова М. С. Указ. соч. С. 104.

³⁸ Там же. С. 116.

СРОЧНЫЙ МЕЩАНСКИЙ ПАСПОРТ И «ПРОЦЕДУРЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТИ»

Посмотреть по-новому на теорию повседневных практик позволяет германская исследовательская программа *Alltagsgeschichte*, которая предлагает по существу перевернуть логику исторического построения: отталкиваться не от постановки исследовательских задач, а от реконструкции социальных практик на микроуровне. В таком случае исследование будет представлять собой «историю снизу» глазами «маленького человека». «Маленький человек» или «слабый мира сего» - неизбежно обладает изобретательностью перед лицом стратегий «сильного», того, кто владеет театром «большой истории». Логика этой повседневной изобретательности «маленького человека» сводится к тому, что Мишель де Серто определяет как «способность обхитрить порядок»¹. «Обхитрить порядок» - не означает только лишь хитрость или лукавство. Это скорее всего практика использования продукции, анонимное творчество «потребителей порядка». Это не «учёная культура» государства и не «народная культура». А «рассеянное распространение» анонимных творений пользователей тех или иных государственных проектов. В нашем случае таким «государственным проектом» выступает внутренний срочный паспорт для лиц мещанского сословия.

Социальное пространство, выделенное для каждого сословия, представляло собой в определённой степени «отгороженное место дисциплинарной монотонности»². Каждому индивиду в этом пространстве отводилось своё место. В.Г.Чернуха в своих исследованиях о паспорте в дореволюционной России также отмечает, что «паспорт был введён в первую очередь для решения полицейских и налоговых задач»³, а также обращает внимание на то, что, в принципе, «как документ легитимационный, т.е. удостоверяющий личность его предъявителя, и одновременно разрешительный, подтверждающий право владельца на передвижение по стра-

¹ Де Серто М. Изобретение повседневности. Искусство делать. СПб., 2013. С. 43.

² Там же.

³ Чернуха В. Г. «Паспортный сбор» в России (1763-1897 гг.) // Страницы российской истории : проблемы, события, люди: сб. в честь Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2003. С. 223 ; Чернуха В. Г. Паспорт в России. 1719-1917 гг. СПб., 2007.

не... известен всему цивилизованному миру»⁴. Но в Западной Европе «с развитием в новое время торгово-экономических связей, предпринимательства, требовавшего мобильности населения... начинают отказываться от ограничений прав граждан и обязательности внутреннего паспорта»⁵. В России же, «письменные документы, такие, как выписки из метрических книг (церковно-приходских книг, в которые заносились данные о рождениях, свадьбах и смертях) и внутренние паспорта, которые регулировали проживание и перемещение в пределах империи, служили связующими нитями между отдельными подданными и правящим режимом»⁶. Большинство исследователей социальной истории мещанства отмечают стесненность данной социальной страты «мелочной бюрократической опекой»⁷.

Несмотря на то, что обязанность платить подати была укоренена в сознании мещан, тем не менее, экономическое положение большинства представителей данного сословия вызывало затруднения в своевременной уплате денежной повинности. Образовывался своего рода «порочный круг»: без уплаты податей – не выдавался паспорт, а без паспорта – невозможно было найти работу. Выдачей паспортов занимался мещанский староста, к нему обращались мещане с просьбой войти в их положение и помочь с паспортом. «Общение лицом к лицу является главной составляющей всех форм социального взаимодействия вне зависимости от масштабности контекста»⁸, при таком взаимодействии на микроуровне, особое значение приобретает язык письменных обращений «во власть» как средство передачи смыслов, который индивид берёт из своей повседневной рутины. При всей важности подобного источника, его достаточно трудно интерпретировать, так как «любой пустячный разговор труден для понимания»⁹.

В дореволюционном провинциальном городе мещанский староста был связан с мещанами города многочисленными нитями, которые официально не были отражены в законодательном плане. В пространстве империи мещанский староста – маленькая бюрократическая фигура, в пространстве личных и общественных связей провинциального города – это

⁴ Чернуха В. Г. Паспорт в Российской Империи: наблюдения над законодательством // Исторические записки. 2001. № 4 (122). С. 91.

⁵ Чернуха В. Г. Паспорт в Российской Империи. С. 91.

⁶ Стейнведер Ч. Создание социальных групп и определение социального статуса индивидуума: Идентификация по сословию, вероисповеданию и национальности в конце империалистического периода в России // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет. Волгоград, М., 2005. С. 618-633.

⁷ Смирнов И. Н. Мещанское сословие Области войска Донского в конце XIX – начале XX века: дис... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2007. С. 163.

⁸ Гидденс Э. Социология. С. 81.

⁹ Там же. С. 84.

большой человек, от которого зависит судьба мещанской семьи: паспорт, подати, рекрутство. Это доказывает стиль писем мещан к мещанскому старосте, носящих в середине и практически до конца XIX в. во многом личный характер. Так, например, самарский мещанин Соловьёв писал старосте в 1856 г. (сохранена орфография источника¹⁰): «Милостивый Государь!/Никанор Семёнович/ Пришла пора немедлинности на пересылку государственных податей, да и правда ныне так долго промедлил, в продчем была тому причина у нас по дому в семействе неблагополучно к большому прискорбию/ Почтенная наша маминька покинула нас и оставила навечно, отойдя в Будущий мир 25 декабря Но сколько ни грусти невозвратим этот путь для каждого/ итак Милостивый Государь Никанор Семёнович всепокорнейшею просьбою обращаюсь к вам на взнос податей при сём посылаю денег с серноводским полицейским солдатом петром Емельяновым 10 руб. серебром За сей текущий год, а недоимка 7 руб....А теперь потрудитесь выправить два паспорта мне и сыну Сашеньке Зделайте милость ради Бога...»¹¹. Мещанские обращения «во власть», как мы видим из вышеприведённого источника, отличается достаточно сильный эмоциональный фон, в котором преобладают эмоции страха, граничащего с отчаянием, и своего рода «крик» о помощи. В наступающий век индивидуализма, когда в городском пространстве уже пошатнулись традиционные основы общества - религия и микросообщество (семья, община)¹² - мещанское письмо отражает нарастающую тревожность и упование на традицию, выраженную как в патриархальном доверии к общинным лидерам, так и в религиозном сознании, имплицитно присутствующем в тексте письма.

Мещане были разбросаны промыслами, нуждой, обстоятельствами по разным городам империи. Связующие нити писем с просьбой о высылке паспорта демонстрируют поле интреакций, создающее смысл города как дома. «Ваше степенство, - пишет неизвестный мещанин - Милостивый Государь / Обнадёживаясь на ваше человеколюбие и добродушие к увечным людям простите чистосердечно ...прибегнуть к вам милостивый государь с усерднейшею моею просьбою не оставит исходатайствовать прислать мне

¹⁰ И. В. Нарский в разделе «Технические замечания», предваряющем его монографию «Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг.» замечает, что «при обилии развёрнутого цитирования, оправданного неизвестностью большинства документов и жанром самого исследования, описки, опечатки, грамматические и пунктуационные ошибки исправлены без оговорок...» (*Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001. С.8*). Мы же сознательно сохраняем орфографию источника, в частности, того эпистолярного наследия мещанства, которое оказалось сохранённым в составе делопроизводственной документации, так как практически нет другого пути уловить вербальные особенности мещанской речи.

¹¹ ГУСО ЦГАСО ф. 217, оп. 1, д. 26, л. 4 а-4 б об.

¹² *Плампер Я. Эмоции в русской истории // Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций. М., 2010. С. 16.*

на годное здесь в г.Казани проживание годовой паспорт...»¹³. «Новокрещённый богомолец из татар» Иван Гаврилов в 1861 г. писал из Нижнего Новгорода в Самару: «Милостивый государь / Степан Григорьевич! Во первых позвольте Вас поздравить с Новым годом и пожелать вам доброго здоровья всякого благополучия...в делах ваших служебных, будучи всегда уверен на доброту души вашей и расположение...не лишите меня радушным расположением и не оставите моей просьбы Продолжая путь свой...бывши у Соловецких чудотворцев и за молитвами вашими возвратился до Нижнего Новгорода, где чувствую себя обязанным править новый вид...выправить паспорт...»¹⁴. Интересно, что значительное количество писем содержит поздравления должностных лиц с Новым годом: «Милостивый государь Василий Ефимович! Имею честь поздравить Вас с новым годом и новым счастьем Желаю Вам ровно начальству Вашему от бога доброго здравия в делах ваших счастливого успеха»¹⁵.

Люди мещанского сословия очень чётко осознавали водораздел между легитимным существованием по паспорту и миром «безписьменных» бродяг. Стоило оказаться где-нибудь вне места приписки с просроченным паспортом, как мещанин сразу попадал в категорию «праздношатающегося» и мог быть арестован полицейскими служащими, как это произошло с симбирскими мещанами П. Струкиным и И. Сыровым¹⁶. А симбирская мещанская девица А. Ф. Чурбанова писала в думу возмущённое послание: «Прошлого 1873 г. через нижегородскую губернскую почтовую контору мною были посланы деньги 2 руб. серебром в Симбирскую городскую думу на высылку мне на проживание в Нижнем Новгороде письменного вида». Так как Чурбанова не получила ни вида, ни денег, она фактически угрожает: «... как известно Городской Думе, что проживать в чужих губерниях без паспортов очень опасно...в противном случае я вынуждена найдусь утруждать Начальника Симбирской губернии»¹⁷.

До самого конца сословной истории в России после смерти владельцев паспорта возвращались в родные мещанские управы¹⁸. Ближе к концу сословной истории, у мещан преобладают бессрочные паспорта¹⁹. Женщинам управа выдавала паспорта с осторожностью, в тексте видов на жительство печатая: «Предъявительница сего вдова отставного рядового... причисленная в общество саратовских мещан...есть действительно законная жена... дозволяется ей свободно проживать во всех городах Российской

¹³ ГУСО ЦГАСО, ф. 217, оп. 1, д. 43, л. 711 об.

¹⁴ Там же, л. 712 об.

¹⁵ Там же, л. 729 – 730.

¹⁶ ОГБУ ГАУО, ф. 143, оп. 1, д. 56, л. 9.

¹⁷ Там же, л. 52.

¹⁸ Там же, д. 2799, л. 5.

¹⁹ Там же, л. 37-387.

Империи, причём должна она вести себя добропорядочно, от всяких законно-противных поступков воздерживаться»²⁰.

Человеческая субъективность, отражённая в письме, позволяет рассмотреть конкретного индивида в сочетании свойств, приобщающих его к окружающим и отличающих от них. По следующему письму трудно определить возраст просителя – но в любом случае, перед нами – два самых близких существа, прижавшихся друг к другу на чужбине, мать и сын, чья жизнь опять-таки напрямую связана с паспортом и чиновником самарского пространства, которое они покинули, но с которым продолжают быть тесно связаны «бумажной повседневностью»: «Милостивый государь / Лев Алексеевич / Мы Фалимон Владимиров и моя маминька Марфа Ивановна просим Вас бути так добры для нещасных нас дайте увольнение моей маменьки Марфе ивановой и мы посылаем Вам старый паспорт Вы знаете что жить без всякого вида нельзя будте так добры пришлите как можно скорее / Пришлите нам в г. Туринск Тобольской губ. Василью Кузьмич Теплеву мещанину»²¹.

Система паспортного контроля над населением, отражённая в делопроизводстве дум и управ, позволяет проникнуть и в мир межличностных внутрисемейных отношений мещанства. Так как женщины должны были вписываться в паспорта своих мужей, то паспорт становился ещё одной формой дисциплинарного контроля и проявлений власти, уже не на имперском, а на семейном уровне. Мужья и жёны использовали этот механизм для манипуляций своими «вторыми половинами», хотя надо отметить, что зачастую ими управляли не «роковые страсти», а элементарные экономические интересы, связанные с необходимостью выжить, прокормить себя и детей (в отношении женщин, а мужа зачастую демонстрировали свой скверный нрав или ущемлённое самолюбие). В 1898 г. самарский мещанин Парамон Прянишников написал заявление на имя мещанского старосты: «Имею честь просить Ваше степенство законной моей жене Елене васильевне Прянишниковой Невыдавать Положительно ни какого Письменного вида на жительство не только в иногородни места но и в самом городе Самаре без моего нато Письменного согласия или личной явки в Мещанскую управу в следствии ея Елены Прянишниковой безнравственного поведения...(2 февраля 1898 г)»²². 8 августа 1898 г. на имя самарского губернатора поступило прошение от самарской мещанки Е. В. Прянишниковой: «Муж мой самарский мещанин Парамон Николаев Прянишников, вот уже четвёртый год, как бросил меня, не давая мне не только что на прокормление, но постоянно бил меня, в виду чего и не имея

²⁰ ГАСО, ф. 94, оп. 1, д. 2799, л. 218.

²¹ ГУСО ЦГАСО, ф. 217, оп. 1, д. 26, л. 1403.

²² Там же, д. 306, л. 17.

при себе какого либо документа, я нахожусь в крайне безвыходном положении, а потому желая поступить куда либо на место и там добывать себе средства к жизни, я обратилась в самарскую мещанскую управу с просьбой о выдаче мне свидетельства на проживание, но Управа в выдаче мне такового отказала, требуя на то согласие мужа, тогда как я и сама не знаю где он в настоящее время находится. Объяснив такое моё безвыходное положение Вашему Превосходительству я имею честь покорнейше просить о производстве о вышеозначенном полицейского дознания...»²³. 3 сентября 1898 г. из самарского губернского правления в мещанскую управу пришло распоряжение о выдаче мещанке Прянишниковой паспорта, ввиду того, что её муж «в настоящее время в безвестной отлучке и два года не получал паспорта»²⁴. В 1892 г. в самарскую мещанскую управу поступило заявление от мещанки Ефросиньи Кузьминой Гнеушевой с просьбой вернуть ей блудного мужа, уехавшего вместе с цирком, на основании того, что он проживает без вида на жительство: « Муж мой...в настоящее время как мне известно из письма г. Управляющего Цирком Никитина-Миссури находится в г.Киеве при цирке Никитина шорником без всякого документа на жительство несмотря на то, что мною неоднократно были подаваемы прошения г. Харьковскому и Курскому полицмейстерам, Самарскому и курскому губернаторам и в Самарскую мещанскую управу ...Покорнейше прошу Ваше высокоблагородие сделать зависящее распоряжение о немедленной высылке мужа моего...в Самару как не имеющего никакого вида на жительство...»²⁵.

Обращает на себя внимание значительное количество дел, связанных с нарушением патриархальной нравственности в мещанских семьях середины и второй половины XIX века. Родители, оставленные детьми без всякой помощи в старости, избиваемые, оскорбляемые – пишут жалобы в думу и управу, пытаясь использовать в качестве механизма воздействия на своих отпрысков рекрутство или паспорт. Арина Гурьянова, самарская мещанка в 1858 г. писала мещанскому старосте: «Ваше степенство / при сём условии представляю до вас всепокорнейшую мою просьбу возбудить начальное разбирательство при требовании паспорта с моего сына Павла Гурьянова взять денег на пропитание моё присылкою в город Уральск...»²⁶. После вмешательства властей Гурьянов дал подписку «родительнице своей, ...в том, что обязуюсь я ей родительнице моей давать на пропитание каждый год 45 руб. серебром и за родителя моего самарского мещанина Никиту Иванова подушные ежегодно уплачивать и паспорт каждый год

²³ ГУСО ЦГАСО, ф. 217, оп. 1, д. 306, л. 20.

²⁴ Там же, л. 18.

²⁵ Там же, д. 270, л. 36.

²⁶ Там же, д. 32, л. 226.

выправлять на свой щёт с тем чтобы мне на промысленности своей мыт от ния особо если сие я обязанности свои не исполню то вольна она родительница моя поступить со мною по её родительской власти. В том подписуюсь»²⁷. Самарская мещанка Марфа Шахаткина в 1887 г. писала в мещанскую управу, чтобы сыну её, без её ведома никаких документов на отлучку не выдавали и прибавляется новый персонаж мещанской повседневности, нотариус, для которого сыну также не выдавать никаких документов²⁸.

С паспортом связаны и такие «фабульные мотивы» мещанской повседневности как «покинуть дом» - «вернуться в дом». «Покинуть дом» - «при прохождении определённого жизненного этапа (*rite de passage*) и обретения нового дома – как совершеннолетие, женитьба, переезд или смерть, или ... в результате конфликта – оказавшись беглецом или пленником, или превратившись в бездомного бродягу, или ища себе новый дом; и, наконец, ...отправившись в гости...»²⁹. «Вернуться в дом» - «...возвращение прежде потерянных членов семьи (как Одиссей или евангельский блудный сын)...»³⁰. В развитии «русской домашней культуры»³¹ сложились различные мифологические образы дома, исходя из субкультурной и сословной стратификации общества: усадебный вариант «дворянского гнезда», купеческий дом с его традиционным укладом, «Домострой» и т.д. Миф мещанского дома – ускользающий, не обоснованный в достаточной степени в культуре, за исключением карикатурных деталей: канарейка, фикус, буфет и т.д. Поэтому, если рассматривать паспорт не только как документ, удостоверяющий личность, а как символ домашнего мира, как один из элементов микрокосма мещанского дома, то любые события, связанные с паспортом, будут являться своего рода конфликтным пространством, актуализирующим наполнение повседневности событиями, порой носящими драматический характер. Самарский мещанин Иван Николаевич Барышников отправил своему брату Михаилу Николаевичу в г. Енисейск на золотые прииски «купцов Рязановых, Мошаровых и К» полугодовой паспорт через Енисейскую городскую полицию. Проходит год. Семья не получает никаких вестей от Михаила. Тогда, понимая, что для проживания вне Самары необходим уже новый паспорт, Иван отправляет ещё одно письмо в енисейскую полицию с приложенным к нему письмом от отца. Отец писал: «Милый сын / Во первых строках посылаю тебе своё родительское благословение которое для тебя будет полезно...Я...не могу понять милый сыночек почему я от тебя и до сего времени не могу получить никакой (весточки) ...где ты в настоящее время служишь...Это для меня

²⁷ ГУСО ЦГАСО, ф. 217, оп. 1, д. 33, л. 227-227 об.

²⁸ Там же, д. 235, л. 104.

²⁹ Баак Й. Ван. Дом и мир. С. 67.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 69.

горько ...Нынче...я получил сведения о тебе что ты ещё существуешь на белом свете, от Ивана максимовича который мне сообщил сведения о тебе, но я милый сын ни письма ни денег ничего от тебя...прошу тебя приезжай ты ради Бога сам хоть избавишь ты меня от престоющей скорби о тебе прими милый сыночек от меня почтение да от брата твоего Ивана Николаевича и супруги Марьи ...почтение от сестры брата и супруги...от детей наших почтение...». На конверте отец что-то ещё неразборчиво дописал о «проклятой Сибири» и просьба возвращаться домой³². Через какое-то время письмо отца возвращается из Енисейска в Самару с припиской на конверте: «Михайло Николаевич приказал всем своим знакомым долго жить, который уже помер как год тому назад»³³. Иван пишет новое письмо в Енисейск с просьбой разобраться, так как «в справедливости её (приписки на конверте о смерти Михаила – З.К.) сомневаюсь, полагаю что если бы он действительно помер, то хозяева его, вероятно, паспорт его, хотя и просроченный, обратно бы для уничтожения в думу (отправили)»³⁴. Обращает на себя внимание вера мещан в документ. Приписка от неизвестного лица, носящая частный характер, уступает вере мещан в бюрократическую процедуру возвращения паспорта умершего в своё родное мещанское общество. Раз паспорт не вернулся, значит жив.

После городской реформы 1870 г. лицо города принципиально поменялось и вместе с ним поменялись связи и взаимодействия, определявшие мещанский быт. Меняется лицо и провинциального бюрократа: он становится менее патриархален, более дистанцирован от мещанского сообщества. Многие дела начинают решаться через поверенных³⁵. С другой стороны, продолжали поступать по-прежнему патриархальные прошения от стариков-мещан с просьбами через паспорта воздействовать на их детей³⁶. И мещане предприниматели продолжали использовать всё тот же личный стиль письменного обращения во власть. Самарский мещанин Н. В. Гороховский, владелец сыроваренного завода, расположенного в Пензенской губернии, писал: «Милостивый государь Алексей Ильич! Описываю Вам своё несчастное положение. Хотя вы и не виноваты, извините, что я вас затрудняю. Прошу вас как родного отца, наведите справки, где в настоящее время находится паспорт и пришлите почтовую квитанцию отправленного паспорта, ещё прошу вас, если он отослан по ошибке, то попросите мещанскую управу, выдать копию, чтобы можно было мне проехать в Петербург, хотя на 15 дней Товар у меня отправлен и с того времени как с Вами видался, а сам живу в Пензе А из дому получил 4 телеграммы что

³² ГУСО ЦГАСО, ф. 170, оп.6, д. 621, л. 215-217.

³³ Там же, л. 217.

³⁴ Там же, л. 215-215 об.

³⁵ Там же, ф. 217, оп. 1, д. 88, л. 48.

³⁶ Там же, л. 144.

паспорта нет. Прошу Вас уведомите меня телеграммой тотчас же по получении сего письма какая причина что будет стоить, запишите в мой счёт...»³⁷. В письме появляются новые интонации и знаки времени: «прошу вас уведомить меня телеграммой», «что будет стоить», «запишите в мой счёт», а также личная печать в конце письма. Было проведено расследование и выяснилось, что виновата в исчезновении паспорта почтовая контора, по ошибке отправившая его паспорт в Ташкент³⁸.

Таким образом, реконструкция повседневных практик мещан, связанных с необходимостью иметь срочный паспорт, показала, что, стремясь приспособиться и выжить в условиях паспортной зависимости, «маленькие люди» на уровне повседневности проявляли так называемое *Eigensinn*, «своевольное упрямство», когда ничего не отвергая и не меняя, они подрывали изнутри существующий порядок самими способами его использования, связанными с целями и референциями, чуждыми той системе, от которой они не могли ускользнуть. Использование ими господствующего порядка осуществлялось в обход власти, которую у них не было сил отвергнуть: они уклонялись от неё, оставаясь внутри сферы её действия.

³⁷ ГУСО ЦГАСО, ф. 153, оп. 1, д. 85, л. 255-259.

³⁸ Там же, ф. 153, оп. 1, д. 85, л. 257.

Д.Г. Дмитриенко

РОСПИСИ ГОРОДСКОГО ДЕРЕВЯННОГО ОСОБНЯКА РУБЕЖА XIX – XX В. В САРАТОВЕ

История улицы Соколовой берет свое начало в первой четверти XIX века¹, когда Саратов начал активно расти и шириться, и склон Соколовой горы опоясался лентой новой улицы.

Ветхий, глубоко вросший в землю, двухэтажный домик. Некогда он был богатым городским особняком. Внешне от бывшего великолепия не осталось и следа. Зато внутри дома сохранились чудесные росписи, выполненные предположительно в конце XIX – начале XX века и относящиеся ко времени его постройки.

На росписи этого особняка автору данной статьи указал родственник, который видел их в 1980-е годы. По счастливой случайности живопись сохранилась до наших дней.

В доме расписана одна комната на втором этаже, которая в изначальной планировке служила, вероятно, центральным помещением дома. Комната расположилась буквой «Г» вокруг печи. Красочное убранство её интерьера говорит о том, что комната была парадной.

В комнате расписаны стены и потолок. Стены украшены семью сюжетными картинами-панно, обрамленными иллюзорными орнаментальными бордюрами. Потолок увит гирляндой из цветов и листьев. Тематика росписей представлена двумя направлениями: сцены охоты формата панно и два круглых медальона с библейскими сюжетами.

Домовая роспись – явление не характерное для Поволжья, чаще её можно встретить на Урале или Русском Севере (и там роспись украшает чаще всего крестьянские дома)². В Саратовской области известен лишь один расписной дом – «Дом со львом»³. Он находится в селе Поповка, Хвалынского района и является, скорее, редким исключением домовая крестья-

¹ Максимов Е. К. Имя твоей улицы. – Саратов, 2008. С. 145.

² Мильчик М. И. Расписные дома Русского Севера: Поважье // Тальцы, №3 (22), 2004. // URL: <http://www.pribaikal.ru/talci-item/article/2167.html?print=1> (дата обращения 20.04.15); Крестьянская живопись Поважья. Из собрания музеев Архангельской области. Каталог / Сост. Кольцова Т. М. – М., 2003. С. 11-31.

³ Бородина В. Домовая роспись в селе Поповка / Хвалынк-1. Приложение к журналу «Тектоника плюс». – Саратов, 2010. С. 55-59.

янской старообрядческой росписи в регионе Нижнего Поволжья. Исследуемый в данной статье дом вряд ли мог принадлежать крестьянам. Это хороший, добротный городской деревянный особняк, расположенный в центре города. Такой, скорее всего, мог себе позволить купец средней руки или разбогатевший мещанин.

Поднимаясь на второй этаж по деревянной лестнице, мы попадаем в анфиладу многочисленных комнат. И, пройдя все их, оказываемся в самой большой и красивой зале дома. В глаза бросаются большие по размеру композиции со сценами охоты.

На одной из картин изображена охота на дикую птицу. Двое охотников прицеливаются для выстрела, и вот стая птиц взлетела, испуганная громким звуком. Пес, изображенный в нижней части картины, уже бежит, утопая в высокой луговой траве, искать подбитую дичь.

Другая сцена изображает псовую охоту на волка. «Суть ее состояла в том, что двое охотников выезжали в степь на охоту, вооружившись только плетью. Этими плетью они и забивали свою жертву до смерти. <...>когда борзые уже настигли волка, одна из них приготовилась вцепиться в горло жертвы, а другая — в закрик, а охотник готов соскочить с коня и, схватив волка за заднюю лапу, вонзить клинок в левый бок»⁴.

На нашей росписи мы видим, как на сером коне, стремглав несётся всадник. Он изо всех сил подгоняет скакуна; конь летит, не касаясь копытами земли. Всадник направляется наперерез волку, которого уже загоняют псы. Художник рисует нам картину за мгновение до её кульминации. Это объясняется тем, что живописцам была чужда агрессивная и кровавая эстетика охоты. Поэтому они выбирали для изображения момент до непосредственного убийства. Это высший момент напряжения и наибольший накал страстей. Такой сюжет делал сцену охоты более динамичной и менее кровавой.

Третья роспись тоже относится к охотничьей тематике, но изображает не сам момент травли дикого зверя. Это вертикальная, в отличие от предыдущих двух, композиция рисует мир дикой природы. Жанр охоты требовал от художников великолепно знать повадки диких животных и птиц, точно передавать особенности их движений и поведения. Эти картины — наблюдения охотников за дичью.

На росписи в нашем доме изображен поединок двух тетеревов. Оба соперника сближаются, пригибают голову к земле и, подсакивая почти вертикально, бросаются друг на друга. Тетерева кружатся на месте, переступая с ноги на ногу, вытягивают шеи, веерообразно раскрывают хвост.

⁴ Охотничья тема в русском искусстве. Журнал "Антик.Инфо", 2006 // Интернет-портал «Артпоиск», URL: http://artpoisk.info/article/ohotnich_ya_tema_v_russkom_iskusstve/page/1/ (дата обращения 14.03.15).

Несмотря на ожесточённую схватку, оба петуха целы и невредимы. Поединок происходит на рассвете, как и положено на току. Художник, писавший эти сцены, явно хорошо знал охотничье дело; он достоверно передает все детали сюжета.

Тематика охоты приобретает особую популярность в отечественном искусстве во второй половине XIX века. Этот жанр позволял соединить изображение живописного пейзажа с динамичным сюжетом охоты, а также показать на холсте жизнь дикой природы. Подобные сцены мы часто встречаем у художников-охотников. Например, у графа Владимира Муравьева. В них особое внимание уделяется пейзажу, который окружает зверей. В комнате есть еще одна роспись на тему охоты, но она скрыта за мебелью хозяев дома.

Помимо картин с охотой в комнате есть сюжеты на религиозную тематику. Новозаветные сцены помещены на двух стенах симметрично от левого угла. В двух небольших медальонах, окаймленных золотой лентой, изображены сцены «Моление о чаше» и «Бегство в Египет». Удивительно наличие этих сюжетов среди росписей, в которых доминирует тематика охоты. Можно предположить, что эти медальоны украшали красный угол.

Не возникает сомнений, что росписи были выполнены до 1917 года. Характер изображений и выбор описанных сюжетов говорят о принадлежности заказчика росписей к тому социальному слою, который мог себе позволить купить или построить такой просторный и богатый дом. А наличие в нем росписей свидетельствует о щепетильности его владельца: люди стремились подчеркнуть, что их дом особенный и выделяется среди тысячи подобных (на той же Соколовой улице). Владеть этим особняком вполне могла зажиточная мещанская семья. А на характер его убранства повлияли условия нового времени: «...в городском пространстве начала XX в. начинает доминировать некая сословная респектабельность: владение домом, хозяйственная, торговая, общественная деятельность»⁵. Для мещан дом становится еще и формой утверждения своих этических принципов в уверенно освоенном пространстве города. Исследователь мещанской культуры З. М. Кобозева пишет: «...мещанство утверждает в городе, завоёвывает своё сословное... пространство как некую маргинальную респектабельность, которую давало владение дворовым местом и домом (даже если это ветхая изба)»⁶. Так, «по мере развития цивилизационного

⁵ Кобозева З. М. Мещанская сословная идентичность «в плену» интеллектуальных конструктов. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 14, № 3, 2012. С. 165.

⁶ Она же. «Золотой век» мещанства: мещанская городская повседневность в 50–60-е годы XIX века. // Известия Саратовского университета. Новая серия, т. 12, 2012. - История. Международные отношения, вып. 4. С. 42.

процесса ... индивидуалистические аспекты жизни в доме приобретают всё большую значимость, порождая идеи уединения, комфорта, вообще домашнего быта ... воспринимаемый таким образом дом становится поэтому не только укрытием и приютом, но ещё и «удобством и удовольствием»⁷. Бидермайер становится стилем жизни мещанства.

Говоря о технике работы художника, нужно отметить не самый высокий профессионализм живописи. Вероятно, здесь работал художник-самоучка. В его манере заметно влияние академической живописи, но выполнено оно «народной» рукой. Художник пишет объекты композиции несколько обобщенно, большими цветовыми плоскостями: лес – это зелено-коричневое пятно с обозначенными спереди стволами, луг – растяжка охристых тонов, на которой мелкими мазками поверх вырисована трава, полевые цветы – точки кистью, крона дерева – растушёвка зеленых тонов. Манера живописца условна. Но композиционное построение его росписей выполнено грамотно. Например, чтобы передать динамику движения всадника на коне, художник строит композицию по диагонали, обозначая так линию движения фигур. Этой же цели служит здесь и высоко поднятая линия горизонта.

В сцене с тетеревами художник строит композицию по принципу театральной сцены. Таким образом, птицы, словно выступают перед зрителем, а кулисами и театральным задником им служат деревья по бокам и лес на заднем плане.

В композиции «Бегство в Египет» святое семейство изображено на фоне неба за счёт низко опущенного горизонта. Так, фигуры святых возвышаются над долиной, трудный путь которой они только что преодолели.

Цветовое решение колорита в пейзажных декорациях осуществлялось путем набора основных тонов – зеленый, охра, голубой. Палитра цвета строится на многочисленных тонах и полутонах преобладающих цветов. Живопись очень плотная. Краски наносились в несколько слоёв: сначала заполнялись основные цветовые плоскости, поверх них рисовались детали, которые в свою очередь завершались бликами и оживками. Раздельными мазками выписывались условности: веточки деревьев, оперение птиц, трава. Такая многослойность живописи при гладкой её поверхности создает ощущение рельефности.

Живопись художника дома отличается большой индивидуальностью и оторванностью от народных примитивных корней. Мастер варьирует стилиевые приемы, используя чисто живописную лепку формы, обобщение масс и тонкую прорисовку деталей. Это свидетельствует о некоторой ака-

⁷ *Ванн Баак Й.* Дом и мир // Антропология культуры. Вып. 3. М., 2005. С. 40–41. Цит. по: *Кобозева З.М.* «Золотой век» мещанства: мещанская городская повседневность в 50–60-е годы XIX века. С. 42.

демической выучке художника, которую он мог получить в одной из саратовских рисовальных школ. В период с кон. XIX по нач. XX века это могли быть или Боголюбовское рисовальное училище или Рисовальная школа при обществе любителей изящных искусств.

Все охотничьи панно заключены в пышные рамки альфрейной работы⁸: они имитируют фактуру лепнины и являются своеобразными декоративными обманками.

Объединяет пространство комнаты расписной потолок. Это незамысловатые цветочно-растительные композиции, повторяющие форму залы и обвивающие лепные розетки. Цветочная кайма орнамента из крупных цветков непринужденно стелется по белой плоскости потолка.

Печь с двух сторон украшена лепными медальонами, на которых изображены охотничьи трофеи: тушки диких птиц и лани. Центральная часть медальона и детали на его рамке окрашены в золото, что вторит узкому золотому карнизу по периметру комнаты.

Все росписи выполнены масляными красками по сухой штукатурке. Удивительно, но живопись, выполненная, предположительно, в конце XIX – начале XX века сохранилась в очень хорошем состоянии. При том, что сама постройка дома изрядно обветшала. Наблюдается прочная связь штукатурного грунта с дранкой и деревом стен; это залог того, что на росписях практически нет трещин и кракелюра.

«Сам факт присутствия декоративных росписей на штукатурке, исполненных маслом на стенах деревянного дома и техника альфрейной живописи представляет собой необычное явление для художественной культуры провинциальной России XIX в.», - пишет реставратор Соколова⁹. О. А. Соколова занималась реставрацией росписей деревянного городского особняка в городе Вологда. Сегодня это единственный ближайший аналог для исследуемого саратовского дома. Площадь расписанной поверхности, характер и техника живописи, выбранные сюжеты позволяют сравнивать два эти памятника. В вологодском доме также сохранились масляные росписи нескольких залов. Их сюжеты воспроизводят популярные в XIX веке сельские пейзажи, альфрейные работы имитируют мрамор и лепнину. По

⁸Альфрейные работы - это комплекс техник и приёмов декоративной росписи интерьеров, которые выполняются по сухой готовой поверхности. В альфрейной работе декоративное оформление интерьера сочетается с художественной имитацией различных видов фактур.

⁹Соколова О. А. Настенная масляная живопись в декоративном убранстве одного из деревянных домов первой четверти XIX века в г. Вологда. Экспертиза объектов культурного наследия: Темпера и масляная живопись. – М.: Министерство культуры РФ, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2008. – Вып. 1 // URL: <http://cultinfo.ru/nasledie/sokolova.htm> (дата обращения 12.04.15).

архивным документам известно, что этот дом принадлежал купцу второй гильдии. Росписи вологодского дома отличаются от саратовских большим профессионализмом исполнения. Сравнение двух этих памятников явно выдает различия в социальном статусе хозяев двух домов. Разница в качестве и художественном достоинстве росписей этих особняков также подчеркивает различный культурный уровень двух провинций. Близость к столице и другим художественным центрам обеспечила вологодскому дому более изящное живописное убранство.

Роспись исследуемого дома представляет ярчайший пример декоративной провинциальной живописи в интерьере деревянного городского особняка. На сегодняшний день этот дом является жилым и находится в частной собственности. Поэтому проведение в нём консервационных и реставрационных работ невозможно. В семье хозяев дома бытует легенда о том, что росписи выполнил сам первый его владелец.

**САРАТОВ И ФЕДИНЫ.
МЕСТА ПРОЖИВАНИЯ И ДОМОВЛАДЕНИЯ – НОВЫЕ ФАКТЫ**

Творчество писателя, академика Константина Александровича Федина, всегда вызывало большой интерес в Саратове. Существует огромная научная литература, включающая исследования всех сторон жизни писателя в Саратове, хотя Федин покинул родной город ещё юношей. К концу 1930-х годов ушли из жизни все его близкие. Не осталось людей, которые могли бы помочь в отыскании фактов из жизни К. А. Федина в Саратове и, поэтому, каждый найденный документ становится важным в понимании всего творчества писателя, основанного, в том числе и на отдельных моментах его собственной биографии.

Родители Кости Федина были, по его словам, из небогатых людей и часто меняли квартиры, пытаясь лучше обустроиться, но это всё были, как писал Федин, «маленькие «флигерьки» в районе Волги»¹.

Родители писателя – Александр Ерофеевич и Анна Павловна Федины

¹ Рассохин Г. Памятные места К.А.Федина в Саратове // Фединские чтения: Сб. статей. Саратов, 1988. С. 14.

С его слов племянник писателя, Геннадий Рассохин, насчитал 11 адресов в Саратове, «в которых семья то ютилась, то «проживала» в Саратове со времени моего появления на свет». Попробуем дополнить фактами эти сведения.

Что же запомнилось юному Косте в раннем возрасте? Маленького дворового флигеля на Большой Сергиевской (Чернышевского) улице, в котором он родился, напротив Сергиевской церкви, не было уже даже в 1921 году, когда Федин стал регулярно приезжать в Саратов. *«Мать говорила, что он как-то исчез: то ли завалился, то ли сгорел, не знаю. Но где-то около Сергиевской церкви я и появился на свет...»*².

Большая Сергиевская улица около Сергиевской церкви

Второй адрес, упомянутый Фединым, так же исчез с лица города. *«Я начал себя помнить с четырех лет. Мы жили тогда на Плац-параде - большой пыльной площади, где в длину приземистых артиллерийских колюшен стояли зеленые батарейные орудия, издали направленные дулами на наш деревянный «флигер» в три окошка. Отлично вижу прохаживающегося перед пушками солдата при шашке наголо и крупных короткохвостых коней, которых гоняют на корде в облаке пыли»*³.

² Бугаенко П. А. Константин Федин. Личность. Творчество. ПКИ. 1980. // Фединские чтения: Сб. статей. Саратов, 1988. С. 17.

³ Федин К. А. Автобиография 1952 года.

Артиллерийские конюшни на Плац-параде

Ещё один адрес К. А.Федин не смог уточнить, даже побывав несколько раз в Саратове. Не то улица Белоглинская улица, не то Угодниковская (ныне Ульяновская).

А вот следующий адрес даёт нам некоторые представления о предпочтениях семьи Фединых в найме квартир. Сохранился небольшой двухэтажный дом № 38 по бывшей Царицынской (ныне Первомайской) улице,

где семья Фединых, по словам писателя, жила с 1897-1898 (приблизительно) по 1901 год. Это один из трёх сохранившихся в наши дни домов, где проходили детские и юношеские годы писателя.

Дом № 38 на улице Первомайской

Отсюда Константин пошёл в училище, здесь же, по его выражению, стал «тянуть смычек». С 1899 по 1907 год Константин ходил заниматься скрипкой в дом Л. И. Кариной на углу Московской и Гимназической (Некрасова) улиц к скрипачу Я. М. Гольдмену (Гольдману?), тому самому еврейско-музыканту, которого ему пришлось спасать от погромщиков под лестницей в Смурском переулке в 1905 году.

Дом Л.И.Кариной на улице Московской, 45

Но снимала ли семья Фединых квартиру на Царицынской? В фонде Саратовского Биржевого Комитета сохранились «Списки владельцев имущества на 1879 год». Так вот, по Царицынской улице, в 283-м планном квартале, ограниченном современными улицами: Первомайской, Октябрьской, Соляной и Мичурина, в этих «Списках...» отмечено домовладение мещанина А. Е. Федина с оценкой домовладения в 170 рублей⁴. То есть, ещё за 13 лет до рождения сына, Федины уже являлись владельцами дворового места со всеми жилыми и нежилыми постройками на нём. Надо сказать, что многие саратовцы, с целью получения дохода, предпочитали сдавать свои домовладения в аренду, а сами снимали квартиру в другом месте. В данном случае, это один из ранних адресов собственного жилья семьи Фединых. Можно ещё отметить, что на этом же отрезке Царицынской улицы было домовладение Алякринских, а мать писателя была родом из этой семьи⁵. Кроме этого, в конце 1890-х, начале 1900-х годов. Александр Ерофеевич владел дворовым местом на Полтавской площади (площадь Детского парка), по линии Рабочей улицы, так как 3.07.1897 года мещанин А. Е. Федин (*«проживает на Царицынской улице в своем доме»*), подписал договор о займе 1800 рублей у купца П. Г. Бестужева. В обеспечение займа А. Е. Федин заложил принадлежащее ему домовладение, состоящее в 81 планном квартале на углу Полтавской площади и Царёвской (Пугачёва) улице под № 85, купленным в июле того же года⁶.

Документы последующих годов показывают, что домовладение на Полтавской площади всё также числилось за ним⁷. Даже в 1917 году оно сдавалось М. К. Плотицыну и М. И. Трофимовой⁸. Конечно, это было просто вложением капитала в недвижимость, с целью извлечения дохода от аренды. К сожалению и этот дом не сохранился, там потом была территория завода «Серп и молот». Удивительно, что в «Общем списке плательщиков государственного налога на недвижимое имущество» за 1917-1918 года указано о том, что в 1917 году ещё одно домовладение, под № 29 на той же Полтавской площади, было за А. Е. Фединым и перешло от него к В. Ф. Скорнякову⁹.

Ещё один «фединский» адрес – *«Ильинская, близ Константиновской, дом Загрекова»*. Это уже годы 1901-1904. Фамилия Загрековых в Саратове была довольно известна. Достаточно сказать, что купец Загреков был владельцем двухэтажного дома на углу Немецкой и Никольской (Радищева) улиц, перестроенного потом купцом И. Г. Кузнецовым. В совет-

⁴ ГАСО, ф. 170, оп. 1, д. 483, л. 32 об.-33; ф. 428, оп. 1, д. 832, л. 168 об.

⁵ Там же, ф. 428, оп. 1, д. 509, л. 119; д. 526, л. 122.

⁶ Там же, д. 543, л. 22.

⁷ Там же, д. 659, л. 167.

⁸ Там же, л. 170.

⁹ Там же, ф. 4 оп. 1, д. 3901, л. 173.

ское время это был дом с «Гастрономом», на месте которого сейчас музыкальный фонтан перед консерваторией. На улице Ильинской (Чапаева), между улицами Советской и Сакко и Ванцетти, Загрековы владели двумя смежными именьями.

Перекрёсток улиц Ильинская и Большая Кострижная (Сакко и Ванцетти)

В середине отрезка улицы Ильинской – дома Загрековых

Семья Загрековых была дружная и, по свидетельству очевидцев, очень творчески настроенная. Детям прививали художественный вкус, по вечерам в доме играла музыка, отец, Александр Николаевич, немного рисовал.

Загрековы с детьми: Колей, Наташей и Борисом. 1905 г.

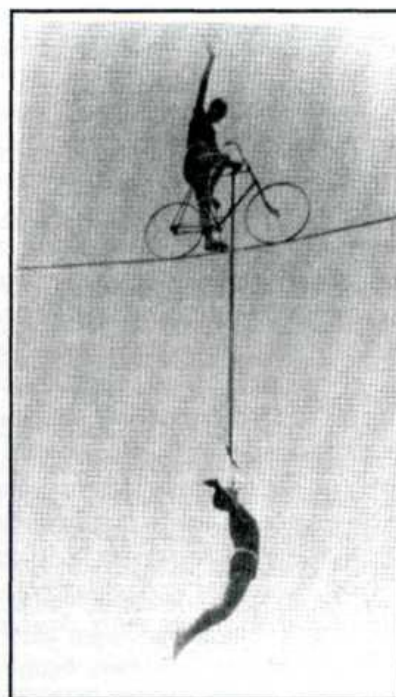
Ещё в раннем возрасте взял в руки цветные карандаши и сын домовладельцев, Николай Александрович Загреков (1897-1992), будущий художник и архитектор, видный представитель направления немецкой «новой вещественности», профессор, обладатель звания VIP за вклад в искусство Германии (1973), академик Итальянской Академии искусств (1979), обладатель высшей награды ФРГ – «Почётного креста за заслуги» перед страной в области искусства (1979), лауреат премии «Золотая пальмовая ветвь Европы» (1986)¹⁰.

Н. А. Загреков учился в Боголюбовском рисовальном училище (БРУ) у Ф. М. Корнеева (1914-1918), затем в Высших государственных свободных художественных мастерских у А. Е. Карева и про-

¹⁰ Медведко О. Художник Николай Загреков. М. 2004. С. 6.

фессора А. И. Савинова (1918-1921). В 1919 году уехал в Москву и поступил в Высшие художественные и технические мастерские (Вхутемас), где обучался у П. П. Кончаловского и И. И. Машкова, затем - в мастерской Д. Н. Кардовского. Принимал участие в выставках студенческих работ БРУ и Вхутемаса. В конце 1921 года уехал в Германию для продолжения учебы. В силу обстоятельств остался там до конца жизни. Как мы помним, у Федина тоже была Германия. В 1914 году он был направлен туда для углубленного изучения немецкого языка, где в связи с началом Первой мировой войны оставался в качестве гражданского военнопленного до 1918 года. Брат Николая, Борис, был болезненным мальчиком. Чтобы поправить здоровье, врачи настоятельно рекомендовали ему серьезно заниматься спортом. Борис внял советам докторов, и со временем его здоровье поправилось, он увлекся гимнастикой, велосипедным спортом. Позже в конце 1920-х- начале 1930-х годов он стал цирковым воздушным гимнастом и выступал с известными цирковыми артистками, сестрами Кох.

К. А. Федин упоминал какой-то дом на Малой Казачьей улице, где вроде бы семья жила в 1904-1905 годах, но по найденным документам А. Е. Федин ещё в конце 1904 года купил дом в Смурском переулке, ныне это дом № 13. Это второй из сохранившихся до наших дней домов, в которых жила семья Фединых в 1904-1907 годах.

Вон то, через которое я, в трепете, смотрел на погромщиков черной сотни, - крошечное, слепое оконце, - а ведь тогда оно так пугающе-необъятно разверзло передо мною пучину ужасов и боли. Вон дверь, которую я тихонько притворил, убегая из дома, не зная, куда приведет моя первая, никем не обереженная дорога. Порыхлевшие веревы ворот, лысая земля на месте бывших палисадников и скамеек, перекошенные соседние калитки...».

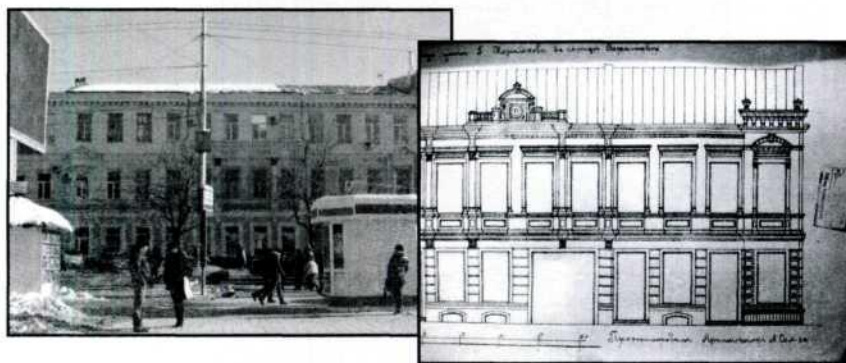
Действительно, это домовладение Александр Ерофеевич Федин приобрёл по купчей крепости от мещанина Лариона Ивановича Иванова 2-го декабря 1904 года, а к 1906 году успел уже два раза заложить имение: за 4 тыс. рублей коллежскому ассессору П. И. Исупову и за такую же сумму - Саратовскому Городскому Общественному банку¹¹. Торговые обороты требовали наличных денег. Правда, это был не первый дом, который купил отец писателя, но мальчику и подростку вряд ли было необходимо знать все имущественные отношения родителя. Сохранилась нотариальная запись за 1917 год, что вдова личного почётного гражданина Мария Ивановна Иванова продала мещанину Н. В. Бабикову дворовое место за 20 тыс. рублей в 199 планном квартале в Смурском переулке под № 13, доставшееся ей от мещанина А. Е. Федина по купчей крепости 10 июня 1908 года¹². Таким образом, Федины владели имением в Смурском переулке с конца 1904 до начала лета 1908 года.

С этого момента родители Федина снова меняли квартиры несколько раз, переезжая с теперешней Московской, близ Ильинской, на Соборную,

¹¹ ГАСО, ф. 428. оп. 1, д. 832, л. 131.

¹² Там же, д. 1447, л. 51.

ниже улицы Московской, оттуда на улицу Ильинскую, против теперешнего цирка, дом № 46, где владелицей была записана потомственная почётная гражданка Королькова Наталья Игнатьевна.

Дом Корольковой – современный вид.
Проект фасада. Архитектор А.М.Салько. 1901 г.

В её обширном домовладении по красной линии стоял двухэтажный каменный дом, построенный на рубеже 1901-1902 годов по проекту архитектора А. М. Салько. В доме было 8 помещений, в том числе: на втором этаже квартиру из 8 комнат занимал Комитет офицерского собрания 5-го Донского казачьего полка, ещё одну, из 6 комнат арендовал зубной врач М. М. Гинсбург. А вот квартиру № 3 на первом этаже в три окна из 4-х комнат занимал Александр Ерофеевич Федин с семьёй. На первом этаже был ещё магазин со слесарной мастерской Д. К. Евелева в двух комнатах, квартиру № 5 всего в три окна из 2-х комнат занимала домовладелица с семьёй. А вот квартиру № 6 – торговое помещение с подвалом (магазин канцелярских принадлежностей), снимал опять же А. Е. Федин, и была она из одной комнаты в 4 окна¹³.

Как писал Г. Рассохин, «лишь в 1913 году переезды закончились и Федины поселились на Цыганской улице, в сохранившемся до наших дней доме № 56». Семья Фединых жила там до 1931 года, сначала в четырёхкомнатной, потом в двухкомнатной квартире. Федин приезжал сюда, будучи студентом Московского коммерческого института, в 1913 и 1914 годах, а также после возвращения из Германии – в 1918 году. Впоследствии он, приезжая в Саратов, останавливался в доме в 1921, 1923, 1924, 1926, 1928 и 1931 годах. Федин написал об этом доме: «Самым дорогим домом в Саратове останется для меня дом на Цыганской, где умерли отец, мать, сестра и где я чувствовал себя последний раз «дома» в

¹³ ГАСО, ф. 4, оп. 3, д. 132, л. 609.

1931 году, когда - увы, хоронил сестру». Других сведений об этом доме не приводится. Найденные в государственном архиве Саратовской области документы позволяют уточнить это утверждение.

Это было домовладение саратовской мещанки Елены Егоровны Сапожниковой (в некоторых документах – Сапогина). Согласно «Сведениям о квартирах и их владельцах на 1910-1915 год» на дворе стояли 4 деревянных одноэтажных флигеля, в каждом из которых было несколько квартир или службы. Кроме домовладелицы, здесь проживали ещё 8 семей квартирантов. В первом флигеле было 3 квартиры; во втором - 2 квартиры и 2 амбара (службы); в третьем – 3 квартиры; в четвёртом - квартира и 6 служб.

По купчей крепости от 11-го июля 1912 года домовладение в полном составе перешло к мещанину А. Е. Федину за 4 тыс. рублей¹⁴. 1-го августа 1912 года Федин уведомил Податного инспектора о том, что ему дано разрешение на постройку двухэтажного, обложенного кирпичом жилого дома и деревянных служб¹⁵. 14-го декабря того же года Федин подал заявление председателю 2-го Саратовского городского по государственному налогу на недвижимые имущества присутствия (на бланке «Магазина конторских, учебно-школьных и чертежно-рисовальных принадлежностей А.Е.Федина»): «Сим имею честь заявить, что возводимое мною строение по Цыганской улице под № 60 разрешено Саратовской Городской Управой по утвержденному за № 387 плану, будет занято по окончании работ во второй половине 1913 года, а также и по другому плану на этом же месте, утвержденному Управой за № 447 будет возведен (второй дом) после первой половины 1913 года. Александр Ерофеевич Федин».

Дом на Цыганской, № 60, ныне ул. Кутякова, № 56.

¹⁴ ГАСО, ф. 120, оп. 1, д. 9 а, л. 610 об.-618 об.

¹⁵ Там же, л. 611.

Сохранилось и описание строений домовладения, выполненное самим А. Е. Фединым: «1. Жилой дом (фасадом на улицу), смешанной постройки, 2 этажа, 4 квартиры. 2. Жилой дом (во дворе), смешанной постройки, 2 этажа, 2 квартиры. 3. Службы (для 4-х квартир), деревянные. 4. Службы для 2-х квартир. Два двухэтажных дома построены на месте старых деревянных четырех жилых флигелей. Александр Ерофеевич Федин»¹⁶.

9-го июля 1913 года А. Е. Федин снова подал заявление в Присутствие, в котором сообщал, что в 1-й города Саратова части, в 115 планном квартале, на ул. Цыганской под № 60 у него домовладение на собственной земле, мерою: по улице 10 саж. с аршином и во двор 20 саж. и 2 аршина. Имущество нигде не заложено.

Двухэтажный каменный дом имел фасад, выполненный в технике открытого кирпича, во двор вела проездная арка с воротами. Квартиру № 1 на первом этаже из четырёх комнат с шестью окнами занял сам домовладелец, ещё три были сданы квартирантам: П. Б. Тагеру, М. И. Бальзаму и М. С. Кацману.

В дворе флигеле было две квартиры, о которых Федин написал, что они временно не сдаются, так как были не отделаны. Квартира № 5 была на втором этаже из 5 комнат с 8-ю окнами, а квартира № 6 – на первом с 6-ю окнами из 4-х комнат. Потом на листе появилась приписка о сдаче квартир: «кв. № 5 – Копелянский С. Д., кв. № 6 – Гомельская Ф. А.»¹⁷. Изменения в составе домовладения нашли отражение и в «Окладной книге государственного налога на недвижимые имущества на 1913-1915 гг.», где приведены суммы налога на домовладение под № 60. На 1913 год налог рассчитан с оценочной стоимости в 1720 рублей; на 1914 и на 1915 год – с 6480 рублей¹⁸. Возвышение цены отражало новые постройки домовладения.

Как мы помним, в доме Корольковой на Ильинской улице Федин снимал два помещения: в одном была жилая квартира, в другом торговое заведение. В 1916 году Городское по квартирному налогу присутствие начислило Федину налог на квартиру. Александр Ерофеевич не согласился с этим и подал заявление в присутствие, в котором объяснил, что «в доме же Корольковой мною занимается все помещение под магазин канцелярских и писчебумажных принадлежностей» и просил освободить его от налога, переложив налог на владелицу дома¹⁹.

¹⁶ ГАСО, ф. 120, оп. 1, д. 9 а, л. 614.

¹⁷ Там же, л. 610 об., 614-614 об.

¹⁸ Там же, ф. 4, оп. 3, д. 110. л. 165 об.

¹⁹ Там же, ф. 864, оп. 1, д. 4. л. 42.

10. МАРТ. 1918

Саратовъ. 18 Марта 1918 года. 42

ЭДИНЪ
УЧЕБНО-ШКОЛЬНЫХЪ
УЧРЕЖДЕНИЙ
САРАТОВСКОЙ
ГУБЕРНИИ
ДИНА.
№ 132.

Въ Саратовское городское
по Квартальной наложению присутствіе.

Заявленіе.

Получивъ 17 Марта сего года отъ присутствіа
вѣд. Извѣщеніе отъ номера за № 1057. въ
Ур. 50х за Кварталу въ дома Корсаковскія,
Симъ Милло Частъ Раздѣлъ, Это Я при
живаю въ своемъ домъ по Цыганской
Ул. № 60. въ дома-хъ Корсаковскія
Мною занимаются все Помещеніе Младш
Магазинъ Канцелярскіе и Местобу
нхъ Принадлежностей. Молю Прошу
Прошу Саратовскаго по-Квартальной Наложу
Присутствіе Освободить. Мнѣ отъ Мнѣ
Всего. Наложу и воздержитъ къ благодѣ
Александръ Еремеевичъ Фединъ

Надо отметить, что помещение под магазин канцелярских принадлежностей А. Е. Федина снял по 1920 год включительно. Но, с 10-го июля 1917 года магазин Федина, проживающего «на Цыганской улице в доме под № 60 Корышева», числился по документам уже за купцом

Д. Н. Уваровым²⁰. Упоминание домовладельца Корышева не случайно. Оно подтверждается купчей крепостью от 5.01.1917 года, когда у нотариуса А. Е. Федина оформил продажу за 32000 рублей *«крестьянину Владимирской губернии, Гороховецкого уезда, Нижне-Ландиховской волости, деревни Чуркино Федору Макаровичу Корышеву дворового места на Цыганской улице под № 60 в 1-й части в 115 планном квартале, доставшееся ему от мещанки Елены Егоровны Сапожниковой по купчей крепости от 11 июля 1912 года, в соседстве мест: Расстегаева и Саратовского Еврейского Общества, бывшее Замоткина, мерою по улице и в задах по 10 сажень, во двор обе стороны по 20 сажень, а всего квадратных 200 сажене*²¹. Занимаемая Федиными квартира осталась за ними, но уже на правах аренды.

Но и это домовладение Фединых на Цыганской улице было не последним в Саратове, как было принято считать до сих пор, хотя мы уже упоминали о домовладениях на Полтавской площади в 1917 году. В том же году в казённую палату поступила карточка нотариального архива со сведениями о переходе имений по крепостным актам, которая гласила, что по акту от 12.05.1917 года от купца Абрама Моисеевича Мандельштама перешло к мещанину Федину Александру Ерофеевичу домовладение в 1-й части, в 130 планном квартале на Вольской улице под № 43 за 70 тыс. рублей (дом не сохранился)²². Через 4 месяца в крепостной книге была записана купчая крепость от 9.09.1917 года, в которой говорится, что на Вольской улице домовладение под № 43 мещанина Александра Ерофеевича Федина, мерою земли: по улице 12 сажень, во двор обе стороны по 29,5 сажень, а всего 354 кв. саженей, которое он продал плисскому мещанину Арону Иосифовичу Гейликману за 95 тыс. рублей²³.

Месяцем раньше, 17.08.1917 года у нотариуса А.Н. Чагина в его конторе в доме Общества купцов и мещан на Московской улице мещанка Елизавета Ивановна Марунова, по первому мужу Сергиевская, оформила продажу мещанину А. Е. Федину своего дворового места, состоящего во 2-й части г. Саратова, в 89 планном квартале, по Царёвской (Пугачёвской) улице, мерою земли 9,66 на 39 сажень, *«за исключением 4-х флигелей, принадлежащих разным лицам, доставшееся ей от умершей матери Марии Ивановны Бабаевой по духовному завещанию, утвержденному 19 августа 1916 года. А взяла я, Марунова, с него, Федина за то проданное имение 10 тыс. рублей*²⁴. Это было ещё одно домовладение около Полтавской площади. Ещё через месяц, 5.10.1917 года – у нотариуса Я. И. Гусакова на

²⁰ ГАСО, ф. 4, оп. 3, д. 164, л. 355.

²¹ Там же, ф. 428, оп. 1, д. 1447, л. 75.

²² Там же, ф. 864, оп. 1, д. 16, л. 137.

²³ Там же, ф. 428, оп. 1, д. 1447, л. 17-19.

²⁴ Там же, д. 1446, л. 102-103.

Александровской улице в городском доме мещанин Александр Яковлевич Евстратов продал мещанину А. Е. Федину за 22 тыс. рублей дворовое место в 5-й города Саратова части в 146 планном квартале на Шелковичной улице под № 24, между Полезным переулком и Камышинской (Рахова) улицей, мерою земли: 7,5 сажень на 25 сажень. Купчая утверждена 14.10.1917 года²⁵. Ровно через 10 дней - 24.10.1917 года – Александр Ерофеевич продал это домовладение крестьянину Ивану Ивановичу Горбушину, причём за ту же цену²⁶.

Наконец, 14.11.1917 года крестьянин Петровского уезда деревни Старой Дердевки Григорий Степанович Хрящев продал за 10 тыс. рублей А. Е. Федину «дворовое место со всеми жилыми и нежилыми строениями, с водопроводом и 30-ю тысячами нового кирпича, сложенного частью во дворе, частью на улице, в 1-й части, в 124 планном квартале на Большой Казачьей улице под № 86, в соседстве мест Квятковского и Крыжманцева, мерою земли: по улице 6 саж., во двор обе стороны по 16,66 саж., а всего 100 кв. саж., доставшееся ему от мещанки Агриппины Яковлевны Филипповой по купчей крепости 14.10.1916 года²⁷.

Справа деревянный флигель, купленный А.Е.Фединым в ноябре 1917 года

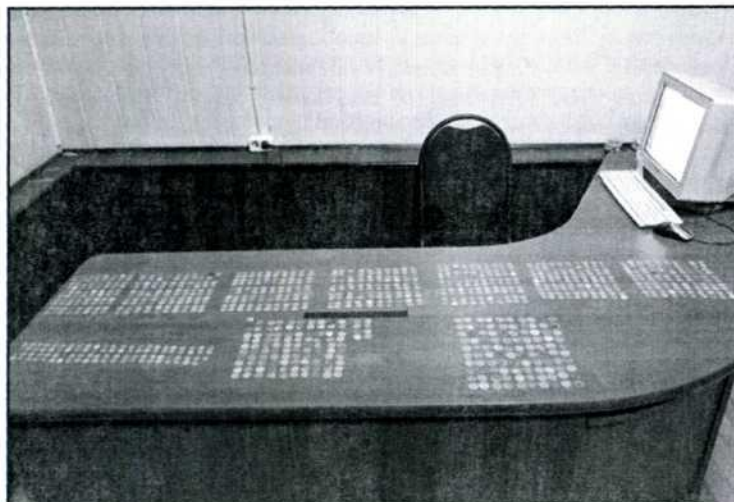
²⁵ ГАСО, ф. 428, оп. 1, д. 1447, л. 191.

²⁶ Там же, д. 1449, л. 441.

²⁷ Там же, л. 499.

Именно здесь, после очередного пожара давно отселённого дома в 2013 году, пожарные, разгребая пепелище, нашли клад монет.

Найденный клад на столе в районном отделе полиции

Вполне возможно, что найденные в областном архиве документы окажутся не последними, раскрывающими имущественные возможности отца писателя, достаточно успешного предпринимателя, а потому и вполне обеспеченного купца.

**РОЛЬ И МЕСТО МУЗЕЕВ В ДОСУГЕ НАСЕЛЕНИЯ
И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВЕТСКОГО СОЦИУМА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
1980 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДА САРАТОВА)**

Музеи, являющиеся постоянными некоммерческими учреждениями и стоящие на службе общества, традиционно приобретают, сохраняют, популяризуют материальные свидетельства человека и окружающей его среды. Выполняя наряду с целым рядом важных социальных функций (образования, воспитания, организации свободного времени) еще и хранительскую или охранительскую, эти культурно-просветительские учреждения способствуют значительному приращению культурного богатства общества. В первой половине прошлого века Россия пережила множество потрясений, наложивших отпечаток на все стороны жизни социума. Только во второй половине 1950-х гг. страна вступила в относительно спокойный период своего развития, продолжавшийся до апреля 1985 г. Именно в эти годы были достигнуты значительные успехи в музейном строительстве, был накоплен богатый документальный материал, расширилась тематика экспозиций и выставок. В то же время рассматриваемому периоду было свойственно воздействие идеологических факторов, которые не всегда позитивно влияли на работу музеев. Изучение этих контактов поможет нынешнему руководству страны выстроить более гибкую политику взаимодействия с культурными учреждениями. Более качественно решить эту задачу поможет использование регионального материала города Саратова, превратившегося в те годы не только в крупный индустриальный, но и культурный центр РСФСР.

По официальным данным статистики количество музеев в Саратове увеличилось с трех в начале 1950-х гг. до четырех к началу 1980-х гг.¹. Незначительный количественный прирост музеев компенсировался значительными внутренними изменениями: появились новые экспозиции и выставки, расширились уже существовавшие. Эти качественные перемены были невозможны без улучшения материально-технической базы музеев, особенно после прихода к власти Н. С. Хрущева. В частности, уже в июле

¹ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 2. Д. 3031. Л. 203; *Малинин Г. А.* Саратов: Очерк-путеводитель. Саратов, 1980. С. 139.

1953 г. завершились ремонтные работы в доме-музее Н. Г. Чернышевского, что позволило открыть в нем новую экспозицию, включавшую в себя более 200 новых памятников². Новыми экспонатами пополнились и фонды музея им. А. Н. Радищева. Уже в мае 1953 г. в нем была открыта выставка произведений западноевропейской живописи (из коллекции художника реставратора Н. М. Гущина). На ней были представлены картины испанских художников Франсиско Хосе де Гойи, Гарсии, а также голландских живописцев Ван Острадо, Питера Брейгеля-старшего и Брейгеля Адского. В ноябре 1954 г. в музее прошла выставка китайского искусства³. Весной 1958 г. посетители этого музея получили возможность ознакомиться с выставкой работ реставрационной мастерской (50 картин русских и иностранных мастеров)⁴. 31 января 1961 г. в этом музее открылась выставка народного художника РСФСР Н. Жукова⁵. Эти выставки свидетельствовали о происходивших в стране переменах.

Улучшение материального положения позволило работникам Саратовского областного музея краеведения (СОМК) обеспечить сохранность в своих фондах свыше 50 тыс. ценнейшим в историческом отношении экспонатам⁶. Постоянно пополнялись экспозиции о развитии народного хозяйства области. Уже в начале 1957 г. в экспозиции «Промышленность Саратовской области» (она занимала три больших зала) было представлена продукция около 20 предприятий города и области⁷. Не менее богатыми и ценными являлись музейные коллекции археолого-исторических (до 1917 г.) отделов. Здесь были выставлены коллекции керамических изделий различных эпох, а также кремневых орудий первобытного человека, найденные на территории области: наконечники стрел и копий, скребки для очистки шкур, ножи и проколки. Тут же были выставлены скульптурные портреты первобытных людей, восстановленные по черепам скульптором Герасимовым. Имелся здесь и макет поселения первобытного человека эпохи бронзы. В 1954 г. в СОМК был открыт новый зал «Нижнее Поволжье в VII в. до н. э. – VIII в. н. э.», первый раздел которого рассказывал о жизни сармато-савроматских племен, а второй показывал культуру городецких и древнемордовских племен. Не менее интересными были материалы экспозиции, составленной по результатам раскопок, проведенных в городах и поселках Золотой Орды (XIII–XV вв.). Кроме того, посетители музея могли ознакомиться с историей г. Саратова начиная с древнейших

² Коммунист. 1953. 18. 07. Л. 4.

³ См.: Там же. 1959. 17. 10. Л. 4; Взгляд из Саратова. Хроники. XX в. // Саратовские вести. 2000. 5. 02. Л. 12. 12. 02. Л. 12.

⁴ Там же. 1958. 29. 03. Л. 4.

⁵ Взгляд из Саратова. Хроники. XX в. // Саратовские вести. 2000. 1. 04. Л. 12.

⁶ Коммунист. 1957. 8. 06. Л. 4.

⁷ См.: Там же. 1954. 5. 10. Л. 4. 1957. 2. 03. Л. 3.

времен, увидеть макеты города конца XVII в. и второй половины XVIII в., его герб⁸. Помимо отделов, посвященных дореволюционному прошлому, в СОМК имелись отделы природы и советского периода. В последнем широко были представлены периоды Октябрьской революции и гражданской войны, имелось много материалов по истории большевистских организаций Поволжья, обширен был раздел, отражающий годы Великой Отечественной войны⁹. Большую помощь работникам музея в создании этих экспозиций оказывали саратовскими учеными, особенно СГУ: профессором И. В. Сеницыным, доцентами М. А. Шабановым, В. М. Гохлернер, Э. Э. Герштейн, старшим преподавателем Р. А. Девишевым и другими¹⁰.

Оживились культурные контакты со странами Восточной Европы, о чем свидетельствует факт получения СОМК летом 1955 г. двух новых экспонатов: югославского костюма и румынского альбома с перечнем документальных материалов, выставленных в залах Бухарестского музея¹¹. Сотрудники этого музея организовывали различные юбилейные выставки, например, к 60-летию П. Н. Яблочкова (1954 г.), 50-летию СГУ (1959 г.). На последней экспонировались проекты и фотографии по строительству университетских корпусов, личные вещи и документы создателя проектов и руководителя строительства университета К. Л. Мюфке, фотографии сотрудников университета с И. И. Мечниковым, поставившим в Саратов в 1912 г. документы и вещи первооткрывателя саратовского газа профессора Б. А. Можаровского, а также одного из первых ректоров СГУ, видного ученого и общественного деятеля, члена Академии медицинских наук С. Р. Миротворцева. Кроме того, на выставке были представлены редкие документы из истории университета в первые годы Советской власти (фото первых комсомольских ячеек, студенческие стенные газеты, разнообразные материалы об общественной работе, проделанной студентами в каникулярный период)¹². Музей в эти годы неоднократно проводил встречи с интересными людьми, ветеранами войны. Для этого в апреле 1963 г. при музее был создан клуб интересных встреч. В нем проводились и беседы на краеведческие темы, например, об истории гербов городов Поволжья¹³. Эти и другие мероприятия саратовским музеям, как и всем советским музеям, предписывало проводить постановление ЦК КПСС «О повышении

⁸ См.: Коммунист. 1954. 11.04. Л. 4. 1958. 18.06. Л. 3.

⁹ Там же. 1958. 18.06. Л. 3.

¹⁰ Там же. 1962. 3.12. Л. 4.

¹¹ Там же. 1955. 31.08. Л. 4.

¹² См.: Там же. 1954. 1.04. Л. 3. 1959. 10.07. Л. 4.

¹³ Взгляд из Саратова. Хроники. XX в. // Саратовские вести. 2000. 15. 04. Л. 12.

роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся» (12 мая 1964 г.)¹⁴.

Составителям документа улучшение работы музеев виделось только через пропаганду успехов коммунистического строительства в СССР, мероприятий по подъему сельского хозяйства, культуры, повышения благосостояния народа. Именно это и предписывалось делать музейным работникам путем организации в музеях отделов по советскому периоду, укрепления связей музеев с промышленными и сельскохозяйственными предприятиями, учебными заведениями, творческими союзами, научными обществами, использования музеев в учебной и воспитательной работе школ, вузов и техникумов, системы политического просвещения, народных университетов культуры, расширения массово-просветительской работы музеев. Особо в постановлении было подчеркнуто, что для наведения порядка в создании музеев право на открытие новых музеев отныне должно принадлежать только ЦК компартий союзных республик по представлению органов культуры. Наряду с этим в целях упорядочивания сети музеев планировалось провести слияние находящихся в одном городе однотипных музеев, ликвидировать излишества в штатах административных работников музеев. В результате музеи оставались не столько культурно-просветительскими учреждениями, сколько превращались в «коллективных пропагандистов и агитаторов» того, что укажет руководство страны. Так, например, сотрудники СОМК периодически организовывали выставки «Саратовская область от съезда к съезду», где были представлены новые образцы подшипников ГПЗ-3, фильтры Энгельсского завода топливных фильтров, лампы Саратовского завода приемно-усилительных ламп и другие достижения саратовских предприятий¹⁵. Для более основательного освещения жизни и деятельности Ленина и его семьи в 1969 г при этом музее был образован специальный филиал–музей-квартира семьи Ульяновых. В нем экспонировались картины, фотографии, фотокопии писем Ленина родным в Саратов, различные документы и вещи, рассказывающие о революционной деятельности сестер Ульяновых в Саратове в 1909–1913 гг. Только за 1974–1976 гг. этот музей посетила свыше 50 тыс. человек не только из Саратова и области, но и из Киева, Херсона, Борисоглебска, Чимкента, Астрахани, Кишинева, Ульяновска и других городов¹⁶. За первые десять лет существования музей посетило 300 тыс. саратовцев и гостей

¹⁴ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 10. С. 416–417.

¹⁵ Коммунист. 1976. 28.02. Л. 4.

¹⁶ См.: Там же. 1969. 6.08. Л. 4. 1976. 22.04. Л. 2; Взгляд из Саратова. Хроники. XX в. // Саратовские вести. 2000. 3.06. Л. 12.

города¹⁷. Специальный филиал краеведческого музея существовал и в Парке Победы – это музей боевой славы, где была представлена экспозиция «Саратовцы, погибшие на фронтах Великой Отечественной войны»: подлинные документы военных лет, личные вещи участников, материалы по мобилизации, оружие, награды, плакаты¹⁸. К 50-летию образования Советского Союза работники областного краеведческого музея создали экспозиции «Саратовская область в период строительства коммунизма», «Саратовцы в дружной семье народов СССР», «Интернациональные связи саратовцев», «Товары широкого спроса – населению», «Костюмы народностей Саратовского Поволжья», «Ленин и Саратовский край», выставка значков «Лениниана». Много внимания сотрудники музея уделяли работе среди сельского населения. В составе агитпоезда обкома КПСС был создан вагон-музей, в районы выезжал передвижной авто-музей. Поэтому оргкомитет Всероссийского смотра массово-просветительской работы музеев, посвященного 50-летию образования СССР за активную работу по коммунистическому воспитанию трудящихся наградил Саратовский областной музей краеведения дипломом первой степени¹⁹.

Однако, людей в музеях привлекали не столько экспонаты отделов советского периода, сколько другие экспозиции. В частности, в отделе природы СОМК в 1966 г. открылась выставка «Растительность Саратовской области», где были представлены почти все виды растительности, включая лекарственные, кормовые, отдельный стенд был посвящен реликтовым растениям, оставшимся от прошлых геологических эпох. К концу 1970-х гг. в этом отделе были выставлены ископаемые останки вымерших доисторических животных и растений, чучела редких животных и птиц, гербарии, красочные плакаты²⁰. Все это значительно расширяло представления жителей области о природе родного края, в особенности школьников. Периодически в музее организовывались выставки новых поступлений, например «День нынешний век минувший»²¹. Для их организации предпринимались различные экспедиции. В частности, в 1980 г. работники музея совершили поездку в Балаково, где ими был собран интересный материал о работе СарГЭС и предприятий производственного объединения «Химволокно»²². Организовывались также выставки, посвященные космической тематике. Так, в апреле 1981 г. начала работу выставка «Космонав-

¹⁷ Малигин Г. А. Указ. соч. С. 142.

¹⁸ Лузина Е. С. По паркам и скверам Саратова. Саратов, 1987. С. 44.

¹⁹ Коммунист. 1973. 28.06. Л. 4.

²⁰ См.: Там же. 1966. 2.02. Л. 4. 1978. 25.01. Л. 4.

²¹ Там же. 1981. 11. 07. Л. 3.

²² Там же. 1980. 11.10. Л. 4.

ты и Саратовский край». Также в музее экспонируется самолет ЯК-18, на котором Ю. Гагарин впервые поднялся в небо. Дореволюционная тематика была представлена меньшей частью памятников материальной и духовной культуры народов Поволжья (всего их к 1985 г. насчитывалось около 200 тыс.)²³. Работники отдела истории дореволюционного прошлого старались приурочить выставки к юбилейным датам, например: «Золотая Орда и ее падение: к 600-летию Куликовской битвы», «200-летие крестьянской войны 1773–1775 гг.». При этом, чтобы донести задуманное до посетителей, музейные работники не редко прибегали к искусству эзоповского языка²⁴.

В государственный музей-усадьбу Н. Г. Чернышевского посетителей привлекали интересные историко-литературные экспозиции (организовывались в 1967 г., 1978 г.), экскурсии по усадьбе XIX в, театрализованные народные праздники, встречи со знаменитыми людьми, вечера в «Провинциальном салоне». Несомненный интерес у зрителей вызвала мемориально-бытовая экспозиция, открытая в музее к 150-летию Чернышевского. Она воспроизводила обстановку дома Чернышевских на основе предметов быта и мебели, книг и документов 20-50-х гг. XIX в. Ежегодно музеем создавалось до десяти новых выставок, проводилось свыше 700 экскурсий по залам музея и памятным местам Саратова, связанным с жизнью революционера-демократа. На предприятиях и в учреждениях Саратова и области функционировало более 20 экспозиций, подготовленных сотрудниками музея. Кроме того, ими оказывалась помощь мастерам искусств в их работе по воссозданию образа великого писателя, ученого и революционера. При их участии и с широким использованием музейных материалов на сценах саратовских театров были поставлены пьесы А. Измайлова «Жизнь Чернышевского», Б. Найхина и В. Смирнова-Ульяновского «Чернышевский», В. Смирнова-Ульяновского «Великий демократ», инсценировка романа «Что делать?» – «Новые люди». В творческом сотрудничестве с Нижне-Волжской студией кинохроники были созданы фильмы «На родине Н. Г. Чернышевского», «Песнь о Волге», «Чернышевский», с Саратовской телестудией – «Родное гнездо орла». 4 августа 1976 г. в музее побывал уже миллионный посетитель. А в августе 1978 г. за большую работу по изучению и пропаганде идейно-теоретического и художественного наследия Н. Г. Чернышевского Президиум Верховного Совета СССР наградил музей орденом «Знак Почета». К 1983 г. музей располагал 25 тыс. единиц хранения, периодически проводил «Дни музея» в организациях, на предприяти-

²³ См.: Коммунист. 1981. 11. 04. Л. 4. Саратовская область за 70 лет. Саратов, 1987. С. 384.

²⁴ См.: Там же. 1974. 20.06. Л. 4. 1980. 11.09. Л. 4; *Вардугин В. И.* Хранители времени: музеи Саратова и Саратовской области. Саратов, 2000. С. 24.

ях, в учебных учреждениях; организовывал специализированное обслуживание посетителей музея по профессиям. В 1980 г. музей отметил свое 60-летие²⁵.

В Радищевском музее 1970-е гг. в музее открылась экспозиция древнерусского искусства, включавшая уникальные памятники иконописи XV–XVI вв., а также группу народных деревянных скульптур, выполненных поволжскими мастерами-резчиками²⁶. Шире стало демонстрироваться и творчество саратовских художников: И. Щеглова, В. П. Палимпсестова, Н. Н. Жукова, Н. А. Архангельского, Б. Боброва, В. Солянова, М. Аржанова, Б. Давыдова, Л. Федорова и других. Каталоги их выставок выпускались широкими тиражами²⁷. В начале 1980-х гг. музей стал местом проведения выставки керамики Пабло Пикассо²⁸. Спрос на музейные экспозиции и выставки у населения Саратова и области был довольно высок: если в 1950-е гг. музей ежегодно посещало всего не более 35–40 тыс. чел., то в середине 1980-х гг. уже 300 тыс. чел. Произведения искусства, принадлежащие музею, увидели не только жители области, но и других городов страны: Еревана, Сочи, Москвы, Ленинграда, Киева²⁹. Интерес к музейным выставкам проявлял и зарубежный зритель. Так, в июне 1980 г. музей принял участие в фестивале «Великие русские реалисты» в городе Дуйсбурге (ФРГ), представив там выставку «Русские художники-передвижники», включавшую в себя более 40 произведений русского искусства (шедевры И. Репина, В. Сурикова, В. Поленова, И. Левитана, И. Шишкина Ф. Васильева). Произведения искусства из Радищевского музея были показаны также во Франции, Италии, «Портрет дочери» работы И. Е. Репина побывал в Японии. Музей принял участие в выставке «Русское искусство второй половины XIX в. из собраний советских музеев», проходившей осенью 1980 г. в Стокгольме (Швеция). Кро-

²⁵ См.: Беднякова Н. Н., Миронова А. И., Муренина Г. П., Пантелеева М. Н., Ткачева И. В. Музеи // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002. С. 514; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 49. Д. 120. Л. 28. Оп. 24. Д. 195. Л. 12; Коммунист. 1970. 4. 06. Л. 4. 1972. 27. 02. Л. 1.

²⁶ Беднякова Н. Н. и другие. Указ. соч. С. 512.

²⁷ См.: Политика и культура в российской провинции. М., СПб., 2001. С. 129; Водонос Е. И. Изобразительное искусство // Энциклопедия Саратовского края. С. 450; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 49. Д. 120. Л. 18.

²⁸ Взгляд из Саратова. Хроники. XX в. // Саратовские вести. 2000. 9.09. Л. 12.

²⁹ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 2923. Л. 1. Оп. 27. Д. 148. Л. 23. Оп. 49. Д. 92. Л. 45; Саратовская область за 70 лет. Саратов. 1987. С. 385; Коммунист. 1980. 13.11. Л. 4. 1982. 11.02. Л. 1

ме того, шедевры этого музея экспонировались в Болгарии, Румынии, на Кубе ГДР и других зарубежных странах³⁰.

В предперестроечное двадцатилетие в области музеи заняли важное место в культурном пространстве региона, молодежной политике, поскольку в выше указанном постановлении ЦК КПСС также говорилось о необходимости развивать движение краеведов, приобщать трудящихся к сбору исторических реликвий, материалов по истории промышленных предприятий, колхозов и совхозов³¹. В частности, число музеев в области пополнилось за счет открытия в 1981 г. государственного литературного музея им. К. А. Федина. Он разместился в здании бывшего сретенского начального училища, в котором в юности учился знаменитый писатель. В коллекции музея входило почти 2,5 тыс. экземпляров. Среди них – уникальные документы (подлинные рукописи его произведений, наброски, черновики, планы повестей, романов), справочники монографии, письма, фамильные вещи писателя с дарственными надписями М. Горького, А. Толстого, Н. Тихонова, А. Фадеева, К. Симонова³². В что же время к концу изучаемого периода было отмечено некоторое сокращение числа посещений музеев. Например, СОМК за 1965 г. посетило 121 тыс. человек, а к концу 1970-х гг. государственный музей им. А. Н. Радищева ежегодно посещало только 100 тыс. экскурсантов³³. Это объяснялось не только причинами идеологического, но и материального порядка. Только в начале 1980-х гг. была закончена реставрация областного музея краеведения³⁴. В Радищевском музее еще с начала 1970-х гг. стал ощущаться дефицит помещений. Поэтому руководство этого музея имело возможность экспонировать только 9% от хранившихся в его фондах картин и скульптур³⁵. Музей остро нуждался в расширении реставрационных мастерских, создании граверного кабинета, постоянного лектория, кинолектория³⁶. В конце 1970-х гг. в здании музея был начат ремонт, но к концу рассматриваемого периода так и

³⁰ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 24. Д. 195. Л. 7; Коммунист. 1980. 13. 11. Л. 4; Саратовская область за 70 лет. С. 385.

³¹ КПСС в резолюциях ... С. 416.

³² См.: Хроника событий Саратовской областной организации КПСС. 1883–1983. Саратов, 1985. С. 337–338; Саратовская область за 70 лет. С. 385–386; Коммунист. 1981. 17.05. Л. 4. 28.06. Л. 1. 3.

³³ См.: Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-1738. Оп. 8. Д. 14. Л. 55; *Малинин Г. А.* Указ. соч. С. 141.

³⁴ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 27. Д. 148. Л. 23.

³⁵ В начале 1970-х гг. в фондах этого музея хранилось 2200 живописных, 7340 графических, 300 скульптурных работ, 4 тыс. произведений прикладного искусства (См.: Коммунист. 1973. 4. 09. Л. 4).

³⁶ Там же.

не был закончен³⁷. В годы «перестройки» ситуация не улучшилась. В частности музей-усадьба Н. Г. Чернышевского так и не обрел давно закрытый мемориальный домик³⁸. И только в начале XXI в. материальное положение музеев стало меняться в лучшую сторону. Именно в это время был завершен ремонт здания художественного музея им. А. Н. Радищева. К этому же времени экспонаты музея стали демонстрироваться и в другом здании – бывшей гимназии Куфельд, на улице Первомайской³⁹. Таким образом, проблемы музейного строительства, обозначившиеся к середине 1980-х гг. и в последующие годы, стали разрешаться только в постсоветскую эпоху.

³⁷ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 27. Д. 148. Л. 19.

³⁸ *Мякиев А. П.* Саратовский край в годы перестройки (1985–1991) // *Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах)*. Саратов, 2002. С. 301.

³⁹ *Беднякова Н. Н. и другие.* Указ. соч. С. 512.

**ВЫДАЮЩИЕСЯ ЛЮДИ НА ЗЕМЛЕ САРАТОВСКОЙ
(КРИТЕРИИ ОТБОРА И МЕТОДИКА ОФОРМЛЕНИЯ
КОЛЛЕКЦИОННОГО МАТЕРИАЛА В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ
И МУЗЕЙНОМ ЭКСПОНИРОВАНИИ)**

Вопрос пребывания выдающихся людей на земле Саратовской интересовал многих исследователей достаточно давно. Следует назвать несколько имён, которые внесли заметный вклад в развитие данного вопроса. Так, действительный член Саратовской Ученой Архивной Комиссии (СУАК) Семен Дмитриевич Соколов, в 30-м выпуске трудов СУАК за 1913 год, опубликовал первую часть материалов своего библиографического словаря под названием – «Саратовцы писатели и учёные». Все персоналии в 30-м выпуске СУАК были представлены в алфавитном порядке от буквы А до буквы К, в 32-м выпуске за 1915 год все персоналии шли от буквы К до буквы Л, наконец, в 33-м выпуске за 1916 год от буквы Л до буквы П. В предисловии к своим трудам С. Д. Соколов пишет: «Всех писателей – саратовцев можно разделить на три группы. К первой принадлежат известные имена – гордость русской литературы и науки, которыми мы гордимся, как своими земляками. Ко второй – лица, хотя и родившиеся в Саратовской губернии, но или мало известные, «забытые», в общей литературе, или трудившиеся где-либо в другой губернии, или такие труженики, которые работали здесь на месте и известны только в пределах нашего края.

Наконец, третья группа представляет собой писателей, которых ни по месту рождения, ни по сословному происхождению, нельзя считать саратовцами – уроженцы других губерний, которые, вольно и невольно живя более или менее продолжительное время в пределах Саратовской губернии, так сказать, натурализовались здесь и принимали участие в местной прессе»¹.

Итак в 33-м выпуске СУАК за 1916 г. С. Д. Соколов довел исследование своего библиографического словаря до буквы П и, как мы поняли,

¹ Соколов С. Д. Саратовцы писатели и учёные // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1913. Вып. 30. С. 257 сл.

продолжения не последовало: после 1916 года в истории нашей страны, как известно, наступил год 1917 г.²

Большой интерес для историков, филологов и краеведов представляет сборник «Русские писатели в Саратовском Поволжье»³. Книга издана Приволжским книжным издательством в 1964 году под редакцией профессора Е. И. Покусаева с участием большого авторского коллектива. Здесь представлено несколько десятков литературных деятелей дореволюционного и советского времени. Отрадно отметить, что «литературное краеведение стало одним из направлений в научно-исследовательской деятельности кафедр русской и советской литературы Саратовского университета»⁴.

Существенный вклад в развитие темы «Выдающиеся люди на Земле Саратовской» внес Георгий Александрович Малинин своей не раз переизданной Приволжским книжным издательством книге «Памятники и памятные места Саратовской области»⁵. В своей работе автор, помимо литераторов, связанных с историей нашего края, рассказывает о пламенных революционерах, артистах, композиторах, художниках и скульпторах, деятелях науки и культуры, спортсменах и знаменитых иностранцах – гостях Саратова.

Необходимо отметить также книгу Геннадия Мишина, изданную в 2001 г. «Деятели культуры Саратовской губернии»⁶. Она является своего рода продолжением на современном этапе работы С. Д. Соколова. Геннадий Алексеевич пишет: «Предлагаемое издание по своей сути является библиографическим словарем деятелей губернской, российской и мировой культуры, чья жизнь или творчество каким-либо образом соприкасались с Саратовом и Саратовским краем. Это писатели, художники, артисты, музыканты, архитекторы, жившие и творившие в XVIII-XX веках»⁷. В своей работе Г. А. Мишин представляет около 500 персон.

По данной теме еще необходимо упомянуть серию книг Приволжского книжного издательства 70-х – 80-х годов XX в., в которых рассказывается о деятельности замечательных людей, чья жизнь была связана с Са-

² Соколов С. Д. Саратовцы писатели и учёные // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1913. Вып. 30. (А-К). С. 257–366; 1915. Вып. 32. (К-Л). С. 221–284; 1916. Вып. 33. (Л-П). С. 135–196.

³ Русские писатели в Саратовском Поволжье / Под ред. проф. Е. И. Покусаева. Саратов, 1964.

⁴ Русские писатели в Саратовском Поволжье... С. 5.

⁵ Малинин Г. А. Памятники и памятные места Саратовской области. Саратов, 1971.

⁶ Мишин Г. А. Деятели культуры в Саратовской губернии. Литература. Театр. Музыка. Изобразительное искусство. Архитектура. Саратов, 2001.

⁷ Там же. От автора.

ратовской землей. Эти книги посвящены Н. Г. Чернышевскому⁸, В. И. Чапаеву, И. В. Панфилову, И. С. Кутякову, Н. И. Вавилову, Ю. А. Гагарину и многим другим.

Еще одна серия книг Приволжского книжного издательства 80-х – 90-х годов XX столетия: «Годы и люди»⁹. Это сборники документальных очерков с интересной краеведческой информацией.

Героическую тематику в своей книге «Люди легендарного подвига»¹⁰ представляет Н. М. Румянцев. Книга рассказывает исключительно о Героях Советского Союза – тех, кто родился или жил в Саратовской области. Она была издана в 1968 году также Приволжским книжным издательством.

Выше мы перечислили наиболее значимые работы, связанные с тематикой «Выдающиеся люди на земле Саратовской». Кроме того, существует еще целый ряд изданий, которые, с нашей точки зрения, являются менее значимыми, поэтому они здесь не рассматриваются.

В своих изысканиях все мои предшественники руководствовались тем или иным аспектом, т.е. определенной точкой зрения на отбор персоналий. Будучи заядлым собирателем, я выработал свою точку зрения, используя при этом богатый материал вспомогательных исторических дисциплин: нумизматики, фалеристики, бонистики – и целого ряда видов коллекционирования – филокартии, филатерии, филумении и т.д.

Трудность исследования заключалась в том, что количество лиц, связанных с историей Саратовского края, росло непомерно быстро и необходимым был критерий, ограничивающий общее количество персон, одновременно подчеркивающий их качественную оценку и общественное значение. Кроме того, необходимо было выработать определенную методику отбора и демонстрации собранного материала, ведь мои предшественники ограничивались, как правило, только текстом. У нас же, помимо текстового материала, присутствовал огромный наглядный материал.

В результате основополагающим критерием стало следующее. Если на государственном монетном дворе той или иной личности была посвящена монета, медаль, нагрудный знак или орден, то этот человек уже бесспорно получил всенародное признание, любовь и уважение и такая персона становится приоритетной. По данному критерию и стал формироваться материал, подлежащий отбору в первую очередь.

Личности, запечатленной только в полиграфии (марки, боны, открытки, конверты, спичечные этикетки и т.д.), отводилось место в резерве

⁸ *Чернышевская Н. М.* Н. Г. Чернышевский и Саратов. Саратов, 1978.

⁹ *Годы и люди* / Под ред. С. В. Каткова. Саратов, 1983.

¹⁰ *Румянцев Н. М.* Люди легендарного подвига. Саратов, 1968.

и, с появлением памятников в области нумизматики и фалеристики, они переводились в основную или главную группу персоналий.

В процессе работы позаимствовать подобный опыт было негде, пришлось решать все вопросы самому. Истина рождалась в муках. Помогло только то, что тема эта автором была поставлена несколько десятилетий назад, материал постепенно накапливался, необходимо было довести возникшие проблемы до приемлемого решения.

Во многом помогли кулисы. Кулисы – тонкий картон А4 формата черного цвета, где с лицевой стороны горизонтально через определенный равномерный промежуток наклеены 8 специальных прозрачных полосок, позволяющих расположить на этом поле картона любую полиграфическую продукцию малого формата – открытки, бонны, конверты, почтовые марки и блоки, спичечные этикетки, лотерейные билеты, календарики и т. д. и т. п. в любой удобной комбинации.

Ввиду того, что кулисы односторонние, это позволяет размещать их по две штуки в файл с последующим стационарным хранением в папках с четырьмя крепежными кольцами. Поскольку кольца в папке разъёмные, это даёт возможность достаточно мобильно создать подборку любого объёма, тематики и назначения, начиная от мини-подборки для сообщения и доклада и кончая солидной выставкой для любой аудитории. Кроме того, весь имеющийся материал можно быстро расположить в требуемом порядке.

В результате, благодаря кулисам, мы получили в оформлении выставки общее единообразие, ощущение целостности и завершенности, а за счет индивидуального подбора материала по персонам мы имеем разнообразие каждой кулисы в отдельности.

В музейной практике малый полиграфический материал не всегда удачно выставляется при экспонировании. С нашей точки зрения, наиболее удачно для этой цели подходят именно кулисы разного формата. Прекрасным дополнением к полиграфическому материалу, расположенному на кулисах, в данном случае являются предметы нумизматики и фалеристики. И ещё: если материал по нумизматике и фалеристике в подлинниках показать не представляется возможным, его можно продемонстрировать, благодаря фотографиям.

Удалось разработать и рациональную схему расположения полиграфического коллекционного материала на кулисах. Как определяющий момент, в верхней части кулисы, слева или справа, вертикально располагается открытка или фотография той или иной персоны. Рядом с открыткой, слева или справа, помещаются марки, почтовый блок, спичечная этикетка или календарик. В нижней части кулисы, как правило, горизонтально закрепляется конверт либо открытка с оригинальной маркой. Слева или справа от конверта могут быть помещены, по необходимости, дополнительно ещё марки и спичечные этикетки. Творческие варианты расположения полиграфического коллекционного материала на кулисах ничем не ог-

раничены. Дерзать и фантазировать можно сколько угодно, но надо знать чувство меры. Желательно, чтобы полученная композиция смотрелась завершенной и эстетично, в тоже время достаточно строго и лаконично, без излишеств.

Если материал по данной персоне большой и его необходимо показать весь, то возможно использовать вторую кулису и более. То же с материалом и по нумизматике и фалеристике. Возможно, и даже желательно использовать тот и другой материал совместно.

Благодаря нашим стараниям, был получен великолепный разносторонний образец наглядности, а поскольку человек мыслит образами, наглядность, в данном случае, играет, несомненно, определяющую роль.

Разработанная система отбора и оформления коллекционного материала великолепно заработала и стала давать отличные результаты, о чем свидетельствует состоявшаяся в Саратовском областном музее краеведения с 17 декабря 2014 г. по конец февраля 2015 г. выставка под названием «Выдающиеся люди на земле Саратовской», посвященная году культуры и литературы, получившая положительные отзывы и общественное признание.

В состав выставки «Выдающиеся люди на земле Саратовской» вошло 45 персоналий. Персоналии к выставке были подобраны с таким расчетом, что среди них было 22 персоны Всероссийского года культуры (2014) и 23 персоналии Всероссийского года литературы (2015).

Представители культуры	Представители литературы
А. П. Боголюбов	Демьян Бедный
Генрих Венявский	В. А. Гиляровский
М. А. Врубель	Александр Грин
И. Э. Грабарь	Д. В. Давыдов
А. П. Довженко	Г. Р. Державин
В. Ф. Комиссаржевская	В. Г. Короленко
Б. М. Кустодиев	И. А. Крылов
В. И. Немирович-Данченко	М. Ю. Лермонтов
Ю. В. Никулин	Н. С. Лесков
Л. П. Орлова	В. В. Маяковский
К. С. Петров-Водкин	А. С. Новиков-Прибой
А. И. Райкин	Н. П. Огарев
С. В. Рахманинов	А. Н. Островский
И. Е. Репин	А. Н. Радищев
М. Г. Савина	А. Серафимович
Л. В. Собинов	А. Н. Стругацкий
П. А. Стрепетова	А. Н. Толстой
П. М. Третьяков	Л. Н. Толстой
П. И. Чайковский	Н. Г. Чернышевский
Ф. И. Шаляпин	К. И. Чуковский
Ф. О. Шехтель	Т. Г. Шевченко
М. С. Щепкин	М. А. Шолохов

**ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА ПО ИСТОРИИ
САРАТОВА И САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ**

Трудно представить сегодняшнюю серьезную краеведческую работу без использования новых архивных источников. Как правило, исследователи в первую очередь обращаются к материалам местных архивов: как областных, так и городских или районных. Несомненно, именно здесь сосредоточены основные источники по истории местного края. Но немало интересного для исследовательской работы, можно почерпнуть в фондах центральных архивохранилищ нашей страны, в частности, в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). В силу значительной централизации государственного управления в нашей стране, центр оказывал колоссальное влияние на развитие провинции. Тем более, когда это касалось вопросов военной жизни государства: строительства оборонительных укреплений, размещения войск, подготовки к обороне отдельных территорий. Во многих фондах РГВИА можно встретить материалы по истории Саратова и Саратовской губернии. В качестве информационной справки, в данном сообщении, обратимся лишь к отдельным фондам РГВИА.

В первую очередь, это касается материалов бывшего Военно-Ученого архива (ВУА). Именно под такими архивными ссылками в XIX–XX вв. историки публиковали многочисленные документы из ВУА, или давали на них ссылки. Ныне – это фонд № 846. В нем сконцентрированы статистические материалы, различные карты, и прилагающаяся к ним переписка служебного характера по Саратовской губернии и губернскому центру. Следует обратить внимание на дела с № 19.012 по № 19.021. В этих материалах имеются сведения по Саратовскому краю с конца XVIII – по начало XIX в. Это карта луговой части губернии, на территории которой предполагалось расселить ногайцев, собрание 11 окружных и уездных карт, план Саратовской степи¹. Большой интерес представляют дела,

¹ Из них опубликована в форме вкладыша «Карта Саратовского наместничества Вольской округи 1783 года» (д. 19.017. Л. 32 об., 33). См.: *Гуцихина Л. С.* От Мальковки до Вольска (Конец XVII - начало XIX веков). Научно-популярный сборник архивных документов. Саратов, 2008.

имеющие общий заголовок «Исчисление ...» уезда. Среди них, Вольского, Хвалынского и некоторых других уездов. Для военного ведомства особое значение имели сведения, относящиеся к размещению войск. В силу этого появилось дело № 19.019 – Ведомость селениям, и количество домов, обязанных постоем. К 1796–1801 гг. относится дело № 19.018 – Ведомость всех селений Саратовской губернии. Как уже выше отмечалось, Военная коллегия, а затем пришедшее ей на смену Военное министерство большое внимание уделяло составлению разнообразного картографического материала. Так, например, к 1780 г. относится карта Саратовского наместничества (№ 20.955)², карта Саратовского наместничества 1783 г., подписанная знаменитым государственным деятелем князем Г. А. Потемкиным. В деле № 20.966 хранится карта Саратовской губернии на 1818 г., подписанная губернатором А. Д. Панчулидзевым. Традиция составлять карты военного характера сохранялась на протяжении всего XIX в. Именно отсюда происходит происхождение двух архивных дел: № 19.020 – Военно-статистическое описание Саратовской губернии. 1850–1851 гг. и № 19.021 – Военно-статистическое описание Саратовской губернии. 1851 г.

Как известно, Саратовский край – это территория многочисленных иностранных поселений. Военное ведомство, конечно, не могло пройти мимо этого факта. Естественно, регулярно направлялись на места инженеры, которые старательно вычерчивали планы колоний. В делах бывшего Военного-Ученого архива сохранились несколько подобных карт. Это дела: № 21.578 «Генеральные карты Саратовских колоний и планы каждого поселения особо. Сост. в 1777 г. Рук. кап. Шацкий. М. 30 с», № 21.579 – планы городов Саратовской губернии³, № 21.580 – планы городов Саратовской губернии на 1810, 1820 и 1821 гг., № 22.561 – план Саратова, и при нем 102 колонии в Саратовском и Золотовском округе.

Определенное место в картографическом собрании фонда занимают чертежи самого губернского города. Например, дело № 22.562 – план Саратова с профилями, дело № 22.563 – план Саратова за 1803 г.⁴, дело № 24.016 содержит план течения р. Волга по территории Саратовской гу-

² Содержание этой карты проанализировано в работе М. В. Булычева. См.: Булычев М. В. Крестьянская колонизация Саратовского края в конце XVIII – первой половине XIX века и ее последствия. Саратов, 2004. С. 9-10.

³ Из них опубликован в форме вкладыша «План уездного города Волска Саратовской губернии» (Д. 21579. Л. 1), который датирован 1810 г. См.: Гуцихина Л. С. Указ. соч.

⁴ Сведения этого плана и плана 1798 г. (Д. 21528. Ч. III. Л. 65) использованы в статье Е. К. Максимова. См.: Максимов Е. К. Историко-культурные памятники на Троицком взвозе в Саратове // Саратовский краеведческий сборник: Научные труды и публикации. Саратов, 2002. С. 82-83.

бернии, № 25.709 – план спорной земли между Саратовским наместничеством и Войском Донским. 1782 г.

На одном из дел хотелось бы остановиться более подробно. Это д. № 19.019, состоящее из двух частей. Как следует из служебной переписки, хранящейся среди бумаг дела, 30 апреля 1808 г. А.А. Аракчеев предписал саратовскому губернатору Панчулидзеву: «...составить квартирное расписание по случаю расположения войск в Саратовской губернии». Спустя почти полгода, собрав необходимые сведения, Панчулидзеv 15 ноября 1808 г. рапортовал Аракчееву подробным ответом. В своем отношении губернатор представил карту губернии и её описание, по присланной Аракчеевым форме, где особенно подчеркивается, что пехота может с удобством расположиться в Саратовском, Волгском, Хвалынском, Кузнецком, Камышинском и частично – в Петровском уездах. Кавалерию, считал губернатор, лучше расположить в Сердобском, Балашевском, Аткарском и частью – в Петровском уездах. Артиллерию лучше размещать, по мнению Панчулидзева, в Царицынском уезде. Но казарм и полковых квартир, писал он, невозможно найти во всей губернии. Населения недостаточно, и губерния заселяется выходцами из других губерний.

Всего это дело насчитывает 45 листов «Ведомости уездов Саратовской губернии с показанием числа домов в каждом селении, обязанных постоем войск». Это таблица в виде нескольких граф: порядковый номер, название селения, количество верст от штаб-квартиры, число домов в селении для квартир, место штаб-квартиры. Например, «Саратовский уезд: № 1. Село Никольское, Белой ключ тож. Расстояние от штаб-квартиры 19 [верст]. Число домов 60. Штаб-квартира для гrenaдерского или мушкетерского полка на 2.358 человек в селе Сергеевском, Середовкатож. Лишних 30 квартир» (Л. 4–5). В деле для удобства пользования имеется алфавитный список всех селений и деревень.

Не касаясь других, подобных дел, находящихся в фонде бывшего Военно-Ученого архива, а ныне № 846, перейдем к характеристике нескольких других фондов, сохранивших материалы по Саратовской земле. В фонде № 349 (Главное инженерное управление Военного министерства), имеется «Опись планов, карт и чертежей Главного инженерного управления» (Оп. № 37). К Саратову относится множество дел. Следует только перечислить номера дел, относящиеся к данной тематике. Это № 132– Чертеж квартала под постройку каменной Крестовоздвиженской церкви. 1837 г., находящейся в саратовском квартале № 10. Указаны на чертеже фамилии казаков – владельцев дворов с № 1 по № 24, среди них братья Стрелковы, Гладкова, Солдатов и др. Под № 27 указана существующая в то время ветхая церковь. Сам квартал располагался между Соколовой, Горной, Соколинской и Ильинской улицами. Дело № 133– Чертеж фасада

Крестовоздвиженской церкви. 1837 г. № 134 – Чертеж внутреннего расположения Крестовоздвиженской церкви. 1837 г. № 135 – План города Саратова. 1838 г. На документе имеется помета: «Военный губернатор генерал-майор Бибииков. Саратовский губернский землемер» (фамилия неразборчива). Имеется «Изъяснение плана», где указаны: №№ кварталов, названия строений. Сам план подтвержден 12.09.1812 г. Особо отмечается, что в Саратове находятся два собора – Александровский и собор женского Крестовоздвиженского монастыря, 10 приходских церквей, 3 часовни, 10 казенных зданий, в том числе, «больница для бурлак», 10 общественных зданий. Помимо этих зданий, показаны «несуществующие в натуре Высочайше подтвержденные строения, состоящие под следующими красными номерами». Имеется Старообрядческая церковь. Масштаб плана достаточно подробный: в 1 английском дюйме = 50 саж. Дела № 136, 137, 138, 139 – это материалы к проекту возведения зданий для Внутреннего гарнизонного батальона в Саратове за 1839 г. № 140 – План города Саратова, 1839 г. На документе имеется любопытная помета: «Государь император изволил видеть». Проставлена дата: 2 декабря 1839 г. Чертил инженер-капитан Павловский. Масштаб 1 д. = 50. В незастроенной части Саратова указаны запланированные площади: Ямская, Дегтярная, Московская. Сам город заканчивался у Тюремного замка. У церкви, отмеченной на плане в районе Дегтярной площади, имеется карандашная помета: «кладбище», и поставлена цифра 13. Буква «А» отмечает место, назначенное по утвержденному в 1812 г. плану города под постройку зданий Гарнизонного батальона, но оно оказалось неудобным. Буква «В» – это место, вновь избранное под постройку этих зданий. В деле № 141 хранится план, фасад и разрез каменной греко-российской церкви. 1841 г. № 142 – план части Саратова. 1841 г. № 143 – фасад и план каменной церкви. № 144 – План и фасад берегового места со строениями. 1867 г. № 145 – чертеж на постройку общего порохового погреба. 1892 г. № 146 – генеральный план казарменных участков 6-й артиллерийской бригады. 1892 г. № 147 – план размещения одной из шести артиллерийских батарей. 1892 г. № 148 – проект лаборатории пяти батарей. 1897 г. № 149 – эскиз лабораторий. № 150 – часть плана г. Саратова с показанием люнета, занятого военным ведомством. 1897 г. Чертил Казанской инженерной дистанции. Казань. 28.01.1897. Утвержден Зав. инженерной частью Казанского военного округа. Это целый комплекс зданий: караульный дом, пороховой погреб и сараи. № 151 – генеральный план зданий местного лазарета на 90 кроватей. 1901 г. № 152 – План Саратова, сочиненный в 1746 г. по решению главного начальства

фортификации и артиллерии для Астраханского магистрата⁵. Масштаб: 1 английский дюйм = 50 саж. № 153 – профили г. Саратова. 1746 г.

Не меньший интерес представляют документы из фонда № 405 (Департамент Военных поселений Военного министерства). В описи № 4 сохранились несколько дел, имеющих прямое отношение к Саратову. История их такова. 15 августа 1837 г. Хозяйственный департамент МВД обратился к военному министру с предложением высказать свое мнение о предложении саратовского гражданского губернатора А. П. Степанова. Губернатор предлагал проект нового «устройства» города, и, в частности, размещение в нем арестантской роты. По мнению департамента, достаточно было в числе новшеств ввести в Саратовской губернии должность губернского архитектора, отказавшись от архитектора города. Хотя Степанов ссылаясь на пример Нижнего Новгорода, Ярославля и Харькова. Отказы-вались чиновники департамента и от предложения иметь архитекторских помощников, ибо их нет ни в Калуге, ни в Харькове. Для присмотра за общественными зданиями намечалось иметь четырех комиссаров по выбору от граждан Саратова. Но и здесь для сокращения расходов предлагалось ограничиться двумя (Л. 1). Составлял эти примечания на проект Степанова известный статс-секретарь Д. Н. Блудов. Более того, предлагалось всю работу по застройке города возложить на Строительный комитет. На документе имеются карандашные пометы директора департамента Военных поселений П. А. Клейнмихеля, и его резолюция: «Согласен». После обсуждения и поправок Положение было принято. Здесь же находится указ Николая I об утверждении данного Положения.

Как известно, одна из самых тяжелых обязанностей жителей российских городов – это постой воинских чинов. В деле № 1.507 находится переписка 1838 г. обозначенная как: «О проекте положения о постоянной повинности в Саратове». Еще 24 мая 1838 г. саратовский губернатор представил проект Положения о постоянной повинности, составленный особой Комиссией. Предлагалось вместо натурального постоя ввести особый сбор для удовлетворения квартирными деньгами по 2 % с оценки обывательского недвижимого имущества (Л. 1). 11 июня 1838 г. Департамент хозяйственный МВД обратился к Военному министру с вопросом: не признает ли он возможным принятие этого документа? В том же деле находится «Краткая ведомость о сумме потребной и о удовлетворении воинских чиновников и нижних чинов, в городе Саратове квартирующих, квар-

⁵ См. ссылки на это дело: *Браташова С. А., Максимов Е. К.* Чертеж Трумплицо-вых Саратовской округи и ее топография// Саратовский краеведческий сборник: Научные труды и публикации. Саратов, 2009. С. 190. Фрагмент этого плана опубликован: См. *Максимов Е. К., Мезин С. А.* Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб., 2010.

тирными деньгами» (Л. 15–24). Согласно ей, на содержание чинов Конно-артиллерийского резерва требовалось: начальнику резерва для содержания жилья – 3.794 руб., 1-й и 6-й батарей – 16.410 руб., батареи 2-я – 9-я приходящие в Саратов на два месяца с 1-го мая по 1-е июня требовали – 11.725 руб. (Л. 16). Саратовский гарнизонный батальон, Жандармская команда, 3-я рота гардкоутного экипажа путей сообщения должны получить на проживание 4.142 руб. В деле также имеется «Ведомость о воинских помещениях, квартирующих в городе Саратове войск» (Л. 19). Любопытны цены для проживания в Саратове. Так, в одном из разделов указывалось: «Сколько кому необходимо комнат: для конно-артиллерийского резерва – канцелярия штаба – 4 комнаты, 500 р.». Государь Николай I благожелательно отнесся к предложению МВД и 15 октября 1838 г. утвердил представленное Положение.

В данном фонде имеется и другая служебная документация официального характера, касающаяся различных сторон жизни города и всей губернии. Значение и содержание документов самое разнообразное. Так, дело № 299 от 26 октября 1840 г. на 51 листе, содержит материалы о наделении Саратова землей. Согласно документам Министры финансов, военный, внутренних дел и обер-прокурор Синода согласились с предложениями саратовской администрации намерить один 4-х верстный выгон городу. 24 октября 1840 г. состоялся Указ Николая I Сенату о наделении Саратова выгонной землей. Даже этот, частный пример показывает, насколько велика была централизация в Российской империи. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в силу подобной жесткой иерархии принятия решений, в архивных фондах центральных учреждений сохранились многочисленные документы, касающиеся истории развития русских городов и иных населенных пунктов. Не является в этом плане исключением город Саратов и Саратовская губерния. Эти документы еще ждут своих исследователей и пытливых краеведов.

ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В УРБАНИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

И.В. Андерсон

ОТНОШЕНИЯ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА И «ГРАДСКИХ ОБЫВАТЕЛЕЙ» САРАТОВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

«...жалования государева им нет, от миру подаяния
никакого им нет, и чем им питаться, Бог весть».

Иван Посошков

В «Прибавлении к Духовному Регламенту» Петра I, духовенству, между прочим, указывается, следующее строгое наставление: «За дело служения своего, например: за крещение, венчание, погребение и прочее, *не делали бы Иереи торгу, но довольны бы были подаваемым доброхотно награждением. Сие наипаче наблюдать в сорокоустах, за которые великие цены попы домогаются,...* и сами они часто сорокоустов служить не думают, а насильно платы, будто пошлины, за смерть истязуют. Сие едино зло»¹.

Дело в том, что *идеальной формой* материального содержания духовенства, по сути евангельской заповеди: «Разве не знаете, что священнодействующие питаются от святилища?»², «даром получили, даром и давайте»³ являются *добровольные приношения*, (денежные или натуральные), от тех персон, которые пожелают что-то пожертвовать. Тем самым, особенно подчеркивается, *принципиальная независимость* обеспечения духовенства от любых прагматических целей и связей.

В силу вышеизложенного, основное содержание проблемы отношений причтов и «градских», (равно как и сельских) обывателей, внешне предстает, как *вечный вопрос* о материальной необеспеченности приходского духовенства, а внутренне как вопрос о духовно-нравственной неустроенности этих отношений. Принципиальной особенностью

¹ ПСЗ-1. Т. VI. № 4022.

² 1-е посл. коринф. Гл. 9:13.

³ Мф. Гл. 10:8.

проблема является именно то, что сословные и прагматические интересы как духовенства, так и граждан создавали реальную почву для их отчуждения и социального конфликта.

Тема эта впервые и основательно была затронута и разработана, видным дореволюционным историком, П. В. Знаменским, нужно признать, что труды его и по сей день остаются базовыми по всем аспектам проблемы⁴. Выдающийся русский историк В.О. Ключевский очень много сделал в философском осмыслении вопроса⁵. Весомый вклад внесли такие авторитетные специалисты как Е. Е. Голубинский, А. П. Лебедев, Н. М. Никольский, А. В. Карташев, И. К. Смолич и др.⁶ Из современных исследователей важно выделить работы С. В. Римского, Т. Г. Леонтьевой⁷.

Известно, что в постсоветское время интерес к проблеме отношений церкви и общества возрос необычайно широко. Достаточно взглянуть на масштаб и остроту поставленных вопросов в диалогах известного телеведущего В. Познера с протоиереем В. Смирновым или митрополитом Санкт-Петербургским Илларионом.

Связь времен особенно выразительно проявляется и в том, что сама проблема о *добровольных приношениях* граждан сегодня также актуальна.

Наглядным примером является выступление Саратовского митрополита Лонгина под названием «Фиксированные "цены" на таинства и на обряды – вещь принципиально неправильная», в котором владыка говорит: «Плата за требы в храмах – это достаточно болезненная тема... *цифры эти ценами не являются, а могут рассматриваться только как рекомендуемый размер пожертвования*,... если у человека нет денег или даже желания платить за требы,... их обязаны совершать для него бесплатно»⁸.

Таким образом, суть *древних вопросов* сегодня звучит по-прежнему: камнем преткновения остается материальное обеспечение духовенства, поскольку неразрывно связано с духовной просвещенностью не только паствы но и пастырей.

⁴ Знаменский П. В. Приходское духовенство на России со времен реформы Петра. Казань, 1873.

⁵ Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. IX. М., 1990.

⁶ Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1. М., 1901–1911.; Лебедев А. П. Материальное состояние духовенства в IV, V, VI, и VII веках. М., 1898; Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1985; Карташов А. В. Очерки по истории русской церкви. Т. 2. М., 1992.; Смолич И. К. История русской церкви: 1700-1917. М., 1997.

⁷ Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ: Церковные реформы в России 1860-1870-х гг. М., 2000.; Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX-начале XX в. М., 2002.

⁸ Митрополит Саратовский Лонгин: Фиксированные «цены» на таинства и на обряды – вещь принципиально неправильная // <http://zemin.by/pravoslavnyie-novosti/mitropolit-saratovskij-longin-fiksirovannye-ceny-na-tainstva-i-na-obryady-veshh-principialno-nepravilnaya.html>

В силу изложенного, целью данной статьи является попытка через анализ социально-экономического положения приходского духовенства Саратова в первой половине XIX в. выявить основные тенденции его взаимоотношений с городским населением.

К началу XIX в. в Саратове было возведено восемь приходских церквей, а к середине века их было уже шестнадцать. Прежде важно определить, по возможности, динамику численности приходского духовенства и его соотношение с общим числом граждан.

Нужно сказать, что сегодня вообще вопрос о динамике численности населения Саратова в XIX в., находится в стадии разработки, но уже имеются важные результаты. По выявленным М. В. Булычевым и М. В. Зайцевым источникам, на 1795 г. духовенство составляло 127 лиц мужского пола, в 1845 г. вместе с членами семей насчитывалось 608 человек. В 1856 г. зафиксировано 480 человек, а в 1861 г. 591 человек⁹. Думается, цифры эти близки к реальности.

Нам удалось выявить число непосредственно служащего духовенства на 1846 г. В отчете благочинного Г. И. Чернышевского от 21 мая 1846 г. показаны служащими 91 человек, из них холостых четверо¹⁰. В документах за апрель 1844 г. показано служащего 102 семейства, не служащего 34¹¹. Учитывая традиционно большое количество детей в семьях духовенства и находящихся за штатом, цифра – 608 человек (духовенства с семьями) в 1845 г. выглядит вполне обоснованной.

Принимая во внимание, что: «...уже в конце XVIII в. город насчитывал не менее 35 тыс. жителей, а значит входил в число крупнейших городов империи»¹². За 1825–1870 гг., население выросло в 2,2 раза, почти на 47 тыс. чел., составив цифру 85220¹³. Процентное отношение численности духовенства к общему числу жителей выглядит так: в 1795 г., примерно 1 %; 1845 – 1,2 %; 1847 – 1,1 %; 1856 – 0,65 %; 1861 – 0,7 %.

Таким образом, численность горожан во много раз превосходила общее число духовенства вместе с их семьями, внешне обеспечивая тем самым достаточное количество *возможных прихожан*, учитывая при этом, что город развивался и богател.

В октябре 1805 г. духовенство Саратовских приходов обратилось к

⁹ Булычев М. В., Зайцев М. В. Численность и социальный состав населения Саратова в конце XVIII – середине XIX века (по данным административно-полицейского учета) // История и историческая память. Саратов, 2013. Вып. 7-8. С. 108; 118; 120.

¹⁰ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО), ф. 135, оп. 1, д. 1879, л. 2-6 об.

¹¹ Там же, д. 1940, л. 1 об.

¹² Булычев М. В., Зайцев М. В. Указ. соч. С. 109.

¹³ Там же. С. 113.

губернатору П. У. Белякову с следующим прошением: «...что, питаясь одним только даянием за требы не могут содержать себя сим посредством, просят наделить их из Саратовских градских земель достаточным количеством земли, или имея в виду ревностный подвиг архангелогородских граждан...сделавших положение, чтобы вместо сбора производимого священниками с причтом на св. Пасху и в другие праздники назначить им от прихожан приличное годовое жалование»¹⁴. Губернатор передал дело в городскую думу.

Дело в том, что дума Архангельска, приняла постановление, одобренное императором: «...чтобы, вместо сбора, производимого священниками с церковным причтом о Святой Пасхе и в другие праздники, назначить им от прихожан годовое жалование...», так как, «...по малоимению своих доходов принуждены...ходить со крестом по домам, что...отнимает должное к ним уважение...»¹⁵. Здесь нужно сказать, что «хождения по домам» причтов, также основаны на пожертвованиях и как бы являлись *продолжением плат за требы*, но в суровой реальности приводили к частым конфликтам, отягощая авторитет духовенства.

Гласные под председательством известного купца Осипа Горбунова на заседании 20 октября, рассмотрев это прошение, отказали духовенству, как в земле, так и в жаловании. По поводу земли сослались на то, в земельных делах, дума руководствуется указом от 30 ноября 1804 г., а в нем «не сказано... о наделении» причтов «из градских земель участками»¹⁶.

Относительно жалованья заявили, что прежде всего это дело «зависит от собственной их воли», а кроме того и закон этого им не позволяет «за силою... городской грамоты 170-й статьи, ни к какому положению, приступить не можно...»¹⁷.

Риторика решения наводит на мысль, что гласные рассчитывали на приостановку дела и вообще вряд ли придали вопросу серьезное значение, но события обернулись иначе. В начале ноября губернатор вновь получил предложение решить этот вопрос, теперь уже от самого министра МВД, В. П. Кочубея, а епископ Гаий Пензенский и Саратовский направил подобное предложение, как губернатору, так и самому градскому голове О. Горбунову¹⁸.

В сложившейся ситуации гласным ничего не оставалось, как дело решить положительным образом и 16 ноября назначить причтам церкви следующее годовое жалованье: «...Соборной – 400 р.; Вознесенской – 200 р.; Рождество-Богородицкой – 200 р.; Казанской – 250 р.; Введенской –

¹⁴ ГАСО, ф. 3, оп. 1, д. 286, л. 434-434 об.

¹⁵ ПСЗ-1. Т. XXVIII. № 21920.

¹⁶ ГАСО, ф. 3, оп. 1, д. 286, л. 436.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, л. 461; 471.

200 р.; Вознесенской – 200 р.; Сергиевской – 200 р.; и Ильинской – 50 р., а всем 1700 рублей»¹⁹. При этом, они многозначительно указали, что так как «...должно быть таковое положение основано на добром согласии городского общества, то потребовать оное (на письме), от господ дворян, приказных служащих и прочих разночинцев чрез градскую полицию, а от... купечества и мещанства чрез... старост»²⁰.

Сбор сведений о «согласии» городских обществ растянулся до весны 1806 г. Купеческий и мещанские старосты, подали рапорты 22 февраля, а 18 апреля полиция прислала в думу «подписки» от дворян, приказных служащих и разночинцев²¹. П. У. Беляков 19 октября 1806 г. представил «положение» министру МВД²², а 25 января 1807 г. император утвердил это решение²³.

При этом важно заметить, что духовенство в свою очередь также пыталось повлиять на ход решения, конечно желая получить насколько возможно большую сумму *предполагаемого жалованья*.

С этой целью городской благочинный Евдоким Степанов представил губернатору ведомость о числе служащих священников и причетников и о том «сколько они от прихожан во время Пасхи, получают в год дохода»²⁴, к сожалению, в журнале заседаний думы, не указывается никаких конкретных цифр, что, думается, совсем не случайно.

Гласные рассматривали сообщение от губернатора с «ведомостью» благочинного, 22 ноября 1805 г., где П. У. Беляков просит гласных, «чтобы дума... *основываясь на ведомости благочинного...* в рассуждении назначения... жалованья учинила свое положение и представила немешкотно»²⁵. Однако они открыто проигнорировали эту рекомендацию формальной отпиской: «16 ноября *думою положение сделано*, по которому от граждан отбирается согласие»²⁶.

Стремления духовенства по возможности увеличить суммы более чем понятны, так как совершенно очевидно, что платы за требы не давали сносного содержания.

Впервые Екатерина II в 1765 г. попыталась внести порядок в притязания пастырей и в возможности паствы, установив минимальную цену за требы: «за молитву родительнице две, за крещение младенца три, за свадьбу по десять, за погребение возраст имеющих десять, и за

¹⁹ ГАСО, ф. 3, оп. 1, д. 286, л. 489 об-490.

²⁰ Там же, л. 490-491 об.

²¹ Там же, д. 351, л. 55 об; 150.

²² Там же, д. 351 а, л. 450 об.

²³ Там же, д. 394, л. 73.

²⁴ Там же, д. 286, л. 500-500 об.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

погребение младенцев три копейки», указывая пастырям, «чтобы...ни под каким видом большего себе за оные требы платежа не домогались, а довольны были таковыми указным и добротным подаянием».²⁷ Смысл очевиден: символические и явно низкие цены – не что иное как попытка пресечь любые *торги* по оплате за требы, а вовсе не средство для улучшения обеспечения духовенства.

Правда, Александр I указом от 1801 г. 3 апреля, «по уважению возвысившихся цен», повысил эти «тарифы» в два раза, не меняя при этом сути.²⁸

Выразительным фактом, в связи с этим, явились результаты учрежденного в 1808 г. «особого комитета», разбиравшего, в том числе и источники содержания белого духовенства.

«Пересмотрев все наличные способы содержания духовенства, комитет нашел их весьма неудовлетворительными... они недостаточны и даже в большей части церковей совершенно скудны. По ведомостям из епархий присланным... из 26417 церковей, ныне состоящих, едва находится 185, коих бы доход на причт простирался до 1000 р. Все прочие,.. представляются в самом бедном состоянии, так что в некоторых доход показан от 5 до 10 р. на год, а в самой большей их части составляет 50-150 р. Само существо сих доходов подвержено весьма важным неудобствам. Сбор за мирские требы поставляет священника в непрерывное состязание с теми самыми людьми, коих любовь и уважение ему более, нужны»²⁹.

Яркое подтверждение дает дневник Н. Г. Скопина: «Я сказывал проповедь, которую чрезвычайно хвалили все, но ничего в пользу мою не делали. Таковы люди! На слова ч<т>ивы (?) и на то, что ничего не стоит, а на деле никто ничего. – Эти замечания заставляют меня делать великая бедность, которую я сильно угнетен», «О, не годится быть бедным»³⁰.

Установленное жалование, скорее всего, предполагало исключительно пособие на питание семьям служителей, если считать в приходе обычно: священник, дьякон, дьячок, пономарь. Для сравнения: полицмейстеру в Саратове жалование назначалось в 500 р., частному приставу 190 р., квартальному надзирателю 150 р.³¹

Даже если формально допустить на семейство по 50 р. на год, при «недорогой жизни» в Саратове, где цена на пуд ржаной муки (который примерно рассчитан на месяц), колебалась приблизительно от 30 до 85 коп.,

²⁷ ПСЗ-1. Т. XVII. № 12378.

²⁸ Там же. Т. XXVI. № 19816.

²⁹ Знаменский П. В. Указ. соч. С. 698-699.

³⁰ Скопин Н. Г. Записки дневные о вещах и делах достопамятных протоиерея Николая Герасимовича Скопина // Саратовский исторический сборник, 1891. Т. 1. С. 451-452.

³¹ ГАСО, ф. 3, оп. 1, д. 351, л. 96.

то очевидно, это будет режим выживания. Н.Г. Скопин записал в 1811 г. 1 января: «Дороговизна во всем была ужасная: хлеб ржаной от 31 копейки возвысился до 40 копеек; четверть овса от 440 копеек до 5 рублей. Таковая же постепенность в возвышении простиралась и на все вещи»³², а в июле 1814 г.: «Мука ржаная поднялась в цене до рубля и десяти копеек»³³.

Вполне понятно, какие надежды возлагало духовенство на учрежденное пусть и скромное, но стабильное жалование.

Однако надежды не оправдались. Чтобы понять исключительно формальный подход гласных к этому вопросу, достаточно взглянуть на источник получения этих средств. Сумма составлялась вовсе не от щедрости состоятельных или «крепких» граждан, а от налога с недвижимости – так называемых квадратно-поземельных денег собираемых по указу 14 мая 1799 г. на содержание полиции.

Собирался этот налог всегда с большим трудом и не вовремя, что приводило к накоплению значительных недоимков за многие годы. Дума как правило в ежегодных ответах объясняла задержку выплаты тем, что деньги еще не собраны³⁴.

Когда Ильинскую церковь в 1810 г. закрыли по причине ветхости, гласные отреагировали на это тем, что решили в 1811 г., совсем исключить сумму в 50 (!) рублей, которая была назначена причту церкви, приняв следующий вердикт: «...как она церковь без приходу и священства то и жалованья того производить не следует»³⁵.

Духовенство пыталось возражать летом 1814 г.: «...для... Кладбищенской церкви деньги доставлять также, ибо она хотя и заперта но на кладбищах священники... всякие требы безостановочно исправляют, да и Дума сама собою отменить что-либо... сего Постановления без дворянского сословия и губернатора *едва ль* в праве»³⁶. Заседателей такое сомнение в их правах, нисколько не поколебало, правовыми категориями они вряд ли намеревались руководствоваться и считали, что право имеют. В итоге резолюция от 3 июня гласит: «на жалование... духовенству сумму отпущать... согласно учиненной здесь 11мая резолюции по третям в 550 р. за каждую...», т.е. 1650 р.³⁷

Богатое купечество и торгующее мещанство обладали к этому времени немалыми капиталами, их общество имело свою недвижимость в городе, торговые места, и даже отдельный бюджет. Влияние их в экономической сфере было очевидным, поэтому столь смелое решение не

³² Скопин Н. Г. Указ. соч. С. 420.

³³ Там же. С. 483.

³⁴ ГАСО, ф. 3, оп. 1, д. 561, л. 435 об.

³⁵ Там же, д. 627 а, л. 85.

³⁶ Там же, д. 802, л. 242.

³⁷ Там же, д. 242 об.

удивительно. Н. Г. Скопин в дневнике за 18 ноября 1811 г., делает много объясняющую запись: «Сего дня погребен саратовский купец Андрей Архипов сын Канин. Жил грубо и скупю; но был богат чрезмерно. Не знал ходить ни в церкву ни в часовню раскольническую»³⁸.

Формализм и пренебрежение со стороны состоятельных граждан, и пассивность остальных, практически безучастных обывателей вряд ли могут вызывать сомнения. История с жалованием продолжалась до 1839 года.

В журналах заседаний думы, к сожалению, не удалось обнаружить решение по его отмене, но это видно по бюджетным (приходо-расходным) книгам города. В статье расхода оно последний раз фигурирует за 1838 г., а в 1839, равно как в 1840; 1841 гг., отсутствует³⁹. В связи с этим, примечателен следующий факт. Саратовская консистория 23 июня 1839 г. просит думу «отпустить... духовенству за прошлые 1831; 1832; 1833; 1835; 1836 и 1838 гг. в жалованье денег»⁴⁰. Такая задержка выплат наглядно свидетельствует о *финансировании по остаточному принципу*. Так как бюджет города больше не содержал такой статьи расхода, то просьба консистории явно похожа на окончательный расчет.

Город, конечно, нес немалые расходы на воинские нужды, полицию, пожарную команду, однако думается, что не финансовые тяготы явились основной причиной отмены жалования причтам, а прежде всего крайне неудовлетворительная организация этого дела и самое главное, то, что начинание это не нашло *реальной поддержки* у большинства обывателей.

В связи с этим, весьма показательным является послание Епископа Иакова, в св.Синод в 1846 г., о трудном материальном состоянии причтов, где он констатировал, что духовенство: «...пользуется возмездием за требоисправления самым ограниченным, а город имеет столь огромные доходы, что за всеми расходами остаются десятки тысяч, и потому состоит в первоклассных губернских городах»⁴¹.

Фраза епископа очень выразительно и откровенно на наш взгляд показывает те *основные тенденции*, которые преобладали в отношениях граждан и духовенства.

Правда, здесь может возникнуть вопрос о старообрядцах Саратова. Насколько велико было их влияние? Известный и скрупулезный исследователь А. И. Артемьев тщательно изучал численность старообрядцев в губернии. По его данным в Саратове к середине века насчитывалось 648 мужчин и 834 женщины⁴². А по данным саратовской консистории в

³⁸ Скопин Н. Г. Указ. соч. С. 469.

³⁹ ГАСО, ф. 3, оп. 1, д. 1966, 1990, 2140, 2163.

⁴⁰ Там же, д. 1981, л. 138.

⁴¹ Там же, ф. 135, оп. 1, д. 1940, л. 6.

⁴² Булычев М. В. Состояние раскола в Саратовской губернии середины XIX в. (по

1849г., 748 мужчин и 933 женщины⁴³; соответственно в 1850 г., 743 мужчин и 905 женщин⁴⁴.

Трудно сейчас дать окончательную оценку. Однако, население Саратова в 1850 г. насчитывало 55396 человек, а число раскольников 1648, что составит только в 3%(!).

Думается, что (не исключая старообрядцев) основные тенденции отношений градских обывателей и духовенства основывались в большинстве своем прежде всего на сословных и прагматических началах, оставляя в тоне духовно-нравственные законы. Для большинства граждан приходское духовенство не представляло собою религиозного авторитета.

Суть этих отношений необычайно красноречиво определил в своем дневнике видный деятель саратовского духовенства, протоиерей Н. Г. Скопин: «О, граждане! Граждане! Едва ль вы Бога знаете, не зная, никаких связей общественных, живете только для одних себя и наполняете карманы деньгами для наследников, по большей части мотов и пьяниц. *В вере нет союза, в общежитии нет союза.* Что ж за люди населяют город?»⁴⁵.

рукописи А. В. Артемьева) // Памятные даты отечественной и местной истории и документальное наследие. Саратов, 2009. С. 75.

⁴³ ГАСО, ф. 135, оп. 1, д. 2193, л. 33.

⁴⁴ Там же, д. 2229, л. 54 об-55.

⁴⁵ Скопин Н. Г. Указ. соч. С. 469.

САРАТОВСКИЙ ПЕРИОД БИОГРАФИИ Г.Е. ГЕРНГРОСА

В отечественной исторической науке африканистика как отдельная совокупность знаний начала выделяться только в 20-х годах XX века. Один из основателей африканистики Георгий Евгеньевич Гернгрос – человек трагической судьбы, часть которой связана с Саратовом.

Происходил он из семьи профессионального военного Евгения Александровича Гернгроса, который в 1909-1911 гг. являлся начальником Генерального штаба. Дворянский род Гернгросов вёл своё начало от выходца из Нидерландов, прибывшего в Россию в XVI веке. Дед Георгия Евгеньевича во времена императрицы Елизаветы занимал пост директора Департамента горных и соляных дел¹.

В 1910 году Георгий Евгеньевич поступил в Санкт-Петербургский политехнический институт. Из него через год перешёл в Александровский (бывший Царскосельский) лицей, который закончил, спустя три года и получив «образование юриста и экономиста». Окончание лицея совпало с началом тяжёлой полосы в истории нашей страны – первой мировой войны, революций и гражданской войны. Из-за болезни сердца Гернгрос не подлежал призыву в действующую армию. Но это не помешало ему до конца 1917 года служить в Передовом отряде Российского Красного Креста на Западном и Юго-Западном фронтах.

К Октябрьской революции Гернгрос «отнёсся безразлично, так как по своим религиозным убеждениям не придавал значения политическому строю и социальному порядку, считая, что лишь с изменением внутренних качеств человечества может измениться к лучшему и внешняя обстановка жизни»². В 1918 году в Ямбургском уезде Петроградской губернии, где находилось поместье Гернгросов и куда Георгий Евгеньевич приехал с фронта, начались волнения крестьян, недовольных новой властью. Гернгроса обвинили в подстрекательстве, арестовали, но за неимением улик вскоре освободили. Он вернулся в Петроград, устроился в голландское посольство. В этот период посольство представляло интересы не только голландских, но и английских подданных в России. Гернгрос вёл дела английской колонии Петрограда. Здесь его как «социально чуждый

¹ Здесь и далее сведения о жизни Г.Е. Гернгроса до службы в Саратове даны по: *Вяткина Р. Имя за псевдонимом// Азия и Африка сегодня. 1993. №7. С. 74-76.*

² Цит. по: *Вяткина Р. Указ. соч. С. 75.*

элемент» дважды арестовывали и после непродолжительных разбирательств снова освобождали. Георгий Евгеньевич решил перебраться в Москву. Служил в Центральном союзе кооперативных обществ (Центросоюз), в Народном комиссариате внешней торговли (Наркомвнешторг). Когда в Поволжье разразился голод, Гернгрос, владевшего английским, немецким и французским языками, привлекли к работе в системе организации заграничной помощи голодающим.

Так, Гернгрос, вместе с женой Сирой Александровной, урождённой Тимашевой, появился в Саратове. Здесь 27 декабря 1921 года оба стали служащими учреждения с очень длинным названием – Управление уполномоченного Полномочного представительства правительства РСФСР при всех заграничных организациях помощи России по Саратовской, Уральской, Букеевской губерниям и Немкоммуне и при Международном союзе помощи детям (МСПД), он в качестве уполномоченного по Саратову и Саратовскому уезду, она – в качестве переводчицы³. Располагалось это учреждение в бывшем доме Шишкина на Грошовой, 8⁴. (Ныне – улица Дзержинского, дом состоит на учёте как памятник архитектуры).

30 декабря 1921 года в Саратовскую губернскую комиссию помощи голодающим (губпомгол) было направлено письмо: «МСПД просит зачислить на довольствие уполномоченного по Саратовскому уезду тов[арища] Гернгроса Г. Е. и секретаря уполномоченного Гернгрос С. А. с 28 декабря с[его] г[ода], с какового времени и выдавать им довольствие впредь до особых распоряжений». На письме есть резолюция: «Тов[арищу] Большакову. Для записи в список»⁵. Как видим, Георгий Евгеньевич и в этом документе значится уполномоченным по Саратовскому уезду. А Сира Александровна значится не переводчицей, а секретарём уполномоченного, то есть секретарём Г. Е. Гернгроса.

Пайки им обоим были назначены высшей 3-ей категории. Причём в ведомостях получения пайков, в графе «Занимаемая должность» Г. Е. Гернгрос записан как уполномоченный по Саратовскому уезду, заведующий организационным бюро, статистик. С. А. Гернгрос упомянута только как заведующая вещевым складом⁶.

Суть деятельности выше названного учреждения с длинным названием состояла в своевременном учёте голодающих и в быстром и справедливом распределении между ними получаемой из-за границы

³Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО), ф. Р-790, оп. 1, д. 158, л. 1.

⁴Весь торгово-промышленный Саратов на 1923 год. Справочный адрес-календарь-указатель. Саратов, б/д. С. 59.

⁵ГАСО, ф. Р-790, оп. 1, д. 159, л. 38.

⁶Там же, д. 177, л. 1-2, 4, 5 об., 13 об., 18 об., 25 об., 30 об., 35 об.

помощи. Помощь шла разнообразная. В первую очередь – продукты. В статистических отчётах о работе кухонь и столовых для голодающих за 1921-1922 годы, под которыми стоит подпись уполномоченного Г. Е. Гернгросса, значатся разные крупы, мука, сахар, соль, горох, фасоль, чечевица, какао, шоколад, молоко, хлеб и др. Кроме того, поступало оборудование для кухонь и столовых (котлы, посуда, мясорубки, топоры, молотки, фонари, лампы и другие предметы), одежда нательная и верхняя для голодающих и спецодежда для обслуживающего персонала, обувь, полотенца, санитарно-гигиенические принадлежности, медикаменты и многое другое. В списках значатся даже такие предметы не самой первой необходимости, как пожарный аппарат, швейная машина⁷.

На состоявшемся в феврале 1922 года совещании председателей волостных исполнительных комитетов и ответственных секретарей РКП (б) Саратовского уезда Георгию Евгеньевичу была объявлена «благодарность за работу его по борьбе с голодом». В свою очередь Гернгросс выразил «надежду на дальнейшее развитие работы совместными усилиями»⁸.

В апреле 1922 года в составе специально назначенной комиссии Гернгросс занимался созывом съезда всех уездных уполномоченных Правления⁹. К весне 1922 года, а именно, к 17 мая, относится заполненная лично Георгием Евгеньевичем, «Анкета поступающим на службу в заграничные организации помощи голодающим», составленная по форме: вопрос – ответ. Приведу некоторые из них: «3. Год и место рождения. – Петроград, 1892. 4. Национальность. – Русский. [...] 7. Отношение к военной повинности. Военная подготовка. – Освобождён. [...] 10. Были ли за границей, где и когда. – В детстве, в Италии. 11. Основная профессия. – Юрист. [...] 14. Последняя занимаемая должность. – Заместитель заведующего мужевым п[од]о[тделом] Центросоюза. 15. Где проживал последние 4 года. – В Петрограде, Москве. 16. Сословие и социальное положение. – Б[ывший] потомств[енный] дворянин, землевладелец. [...] 19. Имеет ли родственников за границей. – Сестра в Ревеле. [...] 22. Личный адрес. – г. Саратов, Б[ольшая] Казачья, 88»¹⁰.

С 3 августа 1922 года Гернгросс упоминается в документах как заведующий организационным бюро. Вскоре на него же были возложены также и обязанности заведующего транспортно-материальным отделом, от

⁷ ГАСО, ф. Р-790, оп. 1, д. 134 (полностью); д. 155, л. 5, 9, 13; д. 212, л. 3, 9, 10 об., 11, 1 2об. (и далее).

⁸ Там же, ф. Р-521, оп. 1, д. 176, л. 309 об.

⁹ Там же, ф. Р-790, оп. 1, д. 158, л. 9.

¹⁰ Там же, д. 49а, л. 70. Ревель – ныне Таллин. Бывший дом 88 на Большой Казачей, предположительно, ныне имеет номер 70, находится между улицами Рахова и Чапаева.

которых он освобождён 20 сентября. А с 27 октября Георгий Евгеньевич уже значится заведующим статистикой. По делам службы он командировается в Москву, Уральск. В сохранившихся копиях выданных ему командировочных удостоверений отдельным абзацем указано: «Всем учреждениям и лицам предлагается оказывать тов[арищу] Гернгросу всемерное содействие». 24 ноября 1922 года Георгию Евгеньевичу было предложено «принять заведование вновь сформированным организационным бюро Правления»¹¹.

К осени 1922 года относятся несколько документов, дающих скудные сведения о жене Георгия Евгеньевича. С 26 сентября по 9 октября ей был предоставлен очередной двухнедельный отпуск в Москву. Затем последовал приказ по Управлению уполномоченного Представительства РСФСР при всех заграничных организациях помощи России и при МСПД: «[...] Переводчицу при МСПД тов. Гернгрос С. А. уволить с занимаемой должности с 11/X с[его] г[ода] по сокращению штата. Сметно-счётному отделу предлагается исключить тов. Гернгрос С. А. со всех видов оплаты труда с названного числа [...]». Находившаяся в это время в Москве Сира Александровна попросила Управление выслать ей документы о её работе в Саратове почтой¹².

15 февраля 1923 года Гернгрос подал руководству заявление: «На совещании 13 сего февраля я назначен зав[едующим] статистикой по штату центра. Я считаю это назначение фиктивным, по крайней мере, при настоящем положении вещей. Поскольку я занят работой по оргбюро и ларьку, не может быть и речи о принятии мною на себя ответственности за статистику. По о[рг]б[юро] статистика мне подведомственна, как всякий другой отдел управления, но специального руководства ею я не могу взять. Поэтому туда необходимо принять ответственного работника, который будет выполнять всю работу.

При таких условиях это лицо следует зачислить по штату центра, ибо неправильно было бы оплачивать его по штату губпоследгола¹³, а меня, не работающего фактически в статистике, оплачивать за его счёт по ставкам центра.

Если опять возникает вопрос, куда меня приткнуть, то меня можно зачислить в губпоследгол, раз считается опасным меня числить по ларьку, где я фактически работаю. Во всяком случае, нельзя заставлять меня присваивать чужое жалованье.

¹¹ ГАСО, ф. Р-790, оп. 1, д. 158, л. 32, 56, 57, 63; д. 164, л. 4; д. 170, л. 70.

¹² Там же, д. 158, л. 50, 54; д. 161, л. 14-15; д. 175, л. 37.

¹³ Губпоследгол – Саратовская губернская комиссия по борьбе с последствиями голода.

Поэтому я предлагаю: 1) освободить меня от должности зав[едующего] статистикой; 2) принять в статистику ответственного товарища для постоянной работы; 3) назначить меня либо по какой-нибудь из занимаемых мною должностей (КОМ. ВЦИК¹⁴ или ларёк), либо создать специальную должность при губпоследголе».

На машинописный текст заявления с подписью Гернгросса наложена красными чернилами резолюция без подписи: «Назначить тов[арища] Сверчкова зав[едующим] статистикой. 17/II-23 г.»¹⁵ Резолюция является свидетельством того, что предложения Гернгросса были резонны и сразу же учтены.

Из заявления видно, что на момент написания документа Георгий Евгеньевич заведовал параллельно оргбюро и ларьком. Эта информация в совокупности с приведенными ранее сведениями о его назначениях приводит к мысли, что в ведомстве Управления с длинным названием не хватало толковых, знающих иностранные языки, способных разобраться в ситуации и организовать работу сотрудников. Потому и поручали Гернгроссу то один участок работы, то другой, а чаще – сразу несколько. Но в тексте заявления настораживает следующая фраза: «Если опять возникает вопрос, куда меня приткнуть, то меня можно зачислить в губпоследгол, раз считается опасным меня числить по ларьку». Так что постоянная переброска объясняется, возможно, и недоверием к бывшему потомственному дворянину и землевладельцу со стороны рабоче-крестьянского руководства, вынужденного всё же использовать его знания и способности. А в словах «меня приткнуть» сквозит бесконечная горечь и обречённость человека, замордованного новой властью.

С 1 марта 1923 года Гернгросс поступил в распоряжение губпоследгола, а после ликвидации этой комиссии стал «научным сотрудником по политэкономии» в Саратовском университете и «инструктором по истории профсоюзов» в Школе профдвижения¹⁶. В этот же период в местных журналах и в газете «Саратовские известия» появились его первые статьи просветительского характера. Например, в статье «Система премирования забора и её значение», опубликованной в журнале «Голос Нижне-Волжского кооператора», он писал: «Переход на добровольное членство, естественно, ставит перед потребительской кооперацией вопрос об отыскании путей заинтересования пайщиков в производстве закупок из кооперативной лавки. До тех пор, пока государство держало в своих руках весь аппарат распределения предметов

¹⁴ Вероятно, имеется в виду комиссия (или комитет), подчинявшаяся и финансировавшаяся правительством – Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом (ВЦИК).

¹⁵ ГАСО, ф. Р-790, оп. 1, д. 161, л. 164.

¹⁶ Вяткина Р. Указ. соч. С. 75.

первой необходимости и продуктов, вопрос о привлечении населения к закупкам в кооперативных лавках не стоял остро, ибо лишь в этих лавках можно было получить по карточкам выдавшиеся гражданам продукты. Это был так называемый «распределенческий период» кооперации. В настоящее время, после постановления и декрета ВЦИК о переходе на принципы добровольчества, кооперация в целом (в городе и деревне) должна строить свои торговые операции так, чтобы пайщики охотно шли в кооперацию и там закупали. Одной из мер заинтересования пайщиков является премия за забор [...]». И далее Гернгрос дал историю возникновения и развития премирования активных покупателей, начиная с 1844 года, с кооперации английских ткачей¹⁷.

В своих статьях Георгий Евгеньевич освещал роль химической промышленности в народном хозяйстве и возможность её быстрой переориентировки, в случае необходимости, на военные нужды; историю возникновения кооперативного движения, являющегося, по утверждению автора, «одной из форм классовой борьбы»; первые итоги и задачи дальнейшей деятельности Общества друзей воздушного флота (ОДВФ); перспективы развития жилищной кооперации в Саратове, источники финансирования и значение её не только для строительства жилья, но и для внедрения новых форм быта, раскрепощающих женщину – создание на кооперативных началах общественных столовых, прачечных, детских яслей и садов¹⁸.

В мае 1926 года Гернгрос снова вернулся в Москву¹⁹. Три года в Наркомате внешней торговли успешно разрабатывал принципы ведения торговли с восточными странами. Но в результате проведённой в Наркомате «чистки» он, как бывший дворянин, к тому же трижды арестовывавшийся в 1918-1919 годах, оказался уволенным. А вскоре его вообще лишили избирательных прав, поэтому получить постоянную работу стало невозможно. Георгий Евгеньевич перебивался временными заработками то переводчика, то преподавателя английского языка, давал частные уроки английского. Удивительно, что именно в этот трудный период Гернгрос начал заниматься проблемами Африки. Впрочем, может быть, интерес к «чёрному континенту» помогал абстрагироваться от собственных проблем.

Изучая экономику и национальные проблемы Африки, Георгий Евгеньевич в апреле 1929 года подал в дирекцию Института мирового хозяйства и мировой политики (ИМХиМП) записку, в которой

¹⁷ Голос Нижне-Волжского кооператора. 1924. № 3 (63). С. 11-12.

¹⁸ Коммунистический путь. 1924. № 17. С. 110-115, 158-162. То же. 1924. № 18. С. 81-84. То же. 1925. № 26. С. 45-52.

¹⁹ Вяткина Р. Указ. соч. С. 75.

констатировал: «[...] у нас до смешного мало книг, где исследовалось бы экономическое состояние этого материка, отдельные отрасли сельского хозяйства и промышленности и роль африканских колоний в мировом хозяйстве. Вероятно, это происходит оттого, что самое изучение Африки ещё не поставлено в порядок работы института в виде самостоятельной задачи. Между тем, «негритянская проблема» не может быть сколько-нибудь полно изучена без предварительного глубокого ознакомления с экономикой «чёрного континента». Поэтому я прошу обратить особое внимание на пополнение полок ИМХа книгами из этой области и совершенно готов помочь в составлении списка желательной литературы [...]»²⁰.

Несмотря на житейские трудности, Гернгрос смог подготовить и опубликовать ряд статей и книги «Империализм на Чёрном континенте», «Южно-Африканский союз. Очерки», «Британские колонии в Южной Африке», «Империализм и колонии». Его работы способствовали выделению из арабистики и египтологии африканистики в качестве самостоятельного направления научных исследований. Свои публикации об Африке он подписывал аббревиатурой «ЮГ», что означало Юрий Гернгрос. Поскольку имена Георгий и Юрий тождественны, имя Юрий проставлялось им иногда и в других документах²¹.

Жизнь учёного оборвалась в 1937 году, когда вновь ему поставили в вину дворянское происхождение, владение имением, обвинили в шпионаже в пользу Англии, хотя ни одного факта, подтверждающего его враждебную деятельность, обнаружено не было²².

²⁰ Цит. по: *Вяткина Р.* Указ. соч. С. 76.

²¹ Там же.

²² Там же.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕДАГОГА-НОВАТОРА Э.Я. КНОТЕ (РУДОМИНО) В САРАТОВЕ В 1910-1915 ГГ.

В последнее время Саратов воскресил в памяти своих граждан многие забытые имена. На старинных особняках - частных домах и общественных учреждениях - стали появляться мемориальные доски, чтобы благодарные потомки могли почтить память своих выдающихся земляков. Но, конечно, далеко не все таблички с достойными именами вывешены на саратовских зданиях, да и сами дома, увы, безвозвратно уходят в прошлое.

Такая табличка с полным основанием могла бы появиться на здании первой женской гимназии, основательницей и первым директором которой была Эмилия Карловна Ульрих. Однако особняк на углу улиц Провиантской и Мичурина остался только на редких фотографиях¹. Украшать же фасад могла бы фамилия не только директора, но и одной из выдающихся преподавательниц начала прошлого века - Элеоноры Яковлевны Кноте, в замужестве - Рудомино (1877-1915). Зато фасад первой гимназии буквально в квартале от этого места (ул. Мичурина, 88) украшает фамилия её знаменитой дочери - Маргариты Ивановны Рудомино, оставившей в своей книге воспоминаний «Моя библиотека» немало интереснейших страниц о любимой матери, безвременно ушедшей из жизни. Ровно 100 лет назад, в апреле 1915 года, Элеонора Яковлевна скончалась в возрасте 38 лет, оставив вскоре ставшую круглой сиротой дочь. И ещё - свои методики и печатные труды.

Элеонора Яковлевна, старшая из детей Якова и Ольги Кноте, родилась в Белостоке Гродненской губернии (ныне это территория Белоруссии). Корни этого обрусевшего немецкого рода ведут к роду фон Бэр. Внучка вспоминает семью купца 2-й гильдии Кноте как интеллигентную, высокообразованную, в которой все дети (четыре дочери и сын) получили образование и владели иностранными языками, унаследовали от матери особую любовь к музыке. Все отличались особой артистичностью, даже экстравагантностью. У всех образовались собственные семьи, но, конечно, у каждого всё сложилось непохоже на остальных.

Элеонора Кноте окончила пансион для молодых девиц в Риге, намеревалась учиться в Рижском музыкальном училище. «Молодые девицы» изучали, помимо нот, самые разные факультативные дисциплины, от выжигания по дереву до кулинарии. Элеонора планировала стать пианисткой, но судьба сложилась иначе. Замуж она вышла не за юношу, в которого бы-

¹ Старый Саратов /<http://oldsaratov.ru/photo/643> [Электронный ресурс] (обращение: 07.09.2015)

ла влюблена, а за молодого агронома Ивана Михайловича Рудомино (его фамилия польско-литовского происхождения). Трудно понять, был ли удачным сей союз, но, во всяком случае, Маргарита Ивановна вспоминает свой дом как постоянно действующий «центр уездной интеллигенции». У них было весело: мама любила музыку, шарады, вечно затевала творческие игры с молодёжью... Элеонора Яковлевна окончила вдобавок педагогические курсы при Берлинском университете и стала педагогом по немецкому языку. Когда мужа перевели по службе в Саратов в 1905 г., тоже получила назначение – преподавать немецкий язык в Первой саратовской женской гимназии (гимназии Э. К. Ульрих).

В Государственном архиве Саратовской области (ГАСО) сохранились документы, связанные с педагогами гимназии². Э. Я. Рудомино не просто числится среди преподавательского состава – она получает высшие похвалы. Листая книгу «Моя Библиотека», с трепетом рассматриваешь фотографии молодой, красивой, элегантной дамы – и «соло», и окруженной ученицами, среди которых была и дочь Маргарита (датировано 1914 г.).

Как указано в книге, Элеонора Яковлевна была «прикомандирована» сюда Казанским учебным округом Министерства народного просвещения с осени 1909 года. По словам дочери, началом преподавательской карьеры Э. Я. Рудомино стал 1909-1910 учебный год. Диплом Берлинского университета, конечно, говорил о многом. Рудомино доверили вести немецкий в классах с 1-го по 7-й. Её уроки посещали гости – преподаватели гимназии и других учебных заведений Саратова. «Сама мама, – пишет М. И., – вероятно, почувствовав почву под ногами, начала готовиться к научной деятельности, стала выступать с докладами и лекциями для преподавательской аудитории»³. В городе уважали молодого педагога. В книге воспоминаний воспроизведено также приглашение на торжественное открытие Саратовского университета, присланное Элеоноре Яковлевне в 1909 году⁴.

Впрочем, останавливаться на достигнутом она не собиралась и в 1910 и 1911 годах повышала квалификацию на курсах при Сорбонне и Марбургском университете.

Дочь вспоминает о матери как о талантливом педагоге. Развитию таланта способствовали прирождённая интеллигентность и творческие способности. Многие ученицы Элеоноры Рудомино научились свободному владению немецким языком. Свои уроки она подкрепляла сведениями из области живописи, архитектуры, музыки – будь то Кёльнский собор или «Лесной царь» Гёте. Каждый урок превращался в увлекательное представ-

²Материалы Первой министерской женской гимназии Э. К. Ульрих (Саратов) / Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). ф. 241, оп. 1, д. 60, л. 15.

³Рудомино М. И. Моя библиотека. М., 2000. С. 39.

⁴Там же.

ление. Её вполне можно считать педагогом-новатором, так как Рудомино была сторонницей «натурального метода» обучению иностранным языкам.

Рита виделась с матерью не только дома, но и в гимназии, – девочка училась с удовольствием и была окружена подругами, с которыми ходила на музыкальные вечера, в театры.

В книге М. И. Рудомино указаны не все адреса, по которым их семья проживала в Саратове. Восполнить пробелы помогла «Памятная книжка Саратовской губернии на 1910 г.»⁵, из которой можно узнать адрес преподавательницы Первой женской гимназии Э. Я. Рудомино: «Константиновская, 63» (ныне улица Советская). Если представить, что Поземельный банк, в котором служил Иван Михайлович, находился недалеко, на углу Константиновской и Ильинской (рядом с нынешним 3 лицеем им. А.С. Пушкина), то можно представить путь, которым семья отправлялась на работу и учёбу.

Зато Маргаритой Ивановной подробно описывается другой дом, где они с родителями жили до смерти мамы в 1915 году – это дом купца Горина на Приютской, 42 (ныне – угол улиц Комсомольской и Московской). Теперь на доме есть табличка Общества охраны памятников, он прекрасно сохранился.

Вот страницы воспоминаний Маргариты Рудомино о доме: «Осенью 1913 года, за год до войны, мы переехали на новую квартиру – на Приютской, 42. Квартира была приготовлена к свадьбе старшей дочери владельца дома Горина, которая выходила замуж за сына М. С. Кузнецова, владельца фарфоровых предприятий «Т-ва М. С. Кузнецова». Однако хозяин дома разорился, и мама сняла эту барскую семикомнатную квартиру с садом и террасой»⁶.

Выступления в Москве, в Казани, стажировка за границей.... Думается, постоянное отсутствие жены дома негативно сказывалось на характере её вполне покладистого мужа. Вряд ли одаренная женщина успевала уделять внимание созданию уютного гнездышка. Увы, эмансипированная Элеонора Рудомино не была создана для домашнего уюта. Дочь огорчённо вспоминает ссоры между родителями, разлад в семье; она мечтала, чтобы скорее прекратился этот период. Но характер матери не позволял надеяться на это.

Элеоноре Яковлевне удалось добиться введения в первой женской гимназии педагогических классов (начиная с 8-го), выпускницы которых имели право преподавать в начальной школе. Такие классы встречались в Москве и Петербурге, но в провинции это действительно стало новаторством.

⁵ Памятная книга Саратовской губернии на 1910 г. Саратов, 1910. /Хранится в ГАСО.

⁶ Рудомино М. И. Моя библиотека. М., 2000. С. 43.

Дочери тоже пришлось столкнуться с педагогическими принципами матери. Никаких поблажек к девочке Элеонора Яковлевна не допускала, была требовательной и строгой. Маргарита не то что забыть дома тетрадь - боялась купить плюшку в гимназическом буфете и попасться матери на глаза. Впрочем, не поощрялось только баловство, - серьёзные занятия, в первую очередь - шахматы и музыка, - напротив, приветствовались. Возможно, это повлияло на то, что повзрослев, Маргарита Ивановна стала незаурядной шахматисткой, обыгрывавшей серьёзных спортсменов.

Зимой 1913 года по Саратову были расклеены афиши подобного содержания: «15-го февраля 1913 года. Зал Народной Аудитории. Э. Я. Рудомино делает сообщение на тему «Правописание на фонетической основе, т.е. на основе звука (далее - программа вечера из семи пунктов, включающая выполнение письменных работ и разбор ошибок. - А. М.). Начало в 7 ½ час. веч. Вход свободный»⁷.

С подачи Э. Я. Рудомино в Саратове было организовано Общество преподавателей иностранных языков. Собрания Общества проходили в доме, где жила семья Рудомино (на Приютской, 42). Иван Михайлович нервничал, переживая, что полиция заведёт «политическое дело» на молодых педагогов. Но даже «строгие намёки» со стороны органов власти не охладили пыл энтузиастов. Общество распалось само через три года.

В воспоминаниях дочь пишет о том, как они с троюродной сестрой приносили для «сходок», как встревожено называл занятия молодых педагогов Иван Михайлович, стулья из соседнего банка. Тревоги были не напрасными: Обществом преподавателей заинтересовалась полиция и даже было заведено дело в полицейском управлении Саратова, посылавшее Элеоноре Яковлевне строгие предупреждения... М. И. Рудомино ссылается в своей книге на статью профессора МГУ Н. С. Чемоданова в «Учительской газете», опубликованной в 60-е гг., в которой говорится о полицейском наблюдении за учителями иностранных языков в дореволюционной России⁸.

Методики преподавания, разработанные Э. Я. Рудомино, прогремели на весь мир: в книге С. М. Никоновой «У истоков советской методологии обучения иностранным языкам» есть и её фамилия. Её доклады в Москве в 1912-1913 гг. на Первом Всероссийском съезде преподавателей иностранных языков «Сущность натурального метода и его психологическое обоснование» и «Правописание на основе звука» были опубликованы и взяты на вооружение коллегами из других городов.

К сожалению, книга «Натуральный метод преподавания новых языков, его психологическое обоснование и практическое применение», напи-

⁷ Рудомино М. И. Указ. соч. С. 33.

⁸ Там же.

санная Элеонорой Яковлевной к зиме 1914 года, не увидела свет. Предполагался её выход в издательстве «Товарищество И. Д. Сытина», и уже было сделано две корректуры, однако последовали события, помешавшие этому. Одним из них стала Первая мировая война.

В книге М. И. Рудомино приводится письмо матери к ней от 22 июля 1914 года (Рита с родственницами отдыхала летом на даче в Лесной Неёловке Базарно-Карабулакского района, - М.И. ошибочно называет её Лесной Ниловкой, - весть о начале войны застигла их там). Буквально две недели назад Элеонора Яковлевна поздравляла дочь с днём рождения, и уже через три недели сообщала горестные вести. В планы матери входило готовить Риту к поступлению в Саратовскую консерваторию, предполагалось нанять хорошего репетитора по французскому языку, посещать уроки музыки «m-m Дроздовой»⁹, чтобы были шансы поступить на фортепианное отделение. В том же письме подробно рассказывается о корректуре готовящейся в печать книги, названной выше.

Вот отрывок из этого письма: «...война есть война, и для неё законы неписаны. В общем, мы являемся вдвое страдающими, так душа за всех скорбит. Обвинять кого бы то ни было и изрыгать громы негодования, злобы и ненависти человеку культурному, понимающему, что войны создаются в тиши дипломатических кабинетов без всякого участия в этом народов, которые вопреки своим чувствам, желаниям и воле голову свою безропотно положить должны на плаху кумира войны, конечно, невозможно.

Судить при таких условиях, кто прав, кто виноват, крайне трудно, даже невозможно. История только в будущем скажет в этом смысле свое слово и осветит то, что сейчас так темно и непонятно для нас, ближайших участников всего этого! Остается одно - спокойно и молча исполнять свой долг по отношению к страждущему человечеству и родине своей.

...помните одно - Господь Бог сказал: «Не убий!» Этим сказано всё. Никогда, ни при каких условиях убивать никого нельзя! Культурное человечество, христианское человечество свои споры должно решать иным путем»¹⁰.

Проблем сразу же прибавилось. К немцам, преподавателям немецкого языка с первого же дня войны стали относиться неприязненно, часто даже враждебно. М. И. Рудомино пишет: «Шовинистически настроенный директор Первой саратовской женской гимназии и Первого саратовского реального училища Александров тотчас отдал приказ о ликвидации специальности «преподаватель иностранного языка» в восьмом педагогическом классе. Записавшихся на эту специальность было много. Они и их родите-

⁹ Ханецкий В. Е. Дроздова Ольга Александровна /Саратовская гос. консерватория им.Л. В. Собинова. Саратов, 2012. С. 123.

¹⁰ Рудомино М.И. Моя библиотека. М., 2000. С. 45.

ли не хотели бросать обучение и требовали пересмотра решения директора»¹¹. Однако этого не произошло, и Элеоноре Яковлевне пришлось уйти с любимой работы.

Впрочем, не совсем в никуда: талантливого педагога тут же взяли на работу во Второе саратовское реальное училище. Его директор Лазанов придерживался иных взглядов и не вменял в вину Элеоноре Яковлевне её национальность. Психологически переключиться на воспитание мальчиков ей было нелегко, но вскоре терпение и мастерство педагога переломили ситуацию, и мальчики так же обожали новую учительницу, как раньше их сверстницы.

Иван Михайлович был на фронте, полковником интендантской службы он служил в Закавказье. Помогал по мере возможности деньгами, писал письма. А осенью 1914 года в Саратов приехала из Парижа младшая сестра Элеоноры Рудомино - Екатерина Эмма Яковлевна Кестер (1883-1957) с дочерью Лёлей (Ольгой). Они поселились вместе, и женщины сразу же принялись обсуждать новые планы - обеим очень хотелось выкупить Третью Саратовскую женскую гимназию (основанную О.С. Храмцовой). К сожалению, этим планам не суждено было сбыться. Денег не хватало: Екатерина Яковлевна была в разводе с мужем, так же, как и сестра, предпочитая семейному уюту педагогическую деятельность.

Вечерами Элеоноре Яковлевне приходилось давать частные уроки. Одной из её учениц была Нелля Пташкина - дочь саратовского владельца доходных домов, «будущий автор знаменитого дневника времен революции и гражданской войны», погибшая в 1923 во Франции». Приходила в гости и ближайшая подруга Маргариты - Муся (Мария Васильевна) Минкевич, учившаяся в гимназии Ульрих. Перенапряжение, переживания сказались достаточно быстро: в середине зимы у Элеоноры Яковлевны обнаружилось малокровие. Она слегла.

Маргарита Ивановна вспоминает те печальные месяцы, когда больную пытались спасти известные саратовские доктора. Например, доктор Кушев, чьи дочери также учились у Рудомино. Во Втором реальном училище сестру заменила Ольга Яковлевна Кноте (в замужестве Москаленко), приехавшая из Киева. Потом она сыграет судьбоносную роль для племянницы, познакомив её с братом своего мужа, и возникнет новая счастливая семья Москаленко-Рудомино, в которой будут сын и дочь.

Элеонора Яковлевна скорострительно скончалась ещё молодой, в 38 лет. Сырым апрельским днём гроб несли на руках от Приютской до Лютеранского кладбища, и на могиле было много венков и живых цветов.

¹¹ Рудомино М. И. Указ. соч. С. 46.

В газете «Саратовский Вестник» от 23 апреля 1915 года появился некролог, написанный бывшей коллегой Рудомино по Первой женской гимназии, преподавательницей французского языка, затем известным петербургским лингвистом Людмилой Павловной Милицыной «Памяти умершего товарища». Она писала и о характере, и о новаторстве учительницы из Саратова, много сделавшей для методики обучения иностранным языкам. Некролог датирован 16 апреля 1915 г. с пометкой «Петербург».

Взяв эпитафией строки И. В. Гёте из «Школьного учителя», коллега писала: «Элеонора Яковлевна Рудомино умерла... Не хочется верить...

Молодая, бодрая, деятельная, сильная своим делом и верившая в его полезность и плодотворность, призывающая к усилию над собой, дающая пример неустанного труда, труда – не тяготы, а труда – радости, труда жизненной правды, – она должна была жить. Ищущий ум, просвещенное понимание своих профессиональных задач, трезвое отношение к школьным возможностям, образование, которое она постоянно расширяла и углубляла, интерес к школьной молодёжи и крупный талант в области своей профессии, – все это делало из Элеоноры Яковлевны не только учительницу-художницу, но главное, большую личность.

Она была – личность.

Что такое научные предметы изучения? Что метода? Что планы? Замыслы? Школьные расписания, если нет людей, чтобы одухотворять эти отвлеченные понятия? *Людей* нужно в школу! И школа, как рассадник живого творческого начала, с лихвой вознаградит за потраченные силы.

Только личность освещает и оздоравливает жизнь, она сама дает то, что составляет суть жизненного начала, – безграничную способность творить. Найти, почувствовать в каждом начинающем жить духовном организме его маленькие еще силы, направить, укрепить и постепенно сделать сильным; вооружить его определенным знанием и поселить веру в свои силы и жизнь – задача большая, сложная и нелегкая.

Сколько зоркости и внимания, интереса к делу, чтобы быть истинным руководителем растущего интеллекта, раскрывающейся души и робко ещё проявляющейся воли! Сколько умения и сил! Сколько готовности служить другому! Сколько стойкости и терпения! Сколько личного тяжелого труда, чтобы всегда, в каждую данную минуту быть на высоте своего назначения – сведущего человека! Сколько любви искренней и глубокой к своему делу и к тем, для кого оно нужно!»¹².

Маргарита вспоминает, как плакал Иван Михайлович, приехав в Саратов лишь в мае 1915 года (из-за службы в Тифлисе он не смог присутствовать на похоронах жены). Сам он страдал из-за большого сердца и пере-

¹² Милицына Л. П. Памяти умершего товарища //Саратовский вестник. 1915. 23 апреля.

жил супругу всего на год. Он похоронен в Тифлисе, также на Лютеранском кладбище, и его могилу дочь разыскала в 1927 году. Что касается могилы Элеоноры Яковлевны, а также её отца, похороненного рядом несколькими годами позже, их найти уже не удалось: на этом месте в 1924 году был построен завод С.Орджоникидзе.

Приезжая в Саратов вместе с мужем, Маргарита Ивановна проводила его по старым адресам и не всегда узнавала их. Но память о городе, где прошли её детство и юность бережно хранила, как и дружбу с теми, кто был дорог её сердцу. Думается, ей было бы приятно знать, что Саратов платит благодарностью не только ей, но и её талантливым родственникам, воспитывавшим и обучавшим подрастающее поколение в далекие, непростые предреволюционные годы.

САРАТОВСКАЯ СТРАНИЦА ЖИЗНИ А.М. ЗГУРИДИ

«Саратовский кинословарь» вмещает в себя более 280 имён деятелей отечественного киноискусства, которые тем или иным образом связаны с нашим краем. В словарь вошёл и наш земляк Александр Михайлович Згуриди – режиссёр, сценарист, первопроходец в области научно-популярного кино о животных, путешественник, создатель и ведущий телепередачи «В мире животных», автор нескольких книг. Он является не только саратовцем по рождению – свои первые шаги в кино Згуриди сделал именно в Саратове¹.

Род занятий представителей не одного поколения семьи Згуриди – продажа табака – был прибыльным и надёжным. Саратовская газета за 1885 год рекламирует «новооткрытый» магазин в доме Ниденталь на Александровской (в настоящее время – имени М. Горького) улице, где можно было купить табак и папиросы "из чистого турецкого табаку" киевской фабрики А. Г. Сгуриди (скорее всего, дед будущего режиссёра)².

В списке лиц, причисленных к обществу купцов и мещан города Саратова, на 1899 год значится тридцатилетний Михаил Александрович Згуриди из киевских мещан³. Самые ранние упоминания о его табачном магазине встречаются в местных газетах с 1900 года. Магазин, располагавшийся в нижнем этаже дома Жегина на Немецкой улице, предлагал «постоянно свежий, без уступки, без скидки» табак⁴. В этом же доме, в сторону двора, находилась и съёмная квартира Згуриди⁵. Дом не сохранился, сейчас на его месте – многоэтажка, на первом этаже которой соседствуют банк, ювелирный салон "Кристалл" и магазин «Художественные промыслы» (проспект Кирова, 14).

На Немецкой улице, в доме Бестужева, у Михаила Александровича был ещё один табачный магазин. А на Царицынской улице Згуриди владел

¹ Барыкин Е. Саратовский кинословарь. М., 1996. С. 3, 36 – 37.

² Саратовский листок. 1885, 5 января.

³ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО), ф. 4, оп. 2, д. 1650, л. 12 об. Автор выражает благодарность за предоставленные сведения В. И. Давыдову.

⁴ Саратовский листок. 1900, 30 марта.

⁵ ГАСО, ф. Р- 3535, оп. 1, д. 116, л. 16 – 16 об.

собственным домом (ныне Первомайская, 76)⁶. Дом сохранился. В настоящее время в нём размещается архивный отдел городской администрации.

Одно время Згуриди, по примеру многих состоятельных купцов, был гласным Саратовской городской думы, участвовал в различных общественных учреждениях⁷. В октябре 1908 года, как предложивший наивысшую арендную плату в размере 21000 рублей в год, Михаил Александрович выиграл торги на сдачу городского перевоза через Волгу между Саратовом и Покровской слободой с 1 января 1909 года на 10 лет⁸. Согласно «Кондициям на сдачу в арендное содержание городской переправы...», арендатор переправы был обязан иметь не менее двух пассажирских лёгких мелкосидящих в воде винтовых пароходов⁹.

От пристани у Казанского взвоза отчаливали и ходили по Волге два небольших однотипных парохода Згуриди длиной 25 м и мощностью по 25 лошадиных сил, построенных для него в 1909 году на Сормовском заводе, – "Афина" и "Клеопатра"¹⁰. Названы были пароходы, вероятно, в честь дочерей Афины (род. 11 июня 1900 г.)¹¹ и Клеопатры (род. 11 октября 1902 г.)¹². В выборе имён детей чувствуется греческое происхождение Михаила Александровича. А 10 (23 по новому стилю) февраля 1904 года в семье появился третий ребёнок – сын Александр. Крестили мальчика, как и старших детей, в Вознесенско-Горянской церкви¹³.

Когда Саше исполнилось 10 лет, его отдали в коммерческое училище. Это среднее учебное заведение находилось в ведении Министерства финансов и ставило своей целью дать учащимся среднее и коммерческое образование. Курс обучения был сначала рассчитан на 7 лет, из которых 5 лет посвящались общему образованию, а два – специальному. Потом, с 1912/1913 учебного года, курс обучения увеличился до 8 лет. В училище изучались такие специальные науки, как коммерческая арифметика, бухгалтерия, политическая экономия, история торговли, законоведение (преимущественно торговое и промышленное), химия и товароведение, коммерческая география и 2 обязательных иностранных языка – немецкий и

⁶ ГАСО, ф. 4, оп. 3, д. 94, л. 26 об – 27; Памятная книжка Саратовской губернии на 1910 год. Саратов, 1910. С. 67 - 68; Весь Саратов. Адрес-календарь указатель на 1912 год. Саратов, 1912. С. 223.

⁷ Саратовский листок. 1914, 28 октября; Памятная книжка Саратовской губернии на 1910 год. Саратов, 1910. С. 67 - 68.

⁸ Известия Саратовской городской думы. 1908. Сентябрь – декабрь. Отд. V. С. 127.

⁹ Там же. Май – август. Отд. VI. С. 69.

¹⁰ Максимов Е. К., Сафронов Ю. А. Старый Саратов на фотографиях и открытках. Саратов, 2004. С. 230 – 231; Цыбин В. М. Пароход на Волге. Саратов, 1996. С. 197.

¹¹ ГАСО, ф. 637, оп. 2, д. 1656, л. 30 об. - 31.

¹² Там же, д. 2211, л. 110.

¹³ Там же, д. 2231, л. 22.

французский. Учащимся давали также навыки оформления коммерческой корреспонденции¹⁴.

В хранящемся в Государственном архиве Саратовской области фонде коммерческого училища сохранились ведомости об успеваемости ученика 1-го А, 2-го А и 4-го А класса Александра Згуриди, которые свидетельствуют, что в первом классе (1914/15 учебный год) мальчик учился вполне сносно: твёрдые тройки перемежались с четверками¹⁵. Во втором классе он скатился и даже значился в отчётных ведомостях за разные четверти как неуспевающий то по одному (французский язык), то по двум (французский и арифметика), то сразу по трём предметам (ботаника, рисование и русский язык)¹⁶. В четвертом классе (это уже 1917/18 учебный год) Александр заметно подтянулся в учебе и тройки у него были только по русскому и французскому языкам. По остальным предметам его знания оценивались оценкой "четыре", а по Закону Божьему, естественной истории, рисованию – пятёрками. "Пять" у него стояло и по поведению¹⁷.

Вероятно, на успеваемости в начальных классах отразилась смерть отца. Он умер 27 октября 1914 года, как отмечено в некрологе, "после продолжительной болезни печени". Не помогла даже поездка в Египет, куда Михаил Александрович ездил лечиться¹⁸. После его смерти дети остались круглыми сиротами (мать, Елизавета Кузьминична Згуриди, умерла 30 января 1905 года от «воспаления мозга»)¹⁹. Опекуны над имуществом Михаила Александровича пытались продолжить его дело: был открыт и даже какое-то время работал табачный магазин в доме Бестужева на Немецкой улице. Он предлагал "зажигательницы новейших систем" и сухумские табачки, папиросы "Геройские"²⁰. Однако поправить дела, очевидно, не удалось, и положение сирот стало незавидным. В списке учеников коммерческого училища, вовремя не внесших плату за обучение во втором полугодии 1916/17 учебного года (47 рублей 50 копеек), встречается и фамилия ученика 3-го класса Згуриди²¹.

В 1918 году училище преобразовали в среднюю школу. Документы коммерческого училища обрываются этим годом. Вероятно, учиться в этом учебном заведении подросток не стал, и для него началась школа жизни

¹⁴ Гусакова З. Е., Солопова Т. А. // Коммерческое училище. Ученье – свет. Саратов, 2006. С. 143 - 145.

¹⁵ ГАСО, ф. 252, оп. 1, л. 55, л. 11 об. – 12.

¹⁶ Там же, л. 82, л. 180 об. – 182 об., 191 об. – 192.

¹⁷ Там же, л. 113, л. 3 об. – 4.

¹⁸ Саратовский листок. 1914, 28 октября.

¹⁹ ГАСО, ф. 637, оп. 2, л. 2350.

²⁰ Саратовский листок. 1914, 4 ноября, 6 ноября, 11 ноября, 13 ноября, 15 ноября, 29 ноября, 2 декабря, 9 декабря.

²¹ ГАСО, ф. 252, оп. 1, л. 93, л. 21.

вроде горьковских "Моих университетов". В "Саратовском кинословаре" указано, что Згуриди начал трудовую деятельность в 1918 году счетоводом Саратовского уездного земельного отдела, работал делопроизводителем и юрисконсультом Саратовского губернского отдела здравоохранения. Лишь в 1926 году он снова сел за парту и окончил юридические курсы при Саратовском университете²².

В книге "Страницы автобиографии" Александр Михайлович пишет: "Я рано потерял родителей. Был дровосеком, продавал на улице папиросы, учился живописи, набивал льдом погреба, чистил крыши. Служил добровольцем в Красной Армии. Был управляющим делами, юрисконсультом, журналистом. Возглавлял концертный ансамбль. Увлекался музыкой, охотой, спортом. Строил стадионы, проводил соревнования по теннису"²³.

Из всего перечисленного удалось подтвердить документально лишь некоторые занятия будущего режиссёра. Например, в списке сотрудников Саратовского губернского отдела здравоохранения на 1927 год значится управделами губздравотдела А. М. Згуриди с окладом 100 рублей²⁴. Пробует себя молодой человек и в области журналистики. В журнале "Вестник здравоохранения Нижне-Волжского края" за 1929 – январь 1931 года можно прочитать статьи Згуриди с подёрнутыми скучноватой официальностью названиями: "К вопросу о расширении прав низовых органов здравоохранения", "О плановом учете и распределении врачей", "Рационализаторская работа органов здравоохранения Нижне-Волжского края", "Несколько итогов районных совещаний по здравоохранению"²⁵. В 1931 году он становится ответственным секретарём редакции журнала²⁶.

Все эти поиски Александром Михайловичем своего места в жизни, и, наконец, окончательный выбор профессии вряд ли можно считать неожиданными и странными, даже если учесть его "пары" по русскому языку, рисованию и ботанике в училище. Скорее всего, занятия и журналистикой, и живописью, и музыкой, и спортом и прочие искания говорят о разносторонности интересов нашего земляка, живости его ума и характера, а ещё – о превратностях судьбы.

Далее в автобиографии Згуриди признается: "И, кто знает, может быть, так и метался бы я из стороны в сторону, если бы однажды, на двадцать восьмом году жизни, не вступил на новую стезю, резко порвав все

²² Барыкин Е. Указ соч. С. 36.

²³ Згуриди А. М. Страницы автобиографии. М., 1968. С. 3.

²⁴ ГАСО, ф. Р-229, оп. 2, д. 23, л. 1.

²⁵ Вестник здравоохранения Нижне-Волжского края. 1929. Февраль – март (№2-3); Вестник здравоохранения Нижне-Волжского края. 1929. Сентябрь – декабрь (№9 - 12); Вестник здравоохранения Нижне-Волжского края. 1930. Май – июнь (№5-6); Вестник здравоохранения Нижне-Волжского края. 1931. Январь (№1-2).

²⁶ Там же. 1931. Ноябрь – декабрь (№21-24).

нити, связывающие меня с прошлым. Мне нелегко было сделать этот шаг, нелегко было отказаться от всего привычного. И всё-таки я сделал его, потому что всем существом своим чувствовал, что не могу поступить иначе"²⁷.

На спортивной площадке он встретился и подружился с талантливым художником Михаилом Пискуновым, ставшим впоследствии оператором и коллегой Згуриди по кинематографу. Их многое роднило, в частности, оба были недовольны своей жизнью: Пискунов мечтал стать архитектором, а работал инструктором физкультуры. Згуриди хотел быть писателем, а оставался, по собственному признанию, "самым заурядным журналистом"²⁸.

На стадионах молодые люди часто встречали операторов-хроникёров, с завистью на них смотрели, радовались случаю с ними пообщаться. Александр Михайлович пишет: "...именно кинематографическая деятельность пленила наши сердца и овладела всем нашим внутренним миром. Я решил во что бы то ни стало сделаться кинорежиссером, а мой товарищ также твёрдо – стать оператором"²⁹.

Друзья начали энергично готовиться к своим будущим профессиям: перечитали кучу книг по киноискусству, занялись фотографией, изучением фотохимии, электричества, помногу раз просматривали одни и те же фильмы, разбирая их по кадрам, изучали монтаж, писали сценарии. И тут судьба улыбнулась им: как-то к Згуриди зашёл друг детства Николай Волков и предложил работу в расположенном в Саратове Краевом институте микробиологии и эпидемиологии юго-востока России (в настоящее время Российский научно-исследовательский противочумный институт "Микроб"), куда его самого пригласили наладить необходимую для научных исследований микрокиносъёмку.

Через несколько дней все втроем: Волков, Згуриди и Пискунов устроились на работу в лабораторию научных фильмов при институте. Дело это было новое, молодое. Да и сотрудники лаборатории – молодые и неопытные, но их всех объединяло невероятное желание работать.

Очень скоро они своими руками создали самую настоящую кинофабрику: оборудовали лабораторию для проявления плёнки, кабинет для микрокиносъёмки, павильон. Это была прекрасная школа для энергичных, начинающих кинематографистов: они всё делали сами – писали сценарии и титры к фильмам, снимали, проявляли и печатали пленку, работали осветителями, монтировали и склеивали отснятый материал. За неимением профессиональной техники друзья довольствовались устаревшей шестидесятиметровой камерой "Эрнеман" и двумя аппаратами "Кинамо", с кото-

²⁷ Згуриди А. М. Указ. соч. С. 3.

²⁸ Там же. С. 4.

²⁹ Там же.

рыми, однако, "чувствовали себя так, как будто владели самой первоклассной голливудской техникой"³⁰.

Вскоре "Союзкино" заказало снять небольшой фильм и даже профинансировало работу. Молодые люди как одержимые взялись за дело. Згуриди свидетельствует: "...в период съемки фильма мы стали похожи на лунатиков. Ездили за свой счёт в экспедиции, пятнадцатиметровой камерой "Кинамо", установленной на лёгком штативе, снимали все павильонные и натурные сцены, в том числе такие динамичные, как скачки и бега; лихорадочно проявляли и печатали; не имея цейтрафера (специального приспособления для замедленной съемки), с секундомером в руках днём и ночью посменно дежурили около микроскопа, по кадрику снимая медленно протекающий процесс развития личинки стронгилида; попутно готовили мультипликацию"³¹.

Снятый фильм под названием "Стронгилиды" был очень актуальным для сельского хозяйства и Красной Армии. Он рассказывал о распространённом в то время заболевании лошадей, вызванным нитевидным паразитом (стронгилидом). Картина должна была продемонстрировать огромные возможности микрокиносъёмки: впервые здесь был показан весь процесс эмбрионального развития стронгилида. Згуриди так в "Страницах автобиографии" описывает свои переживания по поводу первой в жизни премьеры: "Милые детские грёзы! Сколько раз я мечтал об этом священном мгновении! Сколько раз мысленно представлял себе, как вхожу в переполненный зал нашего городского (заметьте – городского!) кинотеатра и, тихо присев где-нибудь среди публики, с замиранием сердца слежу за тем, как зрители смотрят фильм"³².

Премьера состоялась в конференц-зале института. Когда луч проектора осветил экран, кто-то из друзей сел за рояль, и по залу разлилась чудесная музыка. Создатели фильма чувствовали себя победителями. Но ... вскоре их триумфаторское настроение "...уступило место тяжким страданиям. Фильм, ни разу не проверенный мною в целом, оказался таким утомительным, таким рыхлым, таким путаным, что буквально ничего нельзя было понять. Я сгорал от стыда, готов был провалиться сквозь землю; не мог смотреть в глаза тем, кого с таким непростительным легкомыслием пригласил на "премьеру"...", – с безжалостной самокритикой вспоминал о своём дебюте Александр Михайлович³³.

Мучительно проанализировав причины неудачи фильма, Згуриди пришел к выводу, что они были не в съёмке, а в монтаже, композиции. Ка-

³⁰ Згуриди А. М. Указ.соч. С. 5.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 5, 10.

³³ Там же. С. 10.

ждый эпизод оказался вдвое длиннее, чем нужно. Некоторые эпизоды были вовсе не нужны, так как затрудняли восприятие. Два дня начинающий режиссёр не выходил из монтажной, переделывая фильм: одни эпизоды сокращал, другие менял местами или совсем отбрасывал.

Через несколько дней фильм бурно приветствовали студенты и преподаватели Саратовского университета. Вскоре его восторженно приняли представители науки, искусства и литературы на большом городском просмотре, устроенном в институте³⁴. По достоинству оценили фильм и в Москве.

Перевооружив саратовскую страницу биографии Александра Михайловича Згуриди, нельзя не отметить жизнелюбие и стойкость этого человека: после раннего сиротства, пережитых войн, революции, разрухи он сохранил и пронёс через всю жизнь чистоту и непосредственность восприятия мира, пылкий ум и добросердечие.

В 1932 году молодые и талантливые авторы фильма приняли приглашение переехать в столицу. Згуриди и Пискунов стали работать в комбинате научных фильмов треста "Союзтехфильм" (впоследствии – "Центрнаучфильм") в качестве режиссёра и оператора соответственно, а Волков перешёл на работу в Академию наук СССР на должность руководителя кинокабинета³⁵. С 1947 года наш земляк стал преподавать во ВГИКе. С 1966 года он начал руководить мастерской научно-популярного кино.

В киноискусстве Александр Михайлович нашёл и занял свою нишу: он снимал фильмы о живой природе, о жизни зверей, птиц, насекомых. Режиссёр создал целый ряд полнометражных научно-популярных фильмов. Все его картины отличает тонкая наблюдательность, гуманизм и виртуозное техническое воплощение (чего стоят одни подводные съёмки!). Через них проходит мысль о гармоничном устройстве окружающего нас мира природы, неповторимости каждого её уголка и бережном отношении к ней.

Режиссёр работал не только в жанре научно-популярного кино. Он – автор нескольких игровых картин: "Белый клык" (по повести Джека Лондона), "Повесть о лесном великане", "Чёрная гора", "Рикки-Тикки-Тави" (по сказке Р.Киплинга), "Крепыш", "Любимец публики" (по мотивам рассказа А.И. Куприна "Белый пудель") и других. И в художественных фильмах мастер остался верен своей теме: его ленты рассказывают о доброте и трогательной дружбе человека с животными.

Немало фильмов удостоено премий на различных фестивалях, в том числе зарубежных. Деятельность Згуриди отмечена званиями народного артиста СССР (1969), Героя Социалистического Труда (1990). Режиссёр

³⁴ Згуриди А. М. Указ.соч. С. 10 – 13.

³⁵ Там же. С. 13.

награждён тремя орденами Ленина, тремя орденами Трудового Красного знамени, орденом "Знак Почёта". Наш земляк – трижды лауреат Сталинской премии (1941, 1946, 1950), Государственной премии РСФСР имени братьев Васильевых (1969), премии "Золотой Овен" в номинации "Человек кинематографического века" (1996)³⁶.

В 1968 году на Центральном телевидении вышел первый выпуск передачи "В мире животных". Эта программа идёт и сейчас, не изменив даже названия (на телеканале "Моя планета"). Её создателем и бессменным ведущим на протяжении первых восьми лет был наш земляк. В 1974 году у передачи появилась заставка (автор музыки – аргентинский композитор А. Рамирес, художник – Д. Н. Бабиченко). Любопытно, что создавалась она для фильма Згуриди "Дикая жизнь Гондваны", а впоследствии стала ещё и визитной карточкой передачи³⁷.

Режиссёр ушёл из жизни 16 сентября 1998 года, снимая свой очередной фильм «Волшебное колечко». Ему было 94 года. Похоронен Александр Михайлович Згуриди на Новодевичьем кладбище в Москве³⁸.

³⁶ www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=10445

³⁷ www.vokrug.tv/product/show/In_the_world_of_animals

³⁸ www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=10445

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И САРАТОВСКИЙ СПОРТ

Процесс развития физкультурно-спортивного движения в Саратовской губернии время от времени привлекает к себе внимание историков¹, однако специальных работ по заявленной теме ещё не выходило, поэтому целью настоящего сообщения является обобщение накопившегося материала.

Известие о начале войны вызвало среди саратовцев патриотический подъём, который выражался в различных формах: в губернии массово проходили патриотические манифестации, начался сбор средств в пользу действующей армии, в помощь раненым и больным воинам и т. д.²

Не остались в стороне от этого патриотического почина и саратовские спортсмены. Например, Саратовский аэроклуб, в соответствии со своим Уставом, предусматривавшим «в случае открытия военных действий» передачу воздухоплавательных средств и автомобилей «в распоряжение Военного ведомства», направил два принадлежащих ему летательных аппарата «Блерио» и 12 тыс. рублей на нужды армии. А член аэроклуба О. П. Шмидт подарил Военному ведомству собственный аэроплан марки «Фарман»³. Спортсмены-автолюбители к концу сентября 1914 г. передали армии около 50 автомобилей и мотоциклов⁴.

¹ См.: *Литин Г. П.* Самодетельное спортивно-гимнастическое движение в дореволюционном Саратове и губернии // Из истории спорта в Саратовской области. Саратов, 1966; *Он же.* Страницы из истории спорта в Саратове и Саратовской области. Саратов, 1968; *Матюшкин А. А.* Энциклопедия саратовского спорта. Саратов, 2004; *Тотфалушин В. П.* «Детские годы» саратовского спорта. Саратов, 2015.

² Подробнее об этом см. в кн.: *Максимов Е. К., Тотфалушин В. П.* Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны : учеб. пособие к курсу «История Саратовского Поволжья». Саратов, 2007.

³ См.: *Тотфалушин В. П.* Первые самолеты в саратовском небе: из истории саратовского аэроклуба // Военно-исторические исследования в Поволжье : сб. науч. тр. Вып. 4. Саратов, 2000. С. 109.

⁴ См.: История Саратовского края: с древнейших времен до 1917 года : учебное пособие для средних и старших классов школ всех типов. 2-е изд., испр., доп. Саратов, 2000. С. 325.

23 августа 1914 г.⁵ состоялось учредительное собрание Покровского⁶ спортивного общества, которое получило разрешение самарского губернатора устроить 21 сентября на Троицкой площади (ныне площадь Свободы) состязания по лёгкой и тяжёлой атлетике, а также футбольный матч. При этом весь чистый сбор поступал на нужды, вызванные войной⁷.

А 5 октября 1914 г. журнал «Русский спорт» сообщил, что «на днях в Саратове на ипподроме⁸ <...> состоялись состязания по легкой атлетике, демонстрация тяжелой атлетики, велосипедные гонки и футбол, устроенные саратовскими спортсменами в пользу раненых воинов. Прекрасная погода и симпатичная цель привлекли много публики». Это состязание, длившееся почти целый день без перерыва, дало сбор около 500 рублей, которые поступили в Саратовский губернский земский комитет⁹.

Цирк братьев Никитиных, на арене которого выступали гимнасты, тяжелоатлеты и борцы, проводил благотворительные представления в пользу животных (собак и лошадей), участвовавших в войне.

Начавшаяся война внесла свои коррективы в практическую деятельность стрелково-охотничьих обществ. Если при начале своей работы Саратовский отдел Императорского общества правильной охоты никаких мероприятий для населения не проводил, то с началом войны появилось его обращение в совет директоров средних учебных заведений Саратова с предложением организовать «в старших классах <...> практическую стрельбу между учениками последних»¹⁰.

Однако война серьезно затруднила дальнейшее развитие спортивного движения в Саратовской губернии. Так, она поставила точку в истории дореволюционного местного аэроклуба, деятельность которого была немыслима без летательных аппаратов. Через полгода после начала войны последний председатель клуба Ф. П. Шмидт подтвердил Саратовскому губернскому по делам об обществах присутствию, что «имевшиеся в аэроклубе деньги и машины сданы г-ну губернатору и командированному для приема машин чиновнику, а остальное имущество еще не ликвидировано...»¹¹.

⁵ Все даты приводятся по старому стилю.

⁶ Покровская слобода, с 1914 г. безымянный г. Покровск Самарской губернии, ныне г. Энгельс Саратовской области.

⁷ См.: Саратовский вестник. 1914. 21 сентября.

⁸ Находился на месте современного стадиона «Локомотив».

⁹ См.: Саратов// Русский спорт. 1914. № 34. С. 5–6.

¹⁰ См.: Тотфалушин В. П. Из истории стрелково-охотничьего спорта Саратовской губернии// Саратовский краеведческий сб.: науч. тр. и публикации. Вып. 2. Саратов, 2005. С. 133.

¹¹ См.: Тотфалушин В. П. Первые самолеты... С. 109.

Война сорвала беговой сезон 1914 г. Саратовского общества поощрения коннозаводства¹², «совершенно лишила саратовских легкоатлетов необходимой тренировки»¹³, а реквизиции автотранспорта свернули занятия автомобилистов и мотоциклистов.

Многие саратовские спортсмены были призваны в армию или ушли добровольцами. Так, один из активных членов Саратовского общества «Спорт» Б. И. Залетов вспоминал: «... мы в большинстве решили уйти на фронт добровольцами, что давало нам преимущество в выборе рода оружия и полка...»¹⁴. В результате в 1914 г. общество «Спорт» прекратило своё существование. А в 1915 г. «около 5 игроков <...> ушли добровольцами...» из 1-й футбольной команды «Гигант» города Саратов¹⁵.

В середине лета 1915 г. анонимный корреспондент из Саратова сетовал, что «с уходом на войну большинства наших спортсменов занятия футболом и легкой атлетикой почти прекратились»¹⁶. Правда, «теперь, по инициативе известного местного спортсмена Энгльондта, организуется общество "Гигант"...»¹⁷. Однако и оно просуществовало недолго: «всего одно лето. <...>призываются несколько человек, остальные решают уйти»¹⁸, из-за чего «атлеты за весь прошедший сезон не могли устроить ни одного соревнования»¹⁹. А 1 ноября 1915 г., возвращаясь к этой теме, «Русский спорт» писал: «Из старых легкоатлетов в Саратове почти никого не осталось: все на войне...»²⁰.

В ходе военных действий ряд саратовских спортсменов были убиты²¹. Например, футболист В. В. Линьков ушел на фронт и, служа прапорщиком лейб-гвардии Финляндского полка, погиб 5 июля 1917 г. близ местечка Озерки под Тарнополем (ныне г. Тернополь, Украина)²².

В дальнейшем в связи с развёртыванием на территории Саратовского Поволжья запасных воинских частей были заняты все общественные здания, включая значительную часть учебных заведений, что создало дополнительные трудности для спортсменов. Например, в феврале 1916 г. стало

¹² См.: *Тотфалуши В. П.* Первое спортивное общество старого Саратова// Историк и историография : материалы науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Л.А. Дербова. Саратов, 1999. С. 192.

¹³ Саратов// Русский спорт. 1914. № 34. С. 5.

¹⁴ Саратовский областной музей краеведения. Ф. 39 (Залетов Б.И.). № 26308/8–16.

¹⁵ Саратов// К спорту! 1915. № 35. С. 13.

¹⁶ И. О. [Орлов И.] Саратов// К спорту! 1915. № 29. С. 15.

¹⁷ Саратов// К спорту! 1915. № 35. С. 13.

¹⁸ Там же. № 32. С. 11.

¹⁹ Русский спорт. 1915. № 44. С. 4.

²⁰ Там же. № 45. С. 5.

²¹ См.: Борьба// К спорту! 1915. № 40. С. 16.

²² См.: *Алексеев А.* На поле сборная Саратова. Саратов, 2013. С. 19.

известно, что «Саратов с весны лишится <...> стенда Императорского общества правильной охоты, т. к. и здание, и поле будут заняты под войска»²³. Отмечу, что в то время это было единственное место в Саратове, где проходили футбольные баталии.

А когда в марте того же года при 1-й Саратовской мужской гимназии был создан спортивный кружок для занятий лёгкой атлетикой и футболом, выяснилось, что тренировки в нём смогут начаться только «с августа, когда обширный сад и двор гимназии будут очищены от постоя солдат»²⁴.

Затруднял занятия спортом и плохо работавший транспорт. Так, на Первенство Поволжья 1916 г., которое проходило в Казани, саратовский скороход Г. И. Голубчиков прибыл с военной службы в поезде, «набитом сверх меры»²⁵. Причем подготовку к соревнованиям он смог начать всего за две недели, «имея перед этим годовой перерыв в катаньи»²⁶.

А когда, в свою очередь, саратовцы сумели получить право на проведение Первенства на звание первого конькобежца Поволжья у себя дома (в 1917 г.), плохая работа транспорта помешала большинству волжских городов прислать своих спортсменов, и на соревнования сумели приехать только три нижегородца: А. Брилин и Тихонов от Нижегородского спортивного клуба и Чельшев от общества «Санитас». Остальные восемь участников представляли Саратовскую губернию²⁷.

Однако одновременно война отчасти и подтолкнула развитие саратовского спорта. В сентябре 1915 г. по требованию командования Юго-Западного фронта из Киева в Саратов были эвакуированы университет имени Св. Владимира, коммерческий и педагогический институты, высшие женские курсы. Всего из Киева прибыли около 10 тыс. преподавателей и студентов разных национальностей²⁸.

Комментируя это обстоятельство, журнал «К спорту» в начале октября 1915 г. писал: «В Саратов переводится киевский университет, и придет много студентов-спортсменов, и тогда спорт в Саратове сразу дает большой толчок вперед, так что скоро одного поля о-ва охоты окажется мало и придется устроить еще, чтобы дать возможность спортсменам заниматься с удобством своим делом»²⁹.

²³ *Стеф'ми*. Саратов// К спорту! 1916. № 6. С. 14.

²⁴ Русский спорт. 1916. № 26. С. 8.

²⁵ *Киселёв В.* Первенства Поволжья. Их выдающийся успех и значение// К спорту! 1916. № 10. С. 2

²⁶ *Стеф'ми*. Саратов// К спорту! 1916. № 12. С. 17.

²⁷ Первенство Поволжья в скоростном беге на коньках// К спорту! 1917. № 7–8. С. 7.

²⁸ См.: *Малинин Г. А.* Киевский университет в Саратове// Поволжский край : межвуз. сб. Саратов, 1984. Вып. 7.

²⁹ Саратов// К спорту. 1915. № 40. С. 15.

И, действительно, создание, пусть и на время, спортивного общества «Гигант» во многом было делом рук спортсменов-беженцев. В мае 1916 г., комментируя репортаж о состязаниях по лёгкой атлетике, состоявшихся на поле клуба «Стенд»³⁰, журналист отметил, что «интерес к легкой атлетике вызвали в Саратове киевские спортсмены...»³¹.

Война стимулировала развитие французской борьбы на арене цирков, т. к. программа их гастролей не была столь насыщена и многообразна, как раньше. Ведь транспорт работал на войну, и привозить аттракционы и номера со сложным оборудованием и реквизитом, дрессированными животными было весьма сложно. Поэтому большую часть представления занимала французская борьба, к которой зрительский интерес ещё не упал³².

Война оказалась на пользу охотникам. 14 апреля 1916 г. одна из саратовских газет сообщала: «31 марта вскрылась Волга, и скоро появились в громадном количестве утки. <...> Громадными стаями летят утки как по Волге, так равно и по другим рекам Саратовской губернии. <...> Говорят, утки появились к нам с Пинских болот, откуда их гонят военные снаряды»³³.

Однако в целом Первая мировая война затормозила поступательное развитие физкультурно-спортивного движения в Саратовской губернии, и оно получило новый импульс только после революции.

³⁰ Спортивное общество «Стенд» (или «Цикл») возникло на базе Саратовского отдела Императорского общества правильной охоты.

³¹ Русский спорт. 1916. № 22. С. 6.

³² См.: *Тотфалушин В. П.* «Выходят на арену силачи» // Волга – XXI век. Саратов, 2015. № 1–2. С. 178.

³³ Цит. по: *Дерюгин А. А., Радюк О. М.* Охота и охотники в Саратовском крае. 2-е изд., переработ. Саратов, 2010. С. 91.

ФОРМИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ СТРУКТУР ДЛЯ РЕКВИЗИЦИЙ И КОНФИСКАЦИЙ СОБСТВЕННОСТИ В ПЕРВЫЙ ГОД СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Октябрьский переворот положил начало социалистической революции, которая поставила в качестве одной из задач отмену частной собственности на средства производства. Но с первых дней после переворота новая власть столкнулась и с тем, что помимо разрухи во всех отраслях производства у неё отсутствуют средства к существованию и, что было ещё более опасно, нет запасов продовольствия. Поэтому ряд первых действий новой власти был направлен на перераспределение существующих материальных ценностей между гражданами. Это означало изъятие у обеспеченной части населения «излишков» личной собственности, превышающей некие социальные нормы.

Задачей власти было определить количественные нормы имущества, которыми справедливо может владеть частное лицо; создать организации, которые заберут лишнее и которые это лишнее перераспределят между нуждающимися. Как была организована планомерная работа по изъятию собственности у имущих людей в 1917-1918 гг. написано не так много. Постараемся в какой-то степени восполнить этот пробел на примере Саратовской губернии.

В первую очередь советской власти предстояло обеспечить своё существование денежными средствами. За две недели после переворота банковские счета опустели. Граждане снимали вклады и переводили деньги в безопасные, на их взгляд, места. 18 ноября 1917 г. Поэтому исполнительный комитет Саратовского совета рабочих и солдатских депутатов решает установить контроль над всеми счетами в банках города¹. Государственный банк был занят отрядом вооруженных людей под руководством Т.С. Хвесина. Они арестовали управляющего и потребовали от служащих сдать все ценности банка². Комиссаром был назначен банковский работник, эсер Племянников. Во все остальные банки также были поставлены комиссары, в обязанность которых входила

¹ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО), ф. Р-521, оп. 1, д. 2, л. 72.

² Саратовский листок. 1917, 19 ноября.

ограничение выдачи денег буржуазии³. Через год коммерческие с введением государственной монополии на банковскую деятельность саратовские банки и их штаты были окончательно распущены⁴.

Спустя несколько дней после захвата банков председателю совета В. П. Антонову пришлось заявить, что «расход на содержание Совета должен быть переложен на плечи имущих классов»⁵. В конце декабря исполком губернского совета предложил биржевому обществу в возможно короткий срок внести 18 миллионов рублей⁶. Купцы и промышленники согласились дать требуемую сумму, при условии возврата к демократическим ценностям⁷. В ночь под новый год исполком попытался арестовать в качестве заложников ряд крупных коммерсантов, которые, однако, вовремя скрылись и избежали заключения⁸. Через четыре месяца, в ночь с 4 на 5 апреля 1918 г. было арестовано 33 человека и потребовано наличными деньгами 10 миллионов рублей⁹.

Арестованным было предложено для своего освобождения распределить указанную сумму среди саратовских богачей¹⁰. Собрание имущих классов по вопросу уплаты контрибуции попыталось объяснить исполкому, что 10 миллионов собрать невозможно¹¹. Совет пошёл на уступки и концу апреля сумма требования уменьшилась до 1 миллиона рублей¹². Заложники были отпущены в начале мая. Но аресты, как мера воздействия, продолжались ещё несколько месяцев¹³. Назначенный исполкомом комиссар по сбору контрибуции уведомил своих подопечных, что за каждый свой приезд будет взимать дополнительно 10 процентов¹⁴.

Летом 1918 г. В.П. Антонов-Саратовский без обиняков заявил в местных «Известиях», что цель советской власти заключается «в высасывании из буржуев всех средств и превращении их в таких же пролетариев, как и мы»¹⁵. По свидетельству Н.М. Архангельского,

³ Бабушкин В.Ф. Дни великих событий. М. 1957. С. 179.

⁴ Саратовский совет рабочих депутатов (1917-1918). Сборник документов. М.-Л., 1931. С. 740.

⁵ Саратовский совет рабочих депутатов... С. 254.

⁶ Земля и воля. 1917, 21 декабря.

⁷ Архангельский Н. М. Дневник // Саратовский областной музей краеведения (СОМК). Ф. 15774. Д. 11. Запись от 28 декабря 1917.

⁸ Антонов В.П. Под стягом пролетарской борьбы. М.-Л., 1925. С. 248.

⁹ ГАСО, ф. Р-521, оп. 1, д. 47, л. 10.

¹⁰ Саратовский совет... С. 433.

¹¹ ГАСО, ф. 1280, оп. 1, д. 3836, л. 1.

¹² Славин И. Я. Записки о репрессиях советской власти в Саратове в годы Гражданской войны. Саратов. 2012. С. 19.

¹³ Известия Саратовского совета (далее – Известия). 1918. 9 августа.

¹⁴ Там же. 1 июня.

¹⁵ Там же. 3 июля.

обложенные контрибуцией и уплатившие её облагались вновь на довольно большие суммы¹⁶. При этом облагали не только предпринимателей, но и инженеров, врачей¹⁷ и духовенство¹⁸.

Взыманием наличных денег занимались представители власти разных уровней. Отсутствие контроля за происходящим заставило губернское руководство осенью 1918 г. потребовать с мест отчетность за все проведённые контрибуции. Выяснилось, что часто деньги распределялись по частным лицам. В этой связи губисполком издал постановление, по которому всякое наложение контрибуций на местах должно быть санкционировано уездным исполкомом, а комитетам бедноты решили и вовсе воспретить заниматься этим. Получаемые от контрибуций суммы обязали вносить в уездное казначейство¹⁹. Хвалынский совет постановил, что для взыскания контрибуции капиталистов нужно приводить лично к комиссару и в крайнем случае употреблять в дело плеть²⁰. А Балашовский совет отказывающихся выплачивать контрибуцию, постановил заключать в тюрьму²¹.

Когда летом 1918 г. на селе были организованы комитеты бедноты, они с усердием кинулись облагать врагов социалистической революции беспощадными контрибуциями. Так «за удовольствие побунтовать против советской власти на село Верхозим наложена контрибуция более чем на 100 000 руб»²². В том же Петровском уезде Мазейский сельский Совет, «нуждаясь в средствах, необходимых для советской работы, наложил на местную буржуазию контрибуцию в размере 16 000 рублей²³. В д. Шадчина Сердобского уезда комитет бедноты взял с бывших землевладельцев восемь тысяч рублей, которые была пропорционально распределены среди безлошадных и бескоровных граждан²⁴. В Новоузенском уезде контрибуцию не успели разделить и взысканные с богатеев около 2 млн. рублей и 24 фунта золота исчезли²⁵. Военный комиссар Журавлихинской волости наложил в свою пользу на волость контрибуцию в 97 тысяч рублей. При аресте ЧК нашла у него дома более 23 тыс. рублей²⁶.

¹⁶ *Архангельский Н.М.* Дневник. Запись от 28 июля 1918 г.

¹⁷ Там же. Запись от 16 июля 1918 г.

¹⁸ Саратовская красная газета. 1918. 8 октября.

¹⁹ Саратовский совет... С.717.

²⁰ ГАСО, ф Р-521, оп. 1, д. 202, л. 50 об.

²¹ Саратовская красная газета. 1918, 3 апреля.

²² Известия. 1918, 13 сентября.

²³ Саратовская красная газета. 1918, 26 декабря.

²⁴ Там же, 25 декабря.

²⁵ Саратовский совет... С. 611.

²⁶ Саратовская красная газета. 1918, 9 Октября.

К годовщине октябрьского переворота центральная власть потребовала немедленно взять у паразитических и контрреволюционных элементов населения средства на снаряжение и содержание Красной армии. Саратовской губернии необходимо было собрать 400 миллионов. Разверстку потребовали произвести к 1 декабря, а к 15 декабря суммы должны были быть уже собраны²⁷ (Инфляция к тому времени уже набирала обороты и соотносить объективно эту цифру с суммой первой контрибуции сегодня сложно). При взимании налога рекомендовали употреблять продолжительный арест и принудительные общественные работы, конфискацию имущества, а в случаях укрывательства денег - суд революционного трибунала²⁸.

Помимо денег новой власти нужны были и товары. С первых дней советской власти для этих целей на местах начали работу контрольно-реквизиционные комиссии. Реквизиция предполагала оплату товаров по некой установленной, как тогда говорили твёрдой цене, в отличие от конфискации - безвозмездного отчуждения собственности.

Судя по документам члены комиссии по своему усмотрению определяли, что принадлежит гражданам по праву, а что нет. Их командируют «во все места города для проведения обысков и реквизиции найденного»²⁹. В работе комиссии широко использовались доносы. В материалах о работе комиссии находим сведения о реквизиции лошадей, автомобилей, шапок, галош, чая, сахара и т.д. 18 декабря 1917 г. исполнительный комитет постановил реквизировать шоколад, кофе, какао, как вещи, необходимые для детей, а так же теплые одеяла у всех, имеющих их сверх нормы³⁰.

Желание заняться реквизициями возникало у многих новоиспечённых советских организаций, тем более, что контроля за расходованием отнятого попросту не существовало. Например член военной секции совета солдатских депутатов г. Аткарска Плотников явился на станцию с четырьмя вооружёнными солдатами и при помощи лома самовольно открыл склад и увез грузы в поселок³¹. Отряд хвалынской красной гвардии производил в Кузнецке конфискацию имущества буржуазии без всякого плана³².

Для наведения порядка в стихии изъятий в январе 1918 г. губисполком издал приказ всем учреждениям, что право реквизиции принадлежит исключительно комиссии, состоящей при совете губернских

²⁷ Саратовский совет... С. 715.

²⁸ ГАСО, ф. Р-1, оп. 1, д. 4, л. 1-1 об.

²⁹ Там же, ф. 469, оп. 1, д. 2, л. 80.

³⁰ Саратовский совет... С. 289.

³¹ Саратовский листок. 1917, 21 ноября.

³² За два года борьбы. (1917-1919). Кузнецк, 1919. С. 10.

комиссаров по продовольствию³³. Председателя контрольно-ревизионной комиссии В.К. Гольберт наделили неограниченными правами на проведение обысков и реквизиций. В том числе правом привлекать наряды милиции и красной гвардии в нужный для него момент и по его усмотрению³⁴.

В марте 1918 г., наконец, утверждается инструкция по производству обысков, выемок и осмотров³⁵. А контрольно-реквизиционная комиссия преобразована в контрольно-реквизиционный отдел губисполкома. Агентам отдела были выданы мандаты с фотографической карточкой. С этого момента все реквизируемые товары по квитанционным книжкам стали поступать на склады губернского совета комиссаров по продовольствию³⁶. 25 февраля в губернском исполкоме создаётся отдел, который вскоре преобразуется в Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией спекуляцией и саботажем. В своей работе она постоянно производила конфискации. Так ЧК в Покровске взыскала в октябре 1918 г. с буржуазии и спекулянтов денег в сумме 2.470.353 рублей³⁷.

Другой важнейшей задачей новой власти было перераспределения имеющихся жилых площадей. Для этой цели был создан жилищный комиссариат, в ведение которого перешла вся недвижимость в городе³⁸. С 1 января 1918 года была отменена частная собственности на все домовладения, квартирная плата с которых превышает 75 рублей в месяц. Через полгода ставку минимальной доходности домов не подлежащих социализации подняли до 200 рублей³⁹.

Отныне сдача жилья в наём стала монополией государства. Бывшим домовладельцам за присвоение квартирной платы грозило выселение из занимаемой квартиры в трехдневный срок и конфискация имущества в уплату долга⁴⁰. Жилищный совет призвал граждан сдавать в наем свободные комнаты, из расчета 1 ½ – 2 кв. сажени на человека⁴¹. Эта норма равная 9 кв. м. при распределении государственного жилья просуществовала до конца существования советского строя. Власть приступила к уплотнению жильцов в больших квартирах. Так родились коммуналки.

³³ Саратовский совет... С. 336.

³⁴ ГАСО, ф Р-469, оп. 1, д. 5, л. 60.

³⁵ Саратовский совет. С. 408.

³⁶ Известия. 1918, 22 марта.

³⁷ Там же, 1 ноября.

³⁸ Там же. 1917, 20 декабря.

³⁹ Саратовский совет... С. 441.

⁴⁰ Там же. 1918, 28 (15) февраля.

⁴¹ Там же. 1918, 27 января.

Особые комиссии, организованные жилищным отделом, обследовали квартиры⁴², примерно так, как это описано М. А. Булгаковым в повести «Собачье сердце». В саратовской действительности особо уполномоченные члены жилищного отдела часто встречали к себе неприязненное отношение со стороны квартиранимателей⁴³. Население дома, как и при выдаче продуктовых карточек, разделяли на 4 категории: рабочие; ответственные советские работники; остальное трудовое население; нетрудовые паразитические элементы, которые подлежали переселению в специально отведенные районы города.

Постановлением исполкома от 25 октября 1918 г. при Центральном жилищном подотделе Отдела городского хозяйства организуется учет и распределение домашней обстановки, поступающей от реквизиций и конфискации⁴⁴. 26 октября, всем без исключения советским учреждениям и отдельным лицам советских учреждений было предложено в 7-ми дневный срок представить подробную опись всего имущества, оставленного владельцами в занятых советскими учреждениями помещениях⁴⁵. К концу года процесс конфискации имущества в основном завершился. В газетах сообщили, что со складов центрального жилищного подотдела отдела городского хозяйства выдача мебели, обстановки и других предметов прекращена⁴⁶.

Другим достижением советской власти было введение жёсткого контроля над оборотом наличных денег с целью лишения возможности личного обогащения, противоречащего с принципом уравнительной оплаты труда. В Саратовской республике годовая прибыль хозяйев некоммунизированных предприятий не должна была превышать годового максимума работника - 4800 руб⁴⁷. Постановление от 6 марта 1918 г. обязало все торговые заведения иметь кассовые книги для записи ежедневного прихода и расхода, а вырученные деньги вносить в банк на текущий счет ежедневно⁴⁸. Для контроля за исполнением создали особую комиссию, которая за нарушение этого приказа штрафовала торговцев на крупные суммы и даже угрожала наказанием по всей строгости рабоче-крестьянского закона, вплоть до конфискации имущества владельцев⁴⁹.

Наличие у граждан больших сумм наличных денег стало нарушением закона. Обыски и конфискация денег произвелись по

⁴² Известия. 1918, 6 апреля.

⁴³ Там же. 1918, 17 апреля.

⁴⁴ Красная газета. 1918, 10 октября.

⁴⁵ Известия. 1918, 1 ноября.

⁴⁶ Там же. 1918, 5 декабря.

⁴⁷ Саратовский совет. С. 467.

⁴⁸ Известия. 1918, 16 марта.

⁴⁹ Там же. 1918, 19 июня.

ордерам исполнительного комитета. Так, в ночь с 1 на 2 марта 1918 г. в гостинице «Россия» у жильцов конфисковали 500 тыс. руб.⁵⁰. В местных «Известиях» для острастки сообщили, что ввиду неисполнения гражданином Ратнером приказа исполнительного комитета о сдаче денег в банк, отдел по борьбе с контрреволюцией конфисковал у него 55 000 рублей⁵¹. А 22 июля 1918 г. в результате повального обыска на Верхнем базаре было изъято несколько десятков тысяч рублей⁵².

Кроме денег, у имущего класса были драгоценности, которые частью хранились в банковских сейфах. Содержимое сейфов объявлено национальной собственностью через год после захвата банков. Такая же участь постигла драгоценности, принадлежащие ювелирам. 8 апреля двадцать саратовских ювелиров пригласили якобы для обсуждения профессиональных вопросов. В 8 часов вечера им объявили, что они взяты под стражу. Затем их по одному перевозили в ювелирные магазины, где конфисковали без каких-либо расписок все золото и серебро⁵³.

Получать высокую прибыль предприниматели больше не могли. Но по факту они оставались собственниками. Увы, произвести национализацию торгово-промышленных предприятий одновременно было невозможно. Каждому предприятию нужно было уделить отдельное внимание. Организовать контроль со стороны служащих, поставить комиссаров. Кроме того, для работы предприятий нужны были деньги, сырьё, сбыт продукции. Поэтому процесс шёл поэтапно в течение всего 1918 года. Предприятия конфисковывались у владельцев на различных основаниях. Это были и решения центральной власти, и решения исполкомов советов разных уровней, либо решением коллектива служащих.

Губернский исполком регулярно на своих заседаниях принимал решения о переходе в собственность государства различных предприятий⁵⁴. Екатериненштадский совет 13 марта 1918 г., например, решил конфисковать все механические мельницы и лесопильные заводы⁵⁵. А Петровский исполком совета 7 октября того же года принял решение о национализации в уезде уже всех промышленных предприятий⁵⁶. Нередко комиссары делали это не дожидаясь решений советов. На одном из

⁵⁰ Архангельский Н. М. Дневник. Запись от 4 марта 1918 г.

⁵¹ Известия. 1918, 30 марта.

⁵² Архангельский Н. М. Дневник. Запись от 28 июля 1918.

⁵³ Babine A., Raleigh D.J. A Russian civil war diary. Alexis Babine in Saratov, 1917-1922. Durham and London. Dukeuniversitypress, 1988. p. 75, 194.

⁵⁴ Известия. 1918, 17 февраля, 17, 29 октября; Саратовский совет... С. 431, 562, 642; Саратовская красная газета. 1918, 17 декабря.

⁵⁵ Филиал ГАСО в г. Энгельсе, ф. 1240, д. 84, л. 103.

⁵⁶ ГАСО, ф. Р-485, оп. 1, д. 2, л. 120.

заседаний губсовета говорилось: «Мы не могли дожидаться заседания исполкома. Фактически это проведено уже в жизнь»⁵⁷. Общие собрания рабочих также были полномочны в решении о национализации предприятий⁵⁸.

Вскоре после октябрьского переворота был создан совет народного хозяйства, в составе которого работали отраслевые подразделения, такие как «Волготоп» (топливо), «Волгомет» (металлы) и т.д. Их функцией являлось взятие на учёт всех материальных ценностей губернии независимо от того, кому они принадлежали. В воспоминаниях А. А. Минха, работавшего в «Волгомете» есть сведения о методах работы совнархоза в то время. «Обобрали Царицын и завод начисто и повезли в Саратов битком набитые три деревянных баржи, из них одну, полную церковных колоколов, «эвакуированных» в Царицын с Дона и Украины»⁵⁹. Основанием для такой конфискации был всего лишь мандат на неограниченные полномочия предьявителя.

Не пощадили новые власти интеллигенцию и в правах на личное имущество. «Излишками» были признаны и богатые книжные собрания, которые реквизировали для устройства образцовых библиотек при рабочих клубах и учреждениях Пролеткульта⁶⁰. На предложение отбирать в пользу государства личные музыкальные инструменты, однако, нашлись возражения⁶¹.

Отделение церкви от государства помимо свободы совести дало правовую основу для передачи имущества всех религиозных конфессий государству. Для претворения в жизнь этой задачи была создана особая комиссия. Она начала работу с описи имущества специально не предназначенного для богослужбных и обрядовых целей, капиталы и вообще все виды имущества, приносившие доход⁶². В первую очередь конфисковали наличные капиталы⁶³. Потом дело дошло до свечей⁶⁴ и дров⁶⁵. Для прочего имущества был образован склад, в котором помещался весь богослужбный инвентарь⁶⁶.

⁵⁷ Саратовский совет... С. 729.

⁵⁸ Известия. 1918, 21 ноября; ГАСО, ф. Р-629, оп. 1, д. 42, л. 73.

⁵⁹ Минх А.А. Заложник пролетариата. Отрывки из воспоминаний. Публикация Д.Дж. Рейли. Саратов, 2001. С. 49.

⁶⁰ Саратовская красная газета. 1918, 30 октября.

⁶¹ Саратовский совет... С. 741.

⁶² Известия. 1918, 2 октября.

⁶³ Саратовская красная газета. 1918, 25 октября.

⁶⁴ Известия. 1918, 10 декабря.

⁶⁵ Там же. 1918, 3 декабря.

⁶⁶ Там же. 1918, 8 декабря.

В аграрной губернии важнейшим субъектом для конфискации и реквизиций стали зажиточные крестьяне – громадный по своей численности слой населения губернии. Объявленный большевиками сразу же после переворота учёт имений привёл к бесконтрольному грабежу на селе. Волостной комиссар села Старого Чирчима совместно с милицией в числе 3 человек и «граждан» того же села в числе 55 человек отобрали у отрубщика Скорлупкина весь хлеб, скот, все корма, дрова, лес, сеялки, бороны, тележки, и все другие хозяйственные вещи. Взята была даже одежда и белье. Все это было поделено между участниками погрома⁶⁷. В Байковской волости Сердобского уезда на купленной у Крестьянского поземельного банка земле существовал посёлок в 22 двора. Туда явилась толпа «граждан» 1-го Салтыковского общества около 50 человек во главе с председателем сельского комитета. В результате дома остались без окон, вынуты и унесены полы, печи разломаны, трубы сняты, железо с крыш поднято, тес сорван и унесен, оставшаяся обстановка и имущество расхищены, колодец и погреб завалены, оставшиеся надворные постройки разобраны до основания и унесены⁶⁸. Отрубщик, назвавший организаторов разгрома его хутора, получил в ответ на поданное в комиссариат юстиции заявление, что означенное деяние произошло в революционный период и его следует рассматривать как происшедшее на почве земельных отношений. И дело производством было прекращено⁶⁹. В.П. Антонов-Саратовский в своих воспоминаниях пишет: «Крестьяне окрестных деревень, выпив для храбрости, врываются в помещичью усадьбу с истусленными криками. Мужики после расправы возвращались довольные, глубоко убежденные, что «ежели помещик одолеет, как в пятом году, то все одно - ничего не получит»⁷⁰. Но зажиточных крестьян лишали не только права иметь имущества больше неких социальных норм, но и права распоряжаться результатами своего труда.

Монополию на торговлю хлебом ввело ещё Временное правительство весной 1917 г. Но начало насильственного отбирания хлеба началось только в декабре 1917 г. В губернский исполком шли ходяки от бедноты предлагавших свои услуги в изъятии хлеба у зажиточных крестьян при условии, что им перепадет доля из обнаруженных запасов⁷¹. В. П. Антонов-Саратовский вспоминал, что Ленин при личной встрече в январе 1918 г. напутствовал: «Добывайте хлеб и везите его в Питер и в

⁶⁷ Саратовский листок. 1917, 18 ноября.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ ГАСО. ф. Р-313. оп.3. д.11-в. л. 2-2 об.

⁷⁰ Антонов В.П. Под стягом пролетарской борьбы. М.: Л. 1925. С. 257.

⁷¹ Там же. С. 219.

Москву, не останавливайтесь ни перед чем»⁷². И рабочие дружины не останавливались.

В селении Шенталь немцы колонисты пытались с оружием в руках защитить своё имущество. За это им пришлось уплатить 501400 рублей контрибуции. Но «дружинники» этим не ограничились и приступили к разгрому и грабежу деревни. Пришлось прислать вооруженный отряд, чтобы осадить красногвардейцев, превратившихся в бандитов. Вооруженный отряд отправляется в село Норки за хлебом и возлагает расходы на его содержание на счет общества села⁷³.

Подбором кадров большевикам было заниматься некогда, да и опыта ещё не было. Различие между красногвардейцами и бандитами не всегда было очевидно. Про хвалынский совдеп очевидец пишет: «Совет из себя представляет кучку каких-то темных элементов, которые захватили власть, и терроризируют местное население... отбирается скот, продукты питания и кроме того возлагается большая контрибуция. За малейший протест, а также и за невзнос контрибуции крестьяне подвергаются порке. Побоям подвергались даже женщины и дети. От населения отобрали все, что имеет ценность. Отбирают кур, лошадей, которых загоняют, режут коров, а также забирают молоко, масло и яйца»⁷⁴. «Среди красной гвардии к нам присланной оказались нехорошие люди. Грабилось ими имущество и тайно и явно, брали взятки и прикарманивали имущество, как то: брюки, часы, сапоги»⁷⁵. Население станции Ключики «умоляет просит у губернской власти защиты от насилий, телесных истязаний до убийства, чрезмерных поборов, насилью контрибуции деньгами, чинимые хвалынскими красногвардейцами, которые, озлобляя население, внесли полный террор»⁷⁶.

Для усиления сознательным элементом организацию продовольственных отрядов поручают фабрично-заводским комитетам и профессиональным союзам. Они поступают в распоряжение совета губернских продовольственных комиссаров для реквизиции хлеба у кулаков и правильного распределения его между местной беднотой и городом⁷⁷.

Монополия на торговлю зерном и ограничение норм потребления хлеба стали причиной появления мешочников, которые сразу же стали

⁷² Антонов-Саратовский В.П. Отблески бесед с Ильичем // Пролетарская революция, 1924. № 3. С. 184.

⁷³ Саратовский совет... С. 376.

⁷⁴ Вестник уездного комиссариата совета народных комиссаров Николаевской уездной трудовой коммуны, 1918. № 5. С. 15.

⁷⁵ ГАСО, ф. Р-521, оп. 1, д. 58. л. 31 об.

⁷⁶ Там же, д. 181, л. 113.

⁷⁷ Саратовский совет... С. 397.

вне закона. Началась охота за этими предприимчивыми людьми. Появился термин: заградительные отряды. Саратовский совет комиссаров по продовольствию признал необходимым немедленно организовать по линии железной дороги 2 отряда. Каждый отряд из 50 человек, хорошо вооруженных и ясно понимающих свои задачи. Эти отряды имели осведомителей-разведчиков делающих соответствующие донесения⁷⁸. Все провозимые мешочниками продовольственные грузы конфисковались, исключая личные продовольственные запасы, которые не должны превышать 20 фунтов. Мука конфисковалась во всяком количестве⁷⁹. В целях усиления контроля над провозом муки постановили иметь отряды на ст. Саратов I, на Увек, в Шахматовке и два парохода с командой в 30 человек⁸⁰.

Битва за продовольствие в Саратовской губернии приняла всероссийский масштаб. Продотряды из голодающих регионов ринулись в сёла. Половину заготовленного хлеба декрет разрешил отправлять в пославшую данный отряд губернию. Другая половина заготовленного хлеба оставлялась в местах⁸¹. В инструкции продовольственным отрядам написано: «Политический комиссар, явившись с отрядом в деревню, собирает сход деревенской бедноты, предлагает бедноте избрать комитет для сбора хлеба от кулаков»⁸².

На почве реквизиции хлеба и другого имущества в деревне между крестьянами начались кровавые столкновения. Например в селе Семёновка в результате имущественных споров 2 мая 1918 г. погибло 114 человек. И это не было восстанием и тем более не фронтом гражданской войны. В село Бакуры, где мужики убили несколько человек из реквизиционных отрядов, был послан карательный отряд с пулемётами⁸³. В Базарный Карабулак отправлен советский отряд для подавления кулацкого мятежа. *Отрядом реквизировано 70 000 пудов хлеба. Несколько человек арестовано. На кулаков наложена контрибуция в 2 миллиона рублей.*⁸⁴

Видя, что результат их труда отбирается, многие крестьяне бросили свои поля и отказались убирать хороший урожай 1918 года. В ответ вышел декрет об уборочно-реквизиционных отрядах. Членам уборочных и уборочно-реквизиционных отрядов было обозначено вознаграждение

⁷⁸ Саратовская красная газета. 1918, 13 апреля.

⁷⁹ ГАСО. ф. 1280, оп. 1, д. 3909, л. 1.

⁸⁰ Известия. 1918, 31 августа.

⁸¹ Там же. 1918, 14 августа.

⁸² ГАСО. ф. Р-521, оп. 1, д. 139, л. 57.

⁸³ *Архангельский Н.М.* Дневник. Запись от 8 июня 1918.

⁸⁴ Саратовская красная газета. 1918. 3 июля.

продовольственной натурой, деньгами и особой премией за успешное и быстрое окончание работ по уборке и ссыпке хлеба⁸⁵.

Саратовский губернский совет организовал продотряд в 200 человек, из них 140 вооруженных, хорошо умеющих владеть оружием. Каждому члену отряда за время его отсутствия предприятием выплачивалась заработная плата, проездные и 10 рублей суточных⁸⁶. Перед выходом из Саратова отряды снабжались чаем, табаком и по возможности сахаром и другими продуктами⁸⁷. Но 200 человек были не в силах отобрать хлеб у всей губернии и вскоре в целях более интенсивной заготовки хлеба, Губпродотдел приступил к формированию продовольственного полка⁸⁸.

Летом 1918 г. на селе стали создаваться чрезвычайные органы власти - комитеты бедноты. Им поручили распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий⁸⁹. Членам комбедов положили оклады и выдали оружие. Саратовскому губпродкому центр выделил 200000 рублей на содержание комитетов бедноты и их организацию⁹⁰. В своих воспоминаниях В. П. Антонов-Саратовский пишет, что Ленин прекрасно понимал, что о справедливости в работе комбедов говорить не приходилось⁹¹. Справившись со своей основной задачей - перераспределением личной собственности на селе, - комитеты бедноты однако мира и справедливости они не принесли. Поэтому в конце года они прекратили свое существование⁹². Выяснилось, что комитеты бедноты занимались вымогательством, незаконной реквизицией скота, требованием доставки спирта и арестами⁹³.

Участие большого числа людей в изъятиях собственности, отсутствие четких указаний о том, что можно изымать и по каким документам породило в массовом сознании допустимость самостоятельного участия в изъятии так называемых излишков. Грань между конфискациями и грабежами была очень тонкой. Уполномоченные лица часто действовали по своему усмотрению, а грабители называли себя уполномоченными лицами. В этот смутный период советской истории газеты систематически сообщали о том, как группы вооруженных людей совершали нападения на частных лиц и организации. В то время обыватель не всегда мог разобраться, где действует власть, а где уголовники. В

⁸⁵ Известия. 1918, 15 августа.

⁸⁶ Там же. 1918, 26 сентября.

⁸⁷ Саратовская красная газета. 1918, 8 октября.

⁸⁸ Там же, 10 ноября.

⁸⁹ Там же, 4 октября.

⁹⁰ Там же, 9 октября.

⁹¹ Антонов-Саратовский В.П. Отблески бесед с Ильичем. С. 186.

⁹² Саратовский совет. С. 735.

⁹³ Известия. 1918, 11 декабря.

дневнике Соколова есть запись: «называющие себя большевиками, лица в военной форме, как только смеркнется, выходят на городские улицы с оружием, но не для охраны. Они раздевают донага и мужчин и женщин, врываются для грабежа в квартиры: после семи вечера на улицах почти никого не встретишь»⁹⁴. В.П. Антонов признался в своих мемуарах, что «гарнизон все больше и больше расхлябывался, солдаты стали превращаться в голодных, распущенных и хищных мародеров, от которых особенно сильно страдали приезжавшие на базар крестьяне и базарные торговки съестными припасами»⁹⁵.

21 февраля Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, констатируя, что отдельными группами производятся грабежи и бесчинства, объявляет таковых врагами народа, пособниками контрреволюции и извещает всех, что против них будут приниматься Советом самые решительные меры⁹⁶. 3 сентября 1918 г. выяснилось, что многие из красноармейцев, как утверждалось, или по бессознательности или с целью разложения советской власти производят единоличные конфискации, грабежи безо всяких на то предписаний свыше⁹⁷. Командир 1-го батальона советского полка Яков Герман проводил массовые грабежи и насилия над населением в селах Ровное, Привальное, Тарлык, Малышка и Кривой Яр Новоузенского уезда Самарской губернии⁹⁸.

Изъятие «излишков» имущества продолжалось и в последующие годы, но основные шаги в перераспределении собственности для ликвидации социального неравенства были совершены в первые месяцы существования советской власти. Была перераспределена жилая недвижимость, изъята основная масса денежных средств. Были созданы органы управления уже народным хозяйством, которые принимали в управление средства производства и в последствии перешли к созидательному строительству.

⁹⁴ Соколов М.Д. Дневник // Мишин Г. А. Были города Покровска: краеведческие очерки. Саратов, 2001. С. 10.

⁹⁵ Антонов В.П. Под стягом пролетарской борьбы. С. 248.

⁹⁶ Саратовский совет... С. 375.

⁹⁷ ГАСО. ф. Р-521, оп.1, д. 68, л. 81.

⁹⁸ Известия. 1918, 27 сентября.

**ФОРМИРОВАНИЕ СЕТИ СЕЛЕНИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН В НИКОЛАЕВСКОМ
И НОВОУЗЕНСКОМ УЕЗДАХ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
(1820-е – 1840-е гг.)**

В первой половине XIX в. Саратовский край продолжал быстро заселяться. Саратовская губерния в первой трети XIX в. по темпам заселения и по числу прибывающего населения занимала одно из первых мест в России, уступая лишь Херсонской и Оренбургской губерниям. Колонизация правобережья в основном была завершена в конце XVIII – начале XIX вв. Поэтому переселенцы направлялись преимущественно в заволжскую часть губернии.

На завершающем этапе колонизации изменился и состав переселенцев. Переводы крепостных, характерные для более раннего периода сокращаются, и к середине 1840-х заканчиваются, одновременно возрастает переселение казенных крестьян. По мнению М. В. Булычева, причины перемен составляющих миграционного потока следует усматривать в прекращении массовых отводов земель дворянству и вынужденном обращении правительства к нуждам казённой деревни¹. В этот период во многих губерниях России проявился устойчивый рост недоимок казённых крестьян, вызванный нарастающим малоземельем. Поскольку поступления подушной подати были одним из основных источников наполнения государственной казны, правительство было вынуждено активизировать переселенческую политику в те губернии, где имелся значительный фонд свободных земель. В список таких губерний вошла и Саратовская губерния. Здесь, в заволжской части, из колоссального массива в 10,5 млн. дес. земли около 7 млн. дес. продолжали оставаться свободными. Немногочисленное население, около 56 тыс. душ мужского пола, проживало всего в 114 селениях². Население левобережья состояло из украинцев – солевозчиков, старообрядцев, казённых крестьян и немецких колонистов. Помещики сюда шли неохотно. Получая здесь земли разными способами, заселять их

¹ Булычев М. В. Правительственные меры по обустройству переселенцев в Саратовском Заволжье в конце 30-х начале 40-х годов XIX века // Проблемы истории Саратовского края и документальное наследие. Саратов, 2006. С. 143.

² *Он же*. Крестьянская колонизация Саратовского края в конце XVIII – первой половине XIX века и ее последствия. Саратов, 2004. С. 21.

они не спешили. На 452 тыс. дес. владельческой земли в Заволжье проживали немногим более трёх тысяч душ мужского пола крепостных крестьян³. Таким образом, основным районом со значительным резервом незанятых степей было Саратовское Заволжье, поэтому сюда и был направлен основной поток переселенцев из числа казённых (государственных) крестьян.

Судя по имеющимся архивным источникам и земским публикациям, селения собственно казённых крестьян на территории будущих Николаевского и Новоузенского уездов, начинают возникать со второй половины 1820-х годов. К таким селениям следует отнести два наиболее крупные впоследствии селения Новоузенского уезда основанные в 1826 г.: деревня Дергачи при р. Алтате и деревня Мироновка при р. Малый Узень. На территории будущего Николаевского уезда за 1827 г. при разных речках было основано около восьми населённых пунктов. Это такие села и деревни как: Тульское, Новокурское, Боровское, Волчанка, Любичья, Жестянка, Григорьевка и Вязовка⁴.

Однако следует отметить, что казённые крестьяне начали селиться на данной территории значительно раньше, ещё в первые десятилетия XIX в. Но эти селения были, как правило, «смешанного» типа, т. е. в одном населённом пункте могли проживать крестьяне, как казённые, так и принадлежавшие удельному ведомству. Так, например, в селе Александров Гай, основание которого относят ко второй половине XVIII в.⁵, в 1811 г. проживало 298 удельных крестьян – 152 мужского и 146 женского пола, а казённых крестьян проживало в это время 401 ревизская душа⁶. Туже картину видим и на примере селения Малый Узень. Здесь на 1811 г. удельных крестьян обоев полов проживало 56 душ, а казённых было 273 души⁷. Данные цифры свидетельствуют ещё и о том, что удельный вес казённых крестьян в этих селениях был выше, чем крестьян удельного ведомства. Это и понятно, ведь их приток с каждым годом только возрастал. Об этом свидетельствуют и данные статистики. Так на 1827 г. в селе Александров Гай число казённых крестьян возросло уже до 2058 душ, в то время как удельных стало не более 600 душ. В Малом Узене количество казённых крестьян стало 1137 душ, а удельных 500 ревизских душ⁸.

³ Булычев М. В. Указ. соч. С. 22.

⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), ф. 381, оп. 2. д. 1532, л. 42-43.

⁵ Новоузенский уезд в естественноисторическом и хозяйственном отношении. Новоузенск, 1912. Ч. 1. С. 130.

⁶ Новиков А. Узенский край. Из истории Саратовского Поволжья // Волга. 1995. № 5-6. С. 19.

⁷ Там же. С. 19-20.

⁸ Там же. С. 21.

Селения крестьян размещались, как правило, вблизи рек, оврагов или ручьев. Реки были важнейшим источником водоснабжения в условиях засушливого климата Саратовского Заволжья. Ко всему прочему, в долинах даже небольших рек, всегда имелись заливные луга, которые способствовали развитию скотоводства⁹. Сёла и деревни государственных крестьян первых волн переселений строились обыкновенно по обеим сторонам дороги, а вдоль реки – в один ряд. Архитектура таких селений представляла собой беспорядочную смесь строений, т. к. строились они без всякой правильности, по направлению оврагов, удобству копания колодцев, или вообще как кому хотелось¹⁰. Из-за такой «кучной», неправильной планировки, эти селения часто страдали от пожара, а бывало и от наводнений. Так, во время весеннего половодья в 1847 г., разлитием рек Большого Узенья и Еруслана были в буквальном смысле затоплены сёла: Новоречное, Орлов Гай, Нижний Еруслан и город Новоузенск. Водой было снесено 88 домов, 159 надводных строений, погибло масса рабочего скота и домашней птицы, подмочено 357 четвертей ржаного хлеба. Вообще убытки от наводнения составили 3070 рублей серебром¹¹. Такие огромные убытки, как раз и были следствием неправильной и хаотичной застройки селений на берегу рек.

Стоит заметить, что изначально и до 1839 г. переселенцы были предоставлены сами себе в выборе места поселения. Крестьяне могли избирать из своей среды ходоков для осмотра выбираемых участков. Это было разрешено делать после того, как 22 марта 1824 г. ввели новые правила о переселении государственных крестьян¹². Именно ходоки и определяли место будущего селения. Пришедшие на место переселенцы предпочитали селиться поближе к старожилам, так как могли снискать себе необходимую помощь на первых порах в окрестных селениях. Вместе с ними, даже и все самовольно водворившиеся крестьяне, лишённые льгот и пособий, быстро обзаводились хозяйством без большого затруднения. В старожильческих селениях были и большие площади залежей, которые легче было разработать, чем целину, как это подметил саратовский губернатор А. М. Фадеев¹³.

Скорее всего, подселение к посёлкам старожилов вызывалось и тем, что переселенческие партии часто разбредались по дороге и приходили в

⁹ Дулов А. В. Географическая среда в истории России. М., 1983. С. 32.

¹⁰ Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1852. Т. 4. Самарская губерния. С. 101.

¹¹ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО), ф. 27, оп. 1, д. 582, л. 122.

¹² Булычев М. В. Крестьянская колонизация Саратовского края ... С. 17.

¹³ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 1897, л. 246.

Саратовскую губернию отдельными семьями, которые не могли образовать самостоятельного населённого пункта.

Заселение и хозяйственное освоение Саратовского Заволжья в первой половине 1830-х гг. нашло отражение в повышенной концентрации населения, что привело к возникновению новой сети поселений государственных крестьян. Количество населённых пунктов на территории Николаевского уезде выросло за 1827-1836 гг. с 8 до 23. За это же время в Новоузенском уезде возникло всего 6 новых поселений. Такая неравномерность заселения уездов, происходила, видимо, из-за того, что Николаевский уезд был более благоприятным в природном отношении местом водворения, поэтому крестьяне, ещё имевшие право выбирать себе участки, предпочитали селиться именно здесь.

Рост численности наблюдался и в селениях старожилов. Так, население уже упоминавшейся ранее деревни Мироновки Новоузенского уезда, увеличилось с 86 до 110 ревизских душ. Ещё больше выросло население деревни Дергачи - с 944 до 1378 ревизских душ¹⁴. Следует заметить, что население заволжских деревень в основном росло не за счёт естественного прироста, а за счёт наплыва переселенцев.

Сёла и деревни государственных крестьян в Николаевском и Новоузенском уезде имели свои особенности. Из всех селений этих уездов нет почти ни одного, где бы население состояло из переселенцев одной какой-либо губернии или уезда, а всегда из 4, 5 и даже 9 губерний¹⁵. Это обстоятельство сформировало своеобразную ситуацию в заволжских селениях. Так, например, современник отмечал, что во многих деревнях встречаются резкие отличия в одежде переселенцев. В одной части селения все женщины одеты в красные шерстяные юбки и белые рубахи, а головы их покрыты голубыми платками, на другом же конце все ходят в полосатых или клетчатых юбках, другого покроя и с другими узорами¹⁶. Среди переселенцев сохранялись не только различия в одежде, но также особенности *разговорной речи, народных поверий, быта. Так, у крестьян-малороссов, в* целостности сохранился тип землянок их Полтавской и Черниговской губерний, а также обряды свадеб и похорон¹⁷. Хочу заметить, что некоторые различия в быту потомков переселенцев из разных регионов империи сохранились в заволжских селениях до наших дней.

После образования министерства государственных имуществ в 1837 г., процесс переселения и формирование новых населённых пунктов претерпел некоторые изменения. Теперь крестьяне были лишены права

¹⁴ РГИА, ф. 381, оп. 2, д. 1532, л. 44об-47.

¹⁵ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Николаевский уезд. Самара, 1890. Т. 6. С. 10.

¹⁶ Военно-статистическое обозрение Российской империи... С. 82.

¹⁷ Там же. С. 85.

выбирать себе земли, а переселялись целыми семьями на заранее приготовленные министерством участки. Очень часто эти участки располагались достаточно глубоко в степях Новоузенского уезда, где не имелось достаточного количества воды, поэтому министерство устраивало при таких селениях колодцы. Так, в 1843 г. при новообразованных селениях в Новоузенском и Николаевском уездах было вырыто 18 колодцев. С этой же целью создавались и плотины, в том же 1843 г. их было выстроено пять. Одна из таких плотин при д. Ивановке Новоузенского уезда, была особенно впечатляющего размера. Ширина плотины составляла 8 метров, а воду она поднимала в длину на десять вёрст¹⁸.

Характерной особенностью новых поселений было и то, что в них было более порядка правильности и безопасности от огня, что отметил подполковник генерального штаба Безносиков¹⁹. А связано это было с одной из мер программы «попечительства» палаты государственных имуществ. Для предотвращения массовых пожаров министерство выработало строгие правила застройки селений, которые вступили в силу 11 ноября 1839 г.²⁰.

Новые дома должны были возводиться по возможности из камня, крыши из черепицы, между домами предписывалось оставлять значительные интервалы для посадки деревьев, селения следовало перерезать площадями, улицами и переулками, а бани и кузницы выносить в сторону от жилых строений. На каждое вновь отстраиваемое селение должен был составляться план. Наблюдение за постройками и соблюдение планов возлагалось на гражданского инженера, служившего при губернской палате²¹. Министерство такими мерами преследовало не только борьбу с пожарами, но и улучшение внешнего благоустройства селений.

Однако следует отметить, что не все эти запланированные мероприятия министерства реализовывались на практике. Судя по всему, планы по строительству часто не соблюдались, интервалы между домами застраивались амбарами и надворными строениями. Количество каменных домов составляло не более 2 %²², к общему числу вновь возведенных зданий. Это было вполне понятно: министерство с трудом-то дерево доставляло на луговую сторону, а привезти сюда камень или черепицу вообще не представлялось возможным, поэтому подавляющее количество крестьянских домов, продолжали строить из дерева или глины с соломенными крышами, а это создавало угрозу для возникновения пожаров.

¹⁸ ГАСО, ф. 27, оп. 1, д. 317, л. 11.

¹⁹ Военно-статистические обозрения Российской империи... С. 101.

²⁰ ГАСО, ф. 27, оп. 1, д. 197, л. 23.

²¹ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 2. М., 1956. С. 270-271.

²² Там же. С. 272.

Результатом деятельности нового министерства было и утверждение 8 апреля 1843 г. новых правил о переселениях. Они несколько облегчали по сравнению с указом 1824 г. условия водворения переселенцев²³. На основании этих правил осуществлялась правительственная колонизация в 1840-е гг. Саратовская губерния между VIII и IX ревизиями по-прежнему находилась среди первых по количеству переселенцев. Наиболее динамично развивающимся районом края оставалось Заволжье с его огромными запасами свободных земель. Если в правобережной, гораздо более плотно заселённой части Саратовской губернии, население увеличилось в этот период на 115134 души мужского пола, то в левобережной – на 173991²⁴.

С увеличением народонаселения резко возрастает и количество селений государственных крестьян. Только за период с 1836 по 1841 гг., количество новых населенных пунктов на территории Николаевского и Новоузенского уездов возросло почти в три раза. Так, в Николаевском уезде, в 1841 г. насчитывалось уже 108 сел и деревень государственных крестьян, а в Новоузенском, в том же году, - 50 селений²⁵. Также следует отметить, что с 1841 г. активно начинает заселяться юго-восток Новоузенского уезда. Если ещё в первой трети XIX в. здесь существовала лишь небольшая цепь однодворок – уметов²⁶, то теперь, в самой глубине степей, по рекам Большому и Малому Узеньям, Еруслану и Ахтубе на границе с владениями Уральского казачьего войска и казахской Букеевской (Внутренней) орды, раскинулись новые селения, такие как: Новотулка, Питерка, Козловка, Нижний Еруслан и Морша²⁷. Образование новых селений продолжалось и в последующее время. К 1843 г. количество населенных пунктов в Николаевском уезде возросло уже до 113, а в Новоузенском уезде - до 65²⁸. Всего лишь за два года в обоих уездах количество населённых пунктов увеличилось на 20 поселений. Разумеется, такой стремительный рост селений государственных крестьян был вызван только притоком большого количества переселенцев, которых только с 1838 по 1843 гг. в Заволжье переселилось 10486 ревизских душ²⁹.

Впрочем, со второй половины 1840-х гг. ситуация начинает меняться. Губернская палата государственных имуществ, в меру возможностей, пыталась обустроить новых переселенцев, но справиться с огромным потоком крестьянской бедноты, хлынувшим из центральной России и лево-

²³ Булычев М. В. Крестьянская колонизация Саратовского края ... С. 19.

²⁴ *Он же*. Правительственные меры по обустройству переселенцев ... С. 147.

²⁵ ГАСО, ф. 27, оп. 1, д. 197, л. 174.

²⁶ Булычев М. В. Крестьянская колонизация Саратовского края ... С. 21.

²⁷ ГАСО, ф. 27, оп. 1, д. 197, л. 6-7 об.

²⁸ Там же, д. 317, л. 165.

²⁹ Булычев М. В. Правительственные меры по обустройству переселенцев ... С. 147.

бережной Украины, не могла. Поэтому, министр специальным указом от 24 февраля 1843 г. приостановил на год все новые переселения. Но это распоряжение продолжало действовать и два года спустя³⁰. Переселение в Саратовское Заволжье продолжалось и в последующее время, но масштабы были уже более скромные. Так, в 1845 г., несмотря на ещё действующие запреты, вполне официально переселились лишь 29 душ из Московской губернии³¹. За 1846 г. переселилось 69 душ, из которых 65 осели в Николаевском уезде, а остальные 4 души в Новоузенском³². По понятным причинам, эти крестьяне новых селений не образовывали, а подселялись к старожилам. Тем самым происходил процесс укрупнения селений, о чем свидетельствует распределение крестьян между селениями различной людности. Особенно это явление было заметно в более заселённом Николаевском уезде, где большая часть государственных крестьян проживала в средних (от 10 до 100 дворов) и в крупных (свыше 100 дворов) населённых пунктах³³. Обращает на себя внимание в этом уезде и наличие очень крупных сельских поселений, насчитывающих от двух до четырёх тысяч душ. По наблюдению современника, многие из этих сёл наружным видом были лучше устроены, чем многие уездные города во внутренних губерниях³⁴. Как отмечал Б. Н. Миронов, тенденция укрупнения поселений должна была иметь серьезные социально-экономические последствия. В крупных сельских поселениях должны были активно развиваться рыночные отношения, кустарная и фабричная промышленность, торговля и неземледельческие промыслы, включая отходничество³⁵. В этом плане в селениях колонизируемого Заволжья, не только промышленность, но и неземледельческие промыслы (за исключением извоза) не получили развития³⁶. Заволжье приобретало черты почти исключительно аграрного региона. Но, заниматься одним земледелием в таких крупных населённых пунктах из года в год становилось все труднее. Возраставшее население заволжских селений, как правило, не придерживалось правильной обработки при распашке полей³⁷. Каждый переселенец, выбрав место удобное для посева, распахивал его несколько лет, пока не истощится земля, и переходил на новый участок. Тем самым, с каждым годом земли под пашни

³⁰ Булычев М. В. Указ. соч. С. 152.

³¹ Там же. С. 153.

³² ГАСО, ф. 27, оп. 1, д. 496, С. 145.

³³ Сафронов А. Я. Статистический очерк Саратовской губернии // Журнал министерства внутренних дел. 1846. № 7. С. 380.

³⁴ Там же. С. 381.

³⁵ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII-XX вв.). Т. 1. СПб., 2000. С. 292.

³⁶ Булычев М. В. Указ. соч. С. 54.

³⁷ Военно-статистическое обозрение Российской империи... С. 109.

брались все дальше от деревень, что заставляло многих крестьян выселяться из прежнего места обитания и основывать специальные хутора. Так, например, из д. Козловка Новоузенского уезда, выделился хутор Козлов, располагавшийся на расстоянии в одну версту от основного поселения. В 1859 г. этот хутор состоял из 3 дворов, при которых проживало уже 70 душ обоего пола³⁸. Со временем многие из таких хуторов могли перерасти в крупные селения.

Ввиду того, что темпы переселений значительно снизились, новые селения государственных крестьян уже в таких количествах, как в предшествующее время не образовывались. Однако с 1847 по 1849 гг. число легальных переселенцев возросло до 3179 душ³⁹ (возможно, сказались запреты предшествующих лет). Вновь прибывшие за это время переселенцы образовали 6 новых поселений. К таковым относятся: Павловское, Смоленское, Смородинка, Перелюб и Украинка⁴⁰. Но, эти населённые пункты стали, по сути, последними вновь образованными селениями в изучаемый период. В 1850 г. переселения в губернию были вновь приостановлены по причине повторного сильного неурожая и массового падежа скота. Во многих селениях Вольского, Хвалынского, Николаевского и Новоузенского уездов крестьяне голодали⁴¹. Но, а завершает этот этап указ императора от 6 декабря 1850 г. о создании в Заволжье Самарской губернии. В состав этого нового административного образования и вошли активно колонизируемые в предшествующие десятилетия Николаевский и Новоузенский уезды. Наиболее динамично заселявшиеся территории были выведены из состава Саратовской губернии. Завершаются и массовые переселения. В жизни Заволжья начался новый этап.

Таким образом, мы видим, что тенденция образования населённых пунктов в Саратовском Заволжье имела ряд особенностей. Во-первых, занятия жителей ограничивались только сельским хозяйством. Во-вторых, несмотря на то, что население заволжских деревень было весьма неоднородным, социальные конфликты между новоселами и старожилами не наблюдались. В-третьих, планировка и благоустройство селений, несмотря на усилия власти, оставались на прежнем уровне.

³⁸ Статистические сведения по Самарской губернии за 1859 г. С. 98.

³⁹ Подсчитано на основании сведений годовых отчетов палаты государственных имуществ.

⁴⁰ ГАСО, ф. 27, оп. 1, д. 641, л. 131.

⁴¹ Булычев М. В. Указ. соч. С. 154.

Андерсон Игорь Владимирович – соискатель кафедры отечественной истории и историографии Саратовского государственного университета.

Ардабацкий Евгений Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории российской государственности, права и международных отношений Поволжского института им. П. А. Столыпина РАН-ХиГС.

Астафьев Евгений Владимирович, председатель Царицынского генеалогического общества, член Совета Российской генеалогической федерации, соискатель Волгоградского государственного университета.

Беликов Михаил Павлович – протоиерей Свято-Троицкого кафедрального собора, преподаватель Саратовской православной духовной семинарии.

Булычев Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии Саратовского государственного университета.

Гуменюк Алексей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии Саратовского государственного университета.

Гусакова Зоя Емельяновна – историк-архивист, заслуженный работник культуры РФ.

Давыдов Вячеслав Иванович – главный специалист Научно-производственного центра по историко-культурному наследию Саратовской области.

Данилов Виктор Николаевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии Саратовского государственного университета.

Дмитриенко Дарья Геннадьевна – экскурсовод, Саратовский государственный художественный музей им. А. Н. Радищева.

Дремов Игорь Иванович – кандидат исторических наук, археолог Научно-производственного центра по историко-культурному наследию Саратовской области.

Дьяконов Вячеслав Алексеевич – кандидат исторических наук, зав. сектором современного искусства Музея – усадьбы Н. Г. Чернышевского.

Камаева Екатерина Евгеньевна – кандидат исторических наук, преподаватель гимназии № 3 Волгограда.

Кобозева Зоя Михайловна – доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории Самарского государственного университета.

Кумаков Андрей Вадимович – кандидат биологических наук, историк-краевед.

Майорова Алла Степановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Саратовского госуниверситета.

Мальшикин Сергей Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и Московского региона Московского государственного областного университета.

Мезин Сергей Алексеевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России и археологии Саратовского госуниверситета.

Моржерин Константин Юрьевич – заведующий сектором археологии отдела хранения и научной обработки фондов Саратовского областного музея краеведения.

Морковина Анна Юрьевна – главный библиотекарь Саратовской областной библиотеки для детей и юношества имени А.С. Пушкина, член Союза журналистов РФ.

Самохвалова Наталья Валерьевна – заведующая архивом Саратовского госуниверситета.

Сафронов Юрий Александрович – историк-краевед, председатель Саратовского историко-краеведческого общества.

Тотфалушин Виктор Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Саратовского госуниверситета.

Трандафилов Евгений Олегович – научный сотрудник отдела истории края Саратовского областного музея краеведения.

Фортун Алексей Андреевич – магистрант института истории и международных отношений Саратовского госуниверситета.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Мезин С.А.</i> О месте Саратова среди российских городов -----	3
<i>Данилов В.Н.</i> Основные факторы исторического развития российского города Саратова-----	14

РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА, ЭКОНОМИКИ И СОЦИУМА В XVIII-НАЧАЛЕ XX ВВ.

<i>Дремов И.И.</i> Этимология Сарытау в свете последних топонимических исследований -----	24
<i>Беликов М.П., Дремов И.И.</i> Новые археологические находки на предполагаемом месте основания Саратова в устье Гуселки -----	33
<i>Трандафилов Е.О., Моржерин К.Ю.</i> Левобережный Саратов: предметы материальной культуры -----	45
<i>Астафьев Е.В.</i> Одно из первых изображений Саратова и Царицына на географических картах -----	54
<i>Ардабацкий Е.Н.</i> Городское общественное управление Саратова в российском законодательстве первой половины XIX века-----	59
<i>Мезин С.А.</i> Состав и занятия населения Саратова в 1736 году -----	76
<i>Булычев М.В.</i> Зоны отдыха саратовцев (середина XIX – начало XX в.)-----	88
<i>Камаева Е.Е.</i> Трансформация городской жизни в условиях пореформенной России (на материалах уездных городов Саратовской губернии) -----	99

ГОРОДСКАЯ ИСТОРИЯ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

<i>Дьяконов В.А.</i> Театр Г. Гладкова (1803-1806 гг.) – первое общедоступное профессиональное учреждение искусств в Саратове-----	105
<i>Майорова А.С.</i> Возможность использования произведения художественной прозы в качестве источника для изучения повседневной жизни саратовского дворянства в середине XIX века -----	110
<i>Кобозева З.М.</i> Срочный мещанский паспорт и «процедуры повседневной изобретательности» -----	119

<i>Дмитриенко Д.Г.</i> Росписи городского деревянного особняка рубежа XIX – XX в. в Саратове -----	128
<i>Давыдов В.И.</i> Саратов и Федины. Места проживания и домовладения – новые факты -----	134
<i>Гуменюк А.А.</i> Роль и место музеев в досуге населения и культурном пространстве советского социума во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг. (по материалам города Саратова) -----	151
<i>Сафронов Ю.А.</i> Выдающиеся люди на земле саратовской (критерии отбора и методика оформления коллекционного материала в учебном процессе и музейном экспонировании) -----	160
<i>Мальшикин С.А.</i> Документы Российского государственного военно-исторического архива по истории Саратова и Саратовской губернии -----	165

*ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО
В УРБАНИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ*

<i>Андерсон И.В.</i> Отношение приходского духовенства и «градских обывателей» Саратова в первой половине XIX в.: социально-экономический аспект -----	171
<i>Гусакова З.Е.</i> Саратовский период биографии Г.Е. Гернгросса -----	180
<i>Морковина А.Ю.</i> Деятельность педагога-новатора Э.Я Кноте (Рудомино) в Саратове в 1910-1915 гг. -----	187
<i>Самохвалова Н.В.</i> Саратовская страница жизни А.М. Згуриди -----	195
<i>Тотфалушин В.П.</i> Первая мировая война и саратовский спорт -----	203
<i>Кумаков А.В.</i> Формирование административных структур для реквизиций и конфискации собственности в первый год социалистической революции -----	208
<i>Фортун А. А.</i> Формирование сети селений государственных крестьян в Николаевском и Новоузенском уездах Саратовской губернии (1820-е – 1840-е гг.) -----	221
Сведения об авторах -----	229

Для записок

Научное издание

ISBN 978-5-9909041-3-2

**САРАТОВСКИЙ
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК**

Научные труды и публикации

Выпуск 6

Под редакцией проф. В.Н. Данилова

Ответственный за выпуск: В. Н. Данилов
Оригинал-макет, обложку подготовил: С. Н. Берднов

Подписано в печать 18.11.2016. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Уч.-изд. л. 9,8. Усл.-печ. л. 13,72 (14,75).
Тираж 100. Заказ № 876-12.

Издательство «Техно-Декор»,
Саратов, Московская, 160, тел.: 26-38-48
sar-print.ru

